

Павел Брычков

Полуденный зной Исторический роман

Глава 1

Ночь на мая 22 день выдалась на Кроншлотском рейде у острова Котлина ветреная, и обитатели адмиралтейской галеры "Святая Наталия" спали плохо. Камердинер государя Петра Алексеевича Абрам Ганнибал и вовсе почти не сомкнул глаз: не единожды царь вскакивал в постели и окликал его. Абрам возжигал свечу и, блестя белками, подносил ее к грифельной доске, на которой Петр быстро записывал одно-два слова и, махнув ему рукой, вновь засыпал, изредка всхрапывая. Камердинер ложился и чутко дремал, боясь проспять зов государя. В середине ночи, когда Петр проснулся второй раз, нацарапал на доске слово и уснул, Абрам осторожно вышел из каюты, миновал часовых - усатых гвардейцев, вытаращивших на него глаза, скользнул в каюту царского денщика Поспелова и разбудил его:

- Василей Петрович, проводи, страшно одному...

- Куда ты лешак несет? - дружелюбно проворчал Поспелов. - Кого бояться тут, головня ты арапская! Самого, чай, всяк боится... Че дыбишься? От тюкну по чернорепке, чтоб сон не рвал!..

Они не спеша прошли мимо пустых банок гребцов за мачту, и Абрам направился к гальюну.

Наверху со скрипом ворочался рей со взятым к нему сезнями парусом. Ветер свистел в туго натянутых топенантах и крепежных фалах.

- Ишь, как с моря прет, - сказал вышедшему Абраму Поспелов, задрав голову, - кабы не пришлось одной греблей идти. Только б господин адмирал Федор Матвеевич дошел с Божией помощью до Гельсингфорсу, - перекрестился он и зашагал к корме.

А над Финским заливом властвовал зюйд-вест. Гнал волны из Балтийского, покуда еще полностью "свейского", моря, препятствуя намерениям русских вырваться своим флотом из залива, блокированного у мыса Гангут эскадрой адмирала Густава Ватранга в 31 вымпел, среди которых гордость шведского флота: 16 линейных кораблей и 5 фрегатов с флагманом "Бремен", мимо чьих пушек, казалось, не прошмыгнуть ни одному русскому вымпелу.

Оттого и царю Петру беспокойно спалось. Все ли ладно у Апраксина, что крадется шхерами с почти сотней галер к Гельсингфорсу. Немедля надо и ему отбыть туда же. Пора, пора Карлу и на море конфузию дать. А на суше, хвала Вышнему, немало викторий добыто...

Поднявшись задолго до света, Петр натянул грубые матросские штаны, наклонившись к свече, раскурил трубку и весело сказал стоявшему рядом Абраму:

- Читай, чего я там на доске ночью писал!

- Ер - кеть, - неуверенно прочитал камердинер и, вытянувшись, бодро повторил: - Еркеть, мой царь!

- Молодец! Уже и мои каракули разбираешь... Вот окончим сию кампанию, и пошлю тебя учиться, к примеру, в Париж!.. А что слово "Еркеть" значит, ведаешь ли?

- Не ведаю, мой царь, - виновато потупился Абрам.

- Не мудрено: сей калмыцкий город и мне ведом токмо по справе сибирского губернатора...

Ступай, скажи денщику, пусть позовет кабинет-секретаря.

Макаров, личный кабинет-секретарь государя, долго ждать себя не заставил, вошел одетый по форме, при шпаге, чисто выбрит. Ибо вставал всегда раньше царя, зная, что это ему по нраву.

- Александр Васильевич, где ныне доношение князя Гагарина о песошном золоте? Вспомнилось ночью, что по нему никакого определения не учинено. Пошто не подал?

- Доношение сие при мне, ваше величество. А не подал, дожидаясь в Питербурх приезду сибирского губернатора князя Гагарина, кой послан вашим величеством на ревизию Вышневолоцких шлюзов. Однако мы ушли на остров Котлин до его приезду. Ныне, мне ведомо, он в городе.

- Сие зело кстати. Пошли за ним моего денщика, растолкуй о деле. Пусть не мешкая Гагарин найдет доброго офицера, кому б сие дело препоручить можно было. Да принеси доношение.

Макаров отправил денщика Поспелова и вернулся с доношением князя Гагарина.

- Читай, Александр Васильевич, - велел Петр.

- "Город калмытской Еркеть, под которым на реке Дарье промышляют песошное золото, в расстоянии от Тоболска по скаске Еркетских жителей, что доходят от Еркеть до Тары в полтретья месяца не скорою ездою. А от Тары до Тоболска в пять дней. И ежели изволит Ваше Величество промысел чинить к тому месту из Тоболска, то кроме того неможно, что поселиться городами к тому месту, того ради, что Ямыш-озера и до Еркети кочуют калмыки и будут противиться как им возможно, чтобы не допустить в тех местах строить городов, дабы онаго их промыслу не терять..."

- Довольно, - остановил Петр, - вспомнил! П что управиться можно из Сибирской губернии для той калмыцкой противности двум или трем полкам быть... Что ж, надобно и в Сибири регулярному войску стоять. Быть по сему! А уфимских башкирцев для сего дела, как он пишет, брать не надлежит, ибо не надежны покуда... А где то золото, что привез князь Матвей Петрович?

- Как вы изволили, сие золото в кунсткамере.

-Давай бумагу, учиню определение.

Едва Петр выхватил из пучка гусиных перьев, Абрам ловко открыл крышечку чернильницы, и царь написал прямо на доношении сибирского губернатора, чтобы строили Ямышевскую крепость, а построив, шли бы вверх по реке лодками, сколько пройти можно, а после шли бы до города Еркети и овладели им. Для дела сего определить две или полторы тысячи человек, а также сыскать из пленных шведов, которые "умеют в инженерстве и артиллерии", однако чтоб их было не более трети...

Написав, приказал Макарову:

- Приготовь указ по сему делу к приходу Гагагина. Коего офицера он укажет, того в указ сей впишешь... Каков ветер?

- Зюйд-вест.

Петр помрачнел, сдвинул брови, обозначив две вертикальные морщины, морщины, и сказал:

- Ладно, завтра тронем с Божией помощью...

Разговор в покоях государыни был поначалу о тех милых пустяках, кои интересны лишь двум давно не видевшимся приятелям. Князь Гагарин рассказывал государыне о бескрайней своей Сибирской губернии, жаловался на тяготы службы, на слабость полуденных границ, где дерзают то черные калмыки, то теленгуты, то кайсаки... Сетовал, что не застал государя, беспокоился о здоровье своего дружка любезного, сиятельного князя Александра Даниловича, говорил, что кровохарканье прошло, бог даст, встанет скоро...

Матвей Петрович Гагарин, пышнотелый крепыш, ходил резво подле государыни, сидевшей на мягком диванчике, не столько по надобности, сколько дабы не смущать сибирского губернатора, который был ниже ее на полголовы. Да и сам царь, зная, что не любит князь снизу вверх глядеть, старался по возможности держаться поодаль или сидеть.

Когда Гагарин рассказал о богатстве полуденных стран, государыня поднялась и, помахивая веером, воскликнула:

- О, майн фройнд, не можно ли добыть в китайском торгу алмазных перстней?..

- Ваше величество, Екатерина Алексеевна, все можно достать, были бы деньги. Таков камень подойдет? - оттопырил Гагарин мизинец с бриллиантовым перстнем. Царица прищурилась и ласково протянула:

- Вундербар... Чудный камень. Для вашего величества я добуду лучше, - склонился к руке государыни он так резко, что с парика посыпалась пудра.

- Гут, гут... Я дам для алмазных перстней свои деньги.

-Доложили о прибытии денщика Пospelова. Царица велела ему войти.

Поклонившись, Пospelов оттарабанил:

- Ваше величество, государь приказал его сиятельству князю Матвею Петровичу Гагарину прибыть немедля на галеру "Святая Наталия"...

- По какому делу? - спросил Гагарин.

- По делу о посылке за песошным золотом. Ведено также сыскать доброго офицера для дела сего.

Гагарин радостно вспыхнул:

- Добрая весть! Государыня Екатерина Алексеевна, дозвоьте откланяться. Не чаял Петра Алексеевича увидеть, ан вспомнил-таки обо мне! Вспомнил, ибо дело для Отечества нашего наиважное!

Гагарин поцеловал царице руку и вышел с Пospelовым.

- А офицер-от у меня давно примечен, - похвастался он. -Едем к преображенцам!

Возле деревянной пристани неподалеку от адмиралтейства на якоре стоял фрегат, а с двух бортов его брали на абордаж, выпрыгивая из галер, солдаты-преображенцы. У бревенчатого причала три офицера наблюдали за учением. К ним и направился князь Гагарин.

-Подполковник! Бухолц!

Один из офицеров оглянулся и зашагал навстречу князю.

-Ну, Иван Дмитрич, не передумал съездить к тестю в Тобольск?.. Господь услышал мои молитвы, к себе нас требует государь Петр Алексеевич...

На галеру они поднялись, когда уже совсем стемнело. Ветер поутих, и по заливу катились, всплескивая, редкие невысокие волны.

Царя застал» склонившимся у стола над картой. Встретил он Гагарина приветливо: обнял его, троекратно облобызал и спросил:

- Что, сибирский губернатор, будем на Дарье золото брать?

- Всенепременно, Петр Алексеевич! Вот, как велел, и офицера доброго нашел, - кивнул Гагарин на Бухолца.

- Да у тебя губа не дура, Матвей Петрович! - воскликнул Петр. - Это ж лейб-гвардии капитан Иван Бухолц. Братьев Бухолтовых с Полтавы знаю, славно бились! Такие офицеры и тут на особом счету, найди у Данилыча другого... Как он? Заходил к нему?

- Был. По-прежнему болен, однако два дня как кровью не харкает, чаю, подыметесь... А без доброго офицера и мое дело не справить, нужно ведь казне золото?

- Зело потребно, зело, - нахмурился Петр. - Кораблей парусных надо больше, дабы утвердиться на море...

- Да и тесть у него в Тобольске комендантом, Дорофей Афанасьевич Траурнихт...

- Ладно, быть по сему, пусть едет! Сейчас поговорим о деле. Подойди к столу, подполковник. Ежели что не так скажу, поправишь, Матвей Петрович! - Петр положил ногу на ногу и продолжил, обращаясь к Бухолцу: - В Тобольске возьмешь у губернатора тыщу пятьсот или по нужде две тыщи воинских людей и пойдешь с ними до Ямыш-озера, где крепость поставишь. Зазимуешь и по весне яко возможно скорее с теми людьми иди далее до городу Еркетью. Токмо накрепко смотреть того, чтоб дорогою идти такую, где б была для людей выгода...

А для сего надобны ведомцы добрые. Найдешь, Матвей Петрович? - обратился царь к Гагарину.

- Сыщем, многие в те земли хаживали...Понеже земли дикие, того ради при реках и при лесах делать надобно редуты для провианту и склады, и для коммуникаций. И чтоб редут от редута не был более шести дней или недели времени от одного к другому. И в тех редутах оставите по несколько человек людей по своему распоряжению... Петр помолчал, велел камердинеру подать вина и продолжил:

- А коли до Еркетья дойдете, с помощью Божией пытайся тот город достать, укрепить и проведать доподлинно, каким образом и в которых местах на Дарье-реке тамошние жители золото промышляют, и куда оная Дарья устьем своим выходит... Непременно сыщи из шведских офицеров, которые в артиллерии и в минералах разумеют и которых с воли губернаторской возьмешь...

- Привередливы иноземцы, однако кой-кого сговорим, -вставил Гагарин.

- Да и в прочем во всем делай с воли и совету губернаторского, лучше его стороны той из нас никто не знает. Александр Васильич, - повернулся он к Макарову, - подай указ.

Петр подписал указ, подошел к Бухолцу и положил руку на его плечо:

-Вот тебе указ в шести пунктах, а в прочем поступай, как доброму и честному человеку надлежит! Знаешь, в какое время отрываю, каждый солдат дорог! Карла на море покуда силен... Чем сия баталия обернется - не ведомо, все во власти Божией... Корабли нужны, корабли! Коли золото добудешь, велика будет твоя польза Отечеству. Старайся, а мы уж тут расстараяемся! Людей много не дам: возьмешь из преображенцев двух сержантов да шесть солдат. А в Москве в Военной канцелярии бери офицеров семь человек, да чтоб был среди оных майор, тебе помощник... Коли в чем нужда крайняя будет, мне самому пиши. А теперь выпьем за победу российского оружия!

-Он указал на поднос с чарками, наполненными Абрамом.

- Что, Иван Дмитрич, знатно, знатно все выходит! - радовался князь Гагарин, сидя с Бухолцем в карете. - Коли с тобой сие дело свершим, так честь нам будет немалая... Чаю, миром с калмыками поладим. Были их посланцы от самого контайши Цеван-Рабдана, отправил с подарками, а в прошлом году Иван Чередов ходил к ним... Противность чинить нам не станут, хотя (и надо с ними ухо остро держать. Только ныне у них дела худце: с казацкой ордой не в ладах да и с китайским императором того гляди схватятся...

- А золота доподлинно ли там много?

- Своими руками привез государю двадцать семь лан золота песошного. Ведомцы сказывают, что все, кому не лень, берут у Еркетья золото в ручьях, намыывают на войлок да на одеяла верблюжьи... - Гагарин рассмеялся и сказал: - Как пришел я с тем песком и шутки ради говорю: -Петр Алексеич, ест-де у меня табак заморской, дюже редкой, дай твою трубку набью на пробу, и золотым песком ее наполнил и сверху табаком присыпал. Петр Алексеич прикуривает - не тянется. Что такое? Выбивает на руку, а там - золото. Долго смеялся... Я ж ему говорю, чтоб не забыл о сем деле... Вот, не забыл!

- Когда надлежит отправляться? - спросил Бухолц. -Подводы где брать? Кормовые, прогонные из которой казны? В указе о сем не писано...

- Эх, - с досадой хлопнул пухлой ладонью Матвей Петрович по золоченому эфесу шпаги,- надобно было о том у Петра Алексеича испросить! Ну да ладно, покуда собираешься, я подам доношение в Сенат. Что он укажет, о том дам тебе знать... Моя губернская казна вовсе ныне бедна...

"Ежели на подводы бедна, - настороженно подумал Бухолц, - как же полки отправлять собрался". Подумал, но ничего не сказал..

- Коли дней через десять отправишься в Москву, будет и ладно. Только в Москве меня всенепременно обожди... Офицеров самолично выбирай, чтоб дело разумели. Там, брат, не по ассамблеям шастать! Знаешь, подполковник, я уж думал, сему делу никакого ходу не будет, велел казаков пятьсот человек под началом дворянина Стефана Фефилова готовить, чтоб у Ямышевской пристани земляной город ставили. Сегодня же пошлю нарочного в столицу свою, дабы тебя ждали...

Дома Иван Дмитриевич увидел старшего брата Аврама, сидевшего в полковничьем мундире в кресле. При входе брата он вскочил:

- Заждались мы с Марьей Дорофеевной тебя, Иван, где пропадал? В море идешь? Меня ж в городе оставили...

- В море не иду и в городе не остаюсь - по воле царской еду в Тобольск к теще на блины.

- В Тобольск?! За какими делами? - удивился Аврам, вскинув густые, как у брата, брови.

- К батюшке! - обрадованно воскликнула Марья Дорофеевна, жена Ивана Дмитриевича.

Иван Дмитриевич нахмурился, глянув на еще казавшуюся, несмотря на свои тридцать лет, совсем юной жену: опять предстоит разлука. Из десяти лет супружеских, сколько они провели вместе?

Половина наберется ли?... Кажется, совсем недавно под венцом стояли: ей - двадцать, ему - тридцать три...

- Надобно набрать в Сибири полки и идти искать песошное золото у калмыцкого города Еркетья...-

- Аврам Дмитриевич покачал головой: - Зело трудное дело предстоит. В Сибири ведь регулярного войска нет... Задлится, чаю, твоя поездка. А от Тобольска до Еркетья велик ли путь?

- Сколько верст, неведомо, губернатор же говорит, что в полтретья месяца доходят.

- Да... А меня комендантом в Шлиссельбургскую крепость определили, вот проститься зашел. Теперь, поди, ранее года не свидимся, прощай, береги себя...

- Нет ли у тебя сержантов или солдат добрых?

- Одного дам, солдата Лычагина. Сметлив и смел, и силен, как медведь... Не отдал бы, да тебе он нужней... Ладно, по такому случаю завтра приходите ко мне отобедать, чаю, без меня один день еще в Шлиссельбурге проживут, там обо всем и договорим, а нынче уж поздно...

Когда остались одни, жена с тревогой спросила:

- Иван Дмитрич, девочек возьмем с собой?

- Машенька, куда с собой? Сие немисливо! Ты останешься

с ними в имении у матушки. - Верно ли, что сие дело может на год задлиться? - прервала она его дрогнувшим голосом. - Может, Машенька, может... Неожиданно жена зарыдала, спрятав лицо в ладони с кружевным платочком. - Маша, да пойми же, со мной солдаты! Подвод еще нет, прогонных тоже...

- Я не могу быть без тебя! Я хочу видеть отца!
- Сие не в моей воле...
- Ежели ты меня не возьмешь, я наложу на себя руки!.. Зная характер жены, Бухолц испугался.
- Машенька, нынче бездорожье... Зачем мучить себя и детей!
- За меня не беспокойся, а девочек можно оставить у матушки.
- Ты так легко их покинешь?
- Не легко, но иначе будет хуже... Иван Дмитрич, я умоляю,- опять зарыдала она.
- Ладно, ладно, я подумаю...

Сержантов и солдат он подобрал быстро. Но о подводах и прогонных никаких вестей от князя Гагарина не было уже неделю. Иван Дмитриевич отправил жену в имение под Вязьму, договорившись встретиться с ней в Москве, и, не терпя безделья, самолично разыскал сибирского губернатора.

Тот сделал поначалу недовольный вид, мол, сказывал, что сообщит сам, но, когда Бухолц сказал ему, что не терпит промедления в государевых делах, посему и беспокоит князя, что-де солдаты готовы и дело за прогонными и подорожной, обещал ускорить отправление.

По всему, разговор шел не напрасный: июня во 2 день Гагарин подал в Сенат доношение, в котором испрашивал, что-де укажет правительствующий Сенат о даче подполковнику Бухолцу да кроме него двум сержантам, да шести солдатам, да шести денщикам подвод и корму. Через день из Сената за подписью князя Григория Волконского был получен указ: "И по его великого государя указу правительствующий Сенат слушал с того доношения, приказали подвод давать, на чем им съехать. А прогонные деньги на те подводы, также и кормовые, давать из Сибирской губернии из неокладных доходов".

Хоть и не в радость был указ сей Гагарину - оберегал князь губернскую казну на дела для самой губернии полезные, - да ничего не попишешь, тем паче, что и трата покуда невелика.

Как бы там ни было, а через неделю Иван Дмитриевич Бухолц ехал со своим малым отрядом на двадцати подводах по дороге на Москву. Несмотря на то, что за этой дорогой лично следил сам царь, грязи и ухабин и на ней хватало. То и дело попадались ямины, полные жидкой грязи, которые приходилось объезжать обочиной, где можно, или выталкивать телеги, помогая лошадям. Местами же на взгорьях было сухо, и телеги катили, поскрипывая смазанными дегтем втулками.

Однообразен путь по таким дорогам. Все думы передумаешь не по одному разу, и солдаты рады любой остановке в пути. С ямских дворов сходили по утрам хмурые и злые. На третий день сломалась ось на одной из телег. Благо, что рядом с дорогой оказался кирпичный заводик, куда и завернули, чтобы исправить подводу. Пока суд да дело, свободные солдаты подошли к ограде, за которой скованные попарно цепью лохматые мужики месили босыми ногами глину.

- Че, служивые, ай интересно? Так помогли бы! - весело воскликнул чернобородый мосластый мужик с косым шрамом от виска до ноздри, топоча по кругу.
- Бог поможет, - отозвался лениво солдат Лычагин.
- Бог наш, видать, ослеп и оглох... А вы из Питера, чай, как он там, Питер-от, не провалился ишо?
- Эдаким, как ты, бока-то повытер! - хохотнул Лычагин.
- Ежели б только бока, жизнь была бы легка! Нам вот и шею протер царь-от остер, не сеем, не пашем, целый день пляшем...

- За долгой язык, как у тя, и головы можно лишиться.

- Че нам голова - голову снимут, цепь спадет... А то верно: за моим языком не поспеешь босиком, - усмехнулся колодник со шрамом на щеке. Напарник же его за все время только угрюмо позыркивал, лениво вытягивая из вязкого месива то одну, то другую ногу.

Несмотря на задержку, к ночи добрались до ямского двора, где и остановились на ночлег.

Бухолца хозяин, юркий мужичонка, пригласил в свою горницу, а сержанты и солдаты расположились в избе для проезжих: курьеров, ямщиков, торговых и служилых людей.

На длинном, на пол-избы, столе из двух плах догорала свеча. Вдоль стен - нары - нары наполовину заняты ночующими. Полати никто не занял: было жарко от протопленной глинобитной печи. Возле нее на деревянных шпильях, вбитых в стену, сушились онучи и лапти, кафтаны и зипуны...

Когда солдаты вошли, большинство уже улеглось, и только у свечи латал свою рубаху старик, по всему, странник. На вошедших глянул мельком и, продолжая свое дело, сказал, чтобы располагались, где душа пожелает, мест-де свободных много. Потом тихо проговорил, что, видно, утром дождь будет - ломит поясницу, сказал, что сын у него тоже в солдатах, посочувствовал солдатской доле, и вообще

старик держал себя так, что могло показаться, что он не проезжий случайный человек, а хозяин сей избы. Лычагин оказался на нарах рядом с ним и спросил шепотом:

- Почто, отец, не спишь?

- Ежели свет мешает, задую, - с готовностью отозвался старик.

- Ладно, пушай горит, солдат и при солнце уснет. Ты-то чего не ложишься?.. Далеко идешь?

- Наше дело таковское, стариковское, иду до первопрестольной. а после до Киева собираюсь...

- Христовым именем кормишься?

- Когда как, больше подающими живу... Ладно, служивый, давай ложиться, - сказал старик, перекрестился двуперстно на икону в углу и задул свечу.

- Ты, дед, раскольщик? - спросил шепотом Лычагин.

- Раскольщик не раскольщик, - ответил осторожно старик, - истинной веры держусь...

- Ты не опасайся, не донесу... Мой родной батя тоже упорство держит в старой вере... Поясни, почто вы царя не любите?

- А коль любопытствуешь по-настоящему, так выйдем да поговорим. И у стен уши бывают. Мне все одно, а ты молод...

- И то верно: берегись бед, пока их нет. Они вышли во двор. Старик присел на краешек долбленной колодины с водой, Лычагин примостился рядом. Говорили по-прежнему шепотом.

- За что, гришь, не любим царя? А сам рассуди, возможно ли антихриста любить, что душу русскую на растерзание и посмех иноземцам отдал, святые древние обычаи оплевал, народ задавил поборами да податями... Ведомы, чай, непотребства сии?

- Постой, дед, все так. Только не для себя старание сие возымел, для умножения славы и силы Отечества, - возразил Лычагин.

- Что нам в славе сей, коли дышать не дают. А то ли еще будет, забрякали дугами-не улежать и хомутам...Все от Никона-сатаны раскололся мир русский, и утвердилась власть антихристова, и вы слуги антихристовы!

- Но-но! - возмутился Лычагин. - Я не антихристов слуга, но царев! А царская власть от Бога! И, чаю, верно он вашего брата гонит, понеже уперлись, как бараны. А баранам пастырь нужен с шелепом жгучим, дабы направлять на путь истинный...

- И кнутом можно коня кормить, только прежде овса дай! А ежели путь не истинный?

- Государю виднее!.. Эх, старик, объявлю вот на тебя слово и дело, чтоб не смущал народ!

- Объяви, объяви, солдатик... - усмехнулся старик. - Коль на виске не бывал. Мне не впервой - не сознаюсь... Вот и узнаешь в хомуте-то, где она. истина! Доносчику - первый кнут, ай забыл?..

- Объявил бы, да не хочу задерживаться. - плюнул Лычагин под ноги, вернулся в избу и лег спать. Утром, поднявшись, старика в избе не увидел. Востер, востер! И след простыл.

Когда отправлялись в путь, сеял мелкий теплый дождь и крупы коней поблескивали от влаги.

Верстах в пяти от ямского двора, вскидывая ошметки слипшейся грязи, подскакали три всадника.

- Господин офицер, ваше высокоблагородие, - обратился один к Бухолцу, - мы с того завода, где вы днем стояли... Два колодника от нас бежали... Всю ночь искали... Коли вдруг встретите, хватайте!..

Иван Дмитриевич кивнул в знак согласия, и отряд двинулся дальше.

Глава 3

Едва засветились вдали купола московских церквей, колеблющиеся в утреннем мареве, будто язычки свечей, лошади, почуяв отдых пошли быстрее, местами, где под уклон, трусили, взбивая пыль.

На другой после дождя день стал безпродыхный зной. Минул уже Иван Купала, и солнце жгло нестерпимо. Весь оставшийся путь солдаты ехали с дозволения Бухолца в нательных рубахах, скинув камзолы и треуголки. Но зной все равно донимал до выступа вдоль хребтины пота, и почти у каждого встреченного на пути ручья, а в деревнях у колодцев, солдаты подолгу поили коней и обливались водой.

Первопрестольная встретила полупустыми улицами.

Приказав сержанту Урезову определить солдат на постой, Бухолц с Лычагиным отправился в губернскую канцелярию.

Миновав заваленные бумагами столы, за которыми потели подьячие, Иван Дмитриевич вошел в приемный кабинет. У окна забранного кованой железной решеткой, страдая от духоты, сидел молодой офицер с короткими под государя усиками. Увидев вошедшего обер-офицера встал и представился:

- Ваше высокоблагородие, поручик Трубников!

- Подполковник Бухолц с именованным его величества указом. Извольте доложить господину губернатору.

- Его сиятельство будет в три часа пополудни, -ответил поручик, и на лице его вновь запечатлелось страдание бездеятельности.

Бухолц уже направился к двери, но мелькнувшая мысль остановила его и, обернувшись к поручику, он спросил:

- Давно ли в Москве обретаешься, поручик?

- Осьмой месяц ...Рану залечивал после Щецина.

- А ныне какие намерения имеешь?

- Никаких не имею, губернатор Салтыков при себе держит... Подавал два прошения, дабы направили в полк, но его сиятельство отказали. Кулем же сидение не по мне! - обрадованно изливал душу поручик. - К живым делам, особливо батальным, привычен.

Бухолц, подсел к нему за стол.

-Что ж, поручик, есть у меня такое для тебя дело. Знающие офицеры мне весьма надобны. Дело ж такое, что желаю иметь при себе верных помощников не по приказу, но по доброй воле пошедших, ибо дело не простое...

Серые глаза Трубникова засветились.

- Господин полковник, премного благодарен буду, коли из сей каморы вызволите! Какое дело, можно ль сведать?

Иван Дмитриевич рассказал в двух словах.

- Я весь отныне к вашим услугам! - вскочил Трубников, стукнув шпагой о скамью. - Бог вас послал ...Сибирь!.. Новое дело! Роту дадите?

Бухолц, усмехнулся в усы, глядя на горячность Трубникова, и сказал:

- Погоди! Просить губернатора за тебя буду, а роты нам еще собрать надо и обучить. В Сибири войска регулярного нету, как ведаешь, лишь казачьи полки, так что думай, поручик.

- Берите меня, подполковник! В новом деле и отличиться, чаю, легче.

- Коли об отличии, не о деле, офицер думает, то делу тому польза будет малая, - сухо сказал Бухолц вставая.

- Виноват, к слову пришлось ...А радение мое наипервейше делам, нежели славе, кровью пролитой доказано, - побледнел Трубник

- Ладно, поручик, буду просить о тебе, - примиряюще остановил его Бухолц и вышел.

Уж кажется и привыкнуть пора бы к медлительности в бумажных делах, а Иван Дмитриевич все досадовал на нерадение чиновное. Ведь и царский указ на руках, а куда сам не займешься, дело не стронется с места. Две недели прождал, когда ему выделяют офицеров от Военной канцелярии, но губернатор Салтыков, поручив это дело без промедления исполнить, сам уехал и дело сие, как в стенку уперлось. Знал Иван Дмитриевич, что надобно в таких случаях делать, но денег на взятки не имел и поэтому искал офицеров сам и набрал-таки семь человек: двух капитанов дали из Военной канцелярии, двух прапорщиков поручик Трубников помог найти, но главной удачею считал он встречу с майором Вельяминовым -Зерновым, когда-то по Полтавой поручиком соседней с его, Бухолца четвертой мушкетерной ротой. Судьба развела их, и майор, как и Бухолц, был рад встрече. И не раздумывая согласился отправиться в неведомые земли. Дольше пришлось искать артиллериста. Но в конце концов, опять же случай помог, в доме у губернатора Салтыкова встретился с поручиком от артиллерии Иваном Каландером...

И вот, хоть офицеры и подобраны, и в подъем и прогонные деньги и на них и на себя получены, и каким путем ехать решено - водным до Камня, - а все равно ждать приходится: губернатора Гагарина, как велено было И сие было бы Ивану Дмитриевичу в великую тягость, кабы не приезд жены. Марья Дорофеевна привезла с собой не только успокоение душе, но и думы отвлекала: о ней самой думать надо было. Хоть и бежала она разных ассамблей, до коих многие женки охочи стали, да видно было иной раз - скучает. А за делами много ли с ней побудешь...

Правда, каждый день ездили по всем соборным церквам и по монастырям и прикладывались ко святым мощам, слушали литургию в Чудовом монастыре, где гроб чудотворца Алексея...

А тут еще заботы об имении прибавились. Однажды перед обедом денщик доложил, что просятся мужики из его деревни. Жена, услышав, сказала:

- Верно, челобитчики... Мамаша не приняла их челобитную, сказала, что деревня твоя, тебе и решать: чинить ли убавку по оброку. Помоги им, коли можно, Иван Дмитриевич.!

Два мужика в драных кафтанах с реденькими бородами на изможденных лицах бухнулись у порога на колени. " Нарочно, видать, таких выбрали," - с досадой подумал Бухолц, вопросительно и строго глядя на них.

- Барин, милостивец ты наш, спаси и помилую!. Христом закликаем, прими челобитную от мира вотчины твоей. На доброту твою уповаем, яко ж по доброте матушки барыни пред очи твои допущены. Выслушай нас, батюшка, рабов твоих грешных, - проговорил старший из мужиков, протягивая бумагу.

Иван Дмитриевич взял трубку из двух листов, не разворачивая положил на стол.

- Встаньте! Чего хотите?

- Смилуйся, барин! Наложили на нашу вотчину четыреста баранов, двести мы с великою нуждою собрали, а за пустые те тягла нам баранов взять негде. Оскудели все, батюшка барин, помираем голодной смертью и скитаемся промеж двор и кормимся Христовым именем...

- А хлебным и денежным податям ныне платежи и наряды государевы великие, - вступил второй дрожащим голосом, - и для платежей тех и твоего, барин, оброку продать нам стало нечего ...Волею Божией и скотина померла вся без остатка...

- Сии слова ваши ложных

- Истинно, истинно так , барин! - бухнулся сечь на колени старший из мужиков, - больше питаемся травой и сосновой корою, липовым листом и мохом, мешая с мукой печем хлебы. С того многие от голоду опухли... Ныне рожь вовсе худа, а ерового мало посеяно за скудостью нашей...

- В прошлые лета я в мирскую казну денег давал немало для уплаты государевых податей. За вами недоимок много накопилось, убавку оброчных учинить не могу...Аль мне самому скитаться по миру?

- Барин, вовсе мы разоримся! И тебе в убыток. ..Девок у нас, сирот твоих, не берут замуж вовсе за высоким выводом.

Уменьши вывод с пяти рублем вдвое... О прочих наших нуждах, наш скудный язык и поведать не в силах. О том в челобитной писано. Прочитай, отец, и скажи нам, что по ней учинено будет. Что нам миру передать?..

Бухолца начала было злить настырность мужиков, но подошла Марья Дорофеевна, подала челобитную, прося глазами прочитать ее.

Иван Дмитриевич прочитал бумагу и сказал застывшим в ожидании мужикам:

- Сию челобитную вам писал некто плут-советовщик. Обольготить вас не могу... А то, что за беглых платите, сами виноваты: надобно следить накрепко, чтоб крестьяне не бежали. В деревню отпишу, чтоб по окладу оброчные с вас брали сполна, но радея о вас, вывод за девок уменьшу, как просите, вдвое... Теперь же ступайте и впредь подобных челобитных мне не подавать, сам ведаю, что чинить вам...

На улице старший, нахлобучивая на голову грешневик, плюнул на землю:

- Говорил я, толку не будет!

- Да, - согласился товарищ, - всяк Демид себе норовит, хоть с выводу скостил и то благо.

Глава 4

Из дневника поручила Каландера:

27 июня 1714

Сегодня ровно пять лет великого позора нашего короля под Полтавой, и также ровно пять лет, как промыслом Божиим принужден был я отдать шпагу свою неприятелю в той скорбной для нас баталии. Однако почти три года, как я не чувствую себя пленным, хожу в звании поручика и под моим началом русские солдаты. Долго думал, отчего служу врагам короля моего, и в который раз решил, что причина тому не страх участи тяжкой пленного (хотя русские к нам весьма милосердны), но великодушие сего народа и царя, любовь к иноземцам которого общеизвестна.

Только великий человек способен простить врагов своих. Помню, уже в третьем часу пополудни после Полтавского сражения, где была им добыта великая виктория, он устроил обед нашим пленным генералам и обер-офицерам в царском шатре своем. Смеясь на хвастливые речи короля нашего (оний обещал нам обед в шатре русского царя), царь Петр сказал тогда, что-де, мол, брат мой король Карл просил вас в шатры мои на обед, и вы по обещанию пришли, а король слова не сдержал, то прошу вас в шатрах моих отобедать. За обедом царь в шутку произнес тост за здоровье шведских учителей в ратном

деле. На что его сиятельство первый министр граф Пипер так же шутливо заметил: "Хорошо же, ваше величество, отблагодарили своих учителей! "

Оглядываясь, думаю, что 709 год принесет полный упадок моей стране, ежели не полное уничтожение и возвышение великой державы, которую политики в Европе знали лишь по названию. Только сумасбродство и глупость нашего короля да упование его на сильный флот - причины продолжения войны, которую он уже проиграл и которая будет великими уроком нашему отечеству.

Русские (впрочем, как и другие народы) любят праздновать свои победы. После Полтавы нас, пленных, -числом более 22 тысяч провели по улицам Москвы, которая дивилась великому нашему числу. Кстати, в конце колонны пленных шел тогда его сиятельство граф Пипер. Вот и сегодня здесь в Москве ожидается пышное празднество.

28 июня 1714

Пятилетие Полтавской виктории вчера было встречено как всегда с фейерверками, на которые порошу не жалели, гулянием толп народа и обильным винопитием прямо на улицах.

Вечером среди прочих иноземцев и офицеров был приглашен в дом губернатора московского Салтыкова, где собрались почти все обер-офицеры гарнизона. Волей providения я оказался рядом с подполковником, в котором к своему великому изумлению узнал того самого поручика, что пленил меня под Полтавой.

Я не мог обознаться, память у меня хорошая, да и трудно его забыть: слишком заметны пышные светлые усы его и особенно широкие плечи. Когда он склоняется над столом, мундир на спине грозит лопнуть. Видно, очень силен. Он меня не узнал. А я не спешил открываться. И лишь когда было немало выпито и съедено, - а всего было вдоволь, одних лишь разных рыбных блюд числом более двадцати - я сказал, кто я. Он изумлся не менее меня, узнал (или сделал вид, что узнал) и искренне обнял, прижавшись усами к щеке с той непосредственностью, которая присуща русским.

Узнав, что я инженер и знаю артиллерию, он выказал великую радость и стал настойчиво звать в свою экспедицию в Чжунгарию, куда он послан самим царем за песочным золотом и для проведывания водного пути к Китаю. Я немедля согласился, ибо поездка сия сулит много интересного, и мой путевой дневник, который я веду почти три года, весьма пополнится, думаю, любопытными, возможно, историческими событиями, к коим способен побуждать царь Петр.

Глава 5

Подготовка к отправлению была закончена. Уже и судно нанято, на котором Бухолц со своими спутниками должен отплыть. Осталось только оплатить деньги за найм судна из Сибирской губернской казны да губернатора Гагарина дождаться.

Уж больше месяца как в Москве, а сибирского губернатора все не было. Офицерам, что приискал себе в помощники, Иван Дмитриевич велел являться перед собой каждый день и был доволен ими. Особливо был рад встрече на пиру с поручиком Каландером, который проявлял старание в отыскании пушкарей, хотя и говорил, что добрых канониров в Москве нет, а тех двоих, что нашел, надобно еще довести до потребного знания экзерциции, дабы были не хуже пушкарей полевой артиллерии.

Поручик Трубников под началом майора Вельяминова-Зернова составлял нечто подобное полковому артикулу, ибо предстояло набирать рекрутов, не обученных армейскому строю. Иные пункты брали из "Артикула Краткого", утвержденного сиятельным князем Меншиковым пять лет тому, а иные сами сочиняли, особливо о том, как надо с оружием обращаться, свой опыт влагая.

В конце первой августовской недели в Москву пришла весть о славной виктории, добытой июля 27 дня у мыса Гангут. Губернатор московский стал готовиться к торжеству, жалуясь на скудость умельцев и мастеров в фейерверкских делах. Сожалел, что нет рядом князя Гагарина, ибо уж он-то, Матвей Петрович, помог бы ему. Вон в бытность в 709 году московским комендантом такое празднество устроил с сиятельным князем Меншиковым, что до сих пор помнится всеми, и самыми знатыми, и самыми подлыми людьми...

Матвей Петрович Гагарин, будто услыша в нем нужду, явился в Москву через три дня после радостного известия о морской виктории российского флота. И сразу у Салтыкова дела двинулись. И хотя Гагарин говорил, нам-де с парадизом в сем деле не спорить, однако ж и мы, мол, в грязь лицом не ударим. Рассказывал, что от болезни Санкт-Петербургский губернатор Меншиков ныне с помощью Божию оправился вовсе, и доктора, что ему предрекали непременно скорую смерть, ныне пребывают

в конфузии, что светлейший, получа при нем известие о славной победе, готовится к встрече царя и строит перед дворцом своим триумфальную арку на воде, хочет покрыть ее дорогими коврами и сожалеет, что яко по случаю Полтавской виктории празднество учинить будет невозможно... Гагарин приказал немедля очистить Тверскую улицу, Красную площадь. Жителям велел вывесить с балконов, кто имеет шпалеры и картины, указал подремонтировать мостик через Неглинную у Боровицких ворот, отыскал фейерверкеры и поставил их под начало поручика Каландера, дав тому тридцать рублей, чтоб расстарался, и сказал, чтоб к вечеру все было готово.

Еще до сумерек провозили по Тверской и через Красную площадь суда изукрашенные, которые провозятся по случаю годовщины Полтавской виктории, а едва стемнело, под стенами Китай-города и Кремля взметнулись охапки разноцветных огней, с грохотом выброшенные из пушечных жерл. Стреляли то залпами, то поодиночке. И мальчишки после каждого залпа задирали головы и, услышав лопанье и треск, кричали от восторга, а те, что были на берегу Москвы-реки, швыряли камни в воду, ломали зеркальную гладь, на которой распускались яркие огненные цветы...

А на Тверской перед домом Гагарина, восстановленным после пожара двухлетней давности, когда почти треть Москвы выгорела, и в котором сам Матвей Петрович после отъезда в Тобольск жила редко, а больше жил сын, женатый на дочери барона Шафирова, толпились у выставленных столов со всякой снедью люди. Одни черпали ковшами из бочек, которые выкатили от Гагарина, вино и мед, иные, уже охмелев, сидели тут же, прислонившись к стене, или кричали здравицу в честь сибирского губернатора.

Сам Матвей Петрович с женой княгиней Евдокией Степановной праздновал победу в доме. Самые знатные люди Москвы съехались: и губернатор Салтыков, и вице-губернатор Ершов, и граф Головкин, и князя Ромодановские... Так что Бухолц поначалу даже чувствовал некое стеснение.

Князь Гагарин в серебристом парчовом камзоле громко рассказывал подробности морской баталии, кои услышал он, будучи у Меншикова в Санкт-Петербурге, от царского курьера.

-... Адмирал Ватранг уже намеревался наши галеры в бухте Тверминне атаковать, когда узнал о переволоке, и пришлось ему послать туда контр-адмирала Эреншильда, дабы при спуске галер с берега разбить оные. А вице-адмирала Лиле послал к Тверминне, сам же остался у мыса Гангутского. Но тут на счастье наше Бог послал на море полный штиль. И на другой день поутру капитан-командор Матвей Змаевич объехал неприятельский флот у Гангута морем тридцатью пятью галерами, а после и остальные шестьдесят три галеры пробились из Финского залива подле берега, несмотря на жестоко учиненный от неприятеля огонь, и ушли в шхеры. Придя ж к переволоку, где был Эреншильд, заперли в Рилакс-фиорде фрегат "Элефант" с шестью галерами и тремя шхерботами.

Наши галеры дважды принуждены были отступить от огня более пятидесяти орудий и только с третьего разу взяли на бордаж одну галеру и захватили ее... После и другие галеры взяли, что фрегат прикрывали. И фрегат окружили, и после жестокого боя взяли... Сказывают, что абордирование так жестоко было учинено, что иных солдат не ядрами и картечами, но одним духом пороховым разрывало... Всего взято в плен около шести сотен матросов и офицеров, и контр-адмирал Эреншильд пленен же... После боя сего государь получил звание вице-адмирала...

- Чай, нынче Карлус должен миру у нас запросить, - сказал граф Головкин.

- Кабы король с умом был, так замирится, а сей отпрыск дьявола не замирится, - усмехнулся Гагарин. - Да что нам в том, как-нибудь доломаем... Верно, Иван Дмитрич? - неожиданно обратился он весело к Бухолцу.

- Сие верно! Только попотеть придется.

- То-то, придется! - согласился Гагарин.

- Все ли готово к отъезду? - спросил он Бухолца, когда они вошли вслед за остальными в танцзал, сверкающий зеркалами, люстрами и глянцем на разноцветном наборном полу.

- Все. Надобно только деньги за взятое внаем судно да жалованье.

- Ладно, завтра получишь из доходов Сибирской губернии по рангам. Да кроме того даю в подъем тебе еще сто рублей тут да в Соли Камской сто рублей возьмешь, да сто ведер вина простого, да муки пятьдесят четвертей... Остальным офицерам такоже сто ведер вина выделяю от себя... Когда выйдешь?

- Дня через три, думаю, отчалим.

- С Богом! Я покуда задержусь, у каналов дел много... До моего прибытия все дела решай с обер-комендантом и комендантом... О тебе им указ пошлю, с ними все делай...

"Черная ночь застилает глаза мои, черная ночь... Чувал-ике*, прости: я не вижу огня твоего от черной боли в глазах... Острыми иглами распирает грудь мою злая беда, крючья судьбы впились в мое тело и рвут его с болью великой. О боги, за что опустили вы ночь на глаза мои, как позволили лодке жизни моей налететь на корягу?.. Лунгин* мои, почему вы плохо хранили мой дом, почему болезнь к сыновьям подпустили?.. Хозяйка рода, почему ты мой род пресечь разрешила, где мои сыновья?.. О-о, Тэтакo и Майко, мои сыновья, звездами были вы в жизни моей, а теперь в глазах беззвездная черная ночь... Будто клык луны пронзил мое сердце насквозь... Лучше б пупи меня разодрал, вы бы жили... А теперь я умру, и погаснет чувал мой... Кто стрелы пустит в горячее мясо зверя, чтобы вас накормить, о боги? Кто жирную рыбу поймает и бросит в котел, кто кровью теплой омочит ваши древесные губы? Никто!.. Так что ж вы молчите? Уймите же боль во мне!.." - так плачет безмолвно князец Сатыга в кумирне своей.

Слезятся узкие глаза его, но молчат деревянные боги, молчит и Великий Старик. Деревянное под рогами лицо его бесстрастно, стеклянные глаза холодны, жестяной огромный нос, вкусивший только что запах жертвы, навис бесчувственно над омоченными свежей кровью губами. Но напрасны были жертвы.

Слуга, принесший черную весть о смерти сыновей, все еще стоит на коленях у входа. Шаман Палемха, обещавший исцеление после жертв, тоже встал без движения.

А иглы сильней и сильней распирают грудь Сатыги, от боли некуда скрыться... Он подходит к Старику, шупает его красный суконный кафтан и вытаскивает из-под груди наваленных рядом луков, стрел и копий топор.

Слуга падает ниц, втянув голову в малицу, в ожидании смерти. Но Сатыга не глядит на него, поднимает топор на деревянного божка у ног Великого Старика.

- Не тронь богов! - подпрыгнул шаман Палемха, звякнув одеянием.

- Уйди, Палемха, или боль моя через этот топор уйдет в тебя! Боги забыли дело свое, и пусть моя боль уходит в них! - закричал Сатыга, опуская топор. Шаман и слуга с криком выскочили наружу.

Изрубив мелких божков Сатыга обратился к Великому Старику:

- Старик, защити же себя! Как защитил моих сыновей! Гляди, сколько дров я нарубил для чувала, неужели и ты годен только на дрова? Видно, зря я не отдал тебя сжечь русскому шаману в черном, зря не поменял тебя на его бога... Скажи, где мои сыновья?.. Молчишь! Так я обломаю твои рога!

Он поднял над головой топор, и в это мгновение в кумирню вбежали его люди и повисли на руках.

- Хозяин, оставь Великого Старика! - стали просить старейшины. - Иначе рыба не пойдет в наши сети, и стрела лёнг* не собьет негуса...** Оставь Старика, Сатыга!..

- А он защитил моих сыновей?- вскричал, вырываясь, Сатыга. - Верьте вашему пустому Старику, а я пойду искать другую веру! Русский шаман даст настоящего бога!

- Не дело, Сатыга! Наши предки молились только Старику... Неправое дело - искать чужих богов!

- Это не боги, это дрова, - сказал Сатыга и бросил обрубки божков в чувал. - Молитесь дровам, а я еду к русскому шаману! Кто со мной?

Немного ушло с Сатыгой: десятка два верных людей. А Палемха шептал злобно, что у Сатыги затмился разум черной немочью, и его надо убить. Ибо принявший чужую веру все равно мертв для рода своего. И чтобы род был жив, Сатыгу надо убить. К вечеру он убедил оставшихся в этом, и полсотни оленьих упряжек понеслись вслед Сатыге.

А тот, через два дня добравшись до Спасского погоста, стоял перед Преосвященным схимонахом Феодором, в миру Филофеем Лещинским, и допытывался:

- Объясни, почему твой бог истинный, а мой нет?

- Истинный Бог - дух, он невидим, а ваши боги не более как дерево. Истинный Бог - есть Творец мира сего, он создал землю и небо, зверей и птиц, траву и деревья, а вы своего бога делаете своими руками из деревьев. Наш Бог добр и кроме молитвы ничего не просит и помышляет о всех чтущих его, а ваш бог разоряет вас, требует нельмы или лошадей, или оленей, - отвечал седой старец, глядя на инородца спокойными, добрыми глазами.

- Ладно, так. А может ваш бог оживить человека после смерти?

- Наш Бог всемогущ, он дарует всем праведным вечную жизнь на небеси.

- Что значит праведным?

- Всем, кто не делал в жизни плохо, не грешил. Но и согрешивших, но покаявшихся он тоже прощает...

- Скажи, моим сыновьям он даст жизнь? Они плохо не делали никому! - с замиранием сердца спросил князец.

Преосвященный задумался, тронул пальцем длинный свой нос и мягко сказал:

- Коли примешь веру Христову, то Бог даст им жизнь вечную.

- Твой бог, русский шаман, хороший бог! Дай мне его, я буду молиться ему.

Преосвященный готовился к крещению Сатыги, когда к часовне, бывшей в центре погоста, подъехали десятка полтора военных. И почти тут же из леса с другой стороны выскочили на оленьих упряжках остяки, но, увидев военных, остановились, что-то покричали, выстрелили из ружья, целя в Сатыгу, пустили несколько стрел... Но, когда солдаты достали фузеи и стали целиться в них, развернулись и исчезли в лесу.

Глава 7

Из дневника поручика Каландера:

24 октября 1714

Стоим второй день в Соли Камской. Из Москвы шли водою по рекам, именуемым Москва, Ока, Волга и Кама, до устья реки Чусовой. Водный путь, хотя и самый надежный, но весьма медлительный. Однако ж вряд ли возможно было скорее добраться до сего места на подводах, ибо едва миновал август, как пошли частые дожди. В России же дорог в сие время, можно сказать, нет вовсе. Все затопляется жидкой непролазной грязью.

Особенно медленно шли вверх по Каме. Парусами поднимались всего дня три за отсутствием попутного ветра. Остальное же время шли бечевой, однако ж бечевник был весьма разбит от частых дождей, посему шли трудно и медленно. Дойдя до устья Чусовой, остановились. За ранними холодами по реке шел лед со снегом. От устья шли четыре дня на подводах до Соли Камской. После отдыха тронемся санным путем. Здешние жители говорят, что снег ныне выпал раньше обычного.

28 октября

Ехали до деревни Нырье на зюйд-зюйд-ост 70 верст. Леса такие дремучие и высокие, что кажется иной раз, будто едешь по ущелью. К ужину солдаты непременно добывают довольно число разной птицы. Зарядами бьют только крупных. Рябчиков же ловят петлей на длинной палке прямо с деревьев. Те сидят у дороги и с любопытством смотрят на нас, не улетая. Столь дикие здесь места.

29 октября

Ехали на гору Павлинский Камень на зюйд 12 верст, с горы -на заставу, которая поставлена из Верхотурья для проезжих купцов на зюйд-ост 22 версты.

От заставы ехали до погоста Спасского, что близ речки Ляли, на остен-зюйд 22 версты. Здесь у же проживают инородцы, именуемые вогуличи и остяки.

Когда мы въехали в погост, у часовни увидели столпившихся инородцев в их любопытных шубах из оленьих шкур. Оказалось, что сие язычники, которых крестит монах именем Феодор. Мы уже собирались стать по квартирам, как вдруг из лесу выскочили на оленях, запряженных в легкие сани такие же язычники и стали стрелять в сторону часовни. От выстрелов никто не пострадал. Язычники же, испугавшись солдат, быстро развернулись и исчезли в лесу.

Вечером подполковник Бухолц пригласил офицеров и монаха Феодора к себе на квартиру, и тот за чаем поведал о том, кто он есть и что делает. Сей монах оказался интересной и значительной персоной. Подлинное имя его Филофей Лещинский, до 709 года он был митрополитом Тобольским и всея Сибири.

Подполковник для пущей безопасности пригласил старца (возраст его 65 лет) ехать до Тюмени вместе. Старец согласился, хотя сказал, что никого не боится, что за два года он крестил тысячи остяков и вогуличей, много раз его хотели убить, но Господь хранит его.

Глава 8

Удача в случае с князем Сатыгой не осветила души Филофея особой радостью. Из опыта своего он знал, сколь не крепок бывает легкий успех в делах апостольства, сколь неустойчива Христова вера в

новообращенных инородцах. Глубока язва идолопоклонства в душах языческих, и, дабы очистить их от язвы сей, немало надобно положить трудов.

Иной раз не токмо проповедью, но и огнем внушать веру праведную приходилось. Немало остяцких и вогульских истуканов пожег он, как в прошлом, так и в нынешнем году на Тавде-реке.

Однако сожжение идолов не всех язычников подвигает к вере христианской. Иные, приходя в отчаяние от сожжения кумиров до помутнения разума, яко мухоморовым зельем опившиеся (многие же и впрямь, сего отвара восприяв, бесовским веселием заражались и пребывали дня по три вне себя), озлоблялись и не раз хотели убить его и шестерых казаков, бывших с ним, дважды стрелы пробивали рукав и полу одежды... На - Тавде же остяцкие старейшины, верившие в силу своих богов, пытались хитростью выслать его из своих селения. Говорили, на другой-де после крещения день они видели, как над рекой летал в лодке черный старик с огненной бородой, видимый только остякам, с копьём в руке, грозил ему, Филофею, и громовых голосом будто ревел: " Втором раз терплю от тебя, в третий раз не потерплю! "

Однако коротка и всевидна хитрость народца сего. Иной раз жалостью душа источится, глядя на их бессветное житье, в коем радость для них - трубку глиняную покурить. Сидят, щеки раздувают, будто мехи кузнечные...

Легко ли им оставить шантанов своих! Будто робячьи игрушки они для душ незрелых... Да и в страхе новокрещенные остяки от обдорских самоедов, кои упорствуют в приятии вера христианскою и отвращаются от света проповеди евангельской. Самоеды бьют новокрещенных, а иной раз и живота лишают, и те оставляют слово Христово... И принужден он, Филофей, слово сие возвращать...

Давно утвердилось в душе его желание все народы своей необозримой епархии примирить навек в православии, примирить в духе, яко примирены они ныне во плоти от земли Пермской до Камчатской людьми православными...

Было, уже давно за полночь, а думы наплывали, разгоняя сон. Но Преосвященный, не отводил их, как умел делать, когда надобно было заснуть, дабы быть бодрым на другой день. Встреча с военными расслабила его ум и тело, и он не противился нахлынувшему воспоминаниям.

Он повернулся на широкой лавке и поправил сползший с ног полушубок. Сюда он лег сам, хотя хозяин укладывал его почти с мольбою на топчан, постелив все лучшее, что у них было. Он приучил себя обходиться малым и плоть его не требовала большего. На топчане же лег поручик Каландер. Вот он, невидимый во тьме, что-то пробормотал во сне на своем языке и затих. Поручик сам вызвался стоять в этой избе и перед сном начал с любопытством расспрашивать о сибирских народцах, в сих местах обитающих, и их вере, но он отговорился усталостью, и они улеглись спать, да вот, молодому - сны, а старое - бессонье.

А ведь будто вчера и он был молодым, моложе сего офицера... Окончен, курс наук в Киевскою духовною академии. Земная любовь не обошла его, и вскоре венчание с милой сердцу Аннушкой... Вот уж он отец Филофей... Свой приход, усердие в делах и благие надежды...

Но Господь круто повернул его судьбу. Не стало внезапно Аннушки, и он, молодой вдовец, поступил в Киево-печерскую лавру и принял постриг в монашество. Трудился, заглушая боль, в постах и молитвах, ревностно и самозабвенно. И вскоре за распорядительность и рвение в делах замечен был и избран в эконома лавры. А в 702 году Местоблюстителем Патриаршего престола Стефаном Яворским был посвящен в митрополита и получил обширнейшую епархию.

Многотрудная жизнь схимника казалась часто отдыхом в сравнении с тяготами, которые приходится испытывать тут, в Сибири. Особенные же трудности в делах приобщения к православной вере. Конечно же, не вынес бы ни погоды здешней, ни трудов тех тягостных святой Дмитрий Ростовский - архимандрит Туптало. Верно, Бог надомил его отказаться от поездки в Сибирь.

Да и Четьи-Минеи надобно ему было закончить... Уж на что у него, Филофея, здоровье было крепкое, а в 709 году едва не преставился. Так болен был, что пришлось передать епархию митрополиту Иоанну Максимовичу. Но Бог смилостивился. Остался жив тогда и переехал из Тобольска в Тюмень, где стал строить монастырь, пребывая в схиме под именем Феодор...

Иной раз казалось, вот и наступит предел терпению, а то и вовсе прервется внезапно жизнь (дважды едва не утонул в бурю, не единожды стреляли в него), но Господь являл всяких раз чудесное избавление от близкою смерти, и он еще смелее нес свет Евангелия инородцам, обещая от Бога Небесного наследие жизни вечной и радости неизглаголемые.

И пусть не дано ему было, подобно святому Дмитрию, благо чудотворства, до чего так охочи бывают остяки, дабы убедиться в силе русского Бога, но не раз бывало в Белогорских, Касимовских,

Сухоруковских селидбах, где он окрестил три с половиною тысячи душ, как остяки в речную купель крещения входили, то всегда с небеси дождь на них лился, тем будто предвозвещающая тайну и благостыню, омывая скверну идольскую. Нет, не оставлен он Божьего внимания!..

А подле юрт Большого Атмана истинной чудо было явлено. Остяки согласились креститься, но кроме жен и детей, говоря, они-де утонут. Он им отвечал: "Коли хоть один утонет, утопите в той воде и меня!" Когда шло крещение, одна женщина вдруг пала мертвой. С грозными возгласами окружили его остяки с копьями в руках. И он, обратившись с мысленною мольбою к Господу Спасителю, перекрестил упавшую, и она очнулась и встала. Удивленные остяки спросили, что с ней было. Он объяснил, что в нее входили бесы через шаманство и волхование, и что Бог изгнал из нее бесов. Я немало таких случаев в его памяти.

Так вот, в трудах и заботах, и проходят год за годом. Иной раз и потянет нестерпимо за Камень: на могилы родителей захочется да сродственников повидать (в Сибири-то с ним лишь племянник один его). А как уехать? Не вырвешься!.. Только и удалось в Москву съездить один раз, в 706 году. Так случилось, что тогда в Воскресенском монастыре отпевал он царевну Татьяну Михайловну...

Кроме же трудов апостольских по обращению инородцев в веру православную, немало сил отдано на умножение в епархии храмов. Уже вскоре по приезде в Сибирь написал государю Петру Алексеевичу в челобитной: "Пришед в Сибирские страны, в церквах Божиих усмотрел я великое нестроение... В Софийском домовом поведении после пожара осталось малое число, и до церкви Божией, и до нашего дому надлежат церковные и домовые нужды не малая".

Он знал, что, будучи в великой отдаленности от храмов, прихожане охладевали к богослужению и легко впадали в сети раскольников, во множестве расселившихся в лесах вокруг селений, или возвращались в идолопоклонство. Потому и старается он о храмах. Вот и в его Тюменском монастыре скоро будет готов к освящению первый каменный храм. У самого

государя исходатайствовал он на монастырское каменное строение тысячу рублей да листового железа потребное число для крыш и домов. Да и то: сказать спасибо батюшке князю Матвею Петровичу Гагарину, помог весьма в сем деле, убедил Петра Алексеевича в крайней потребности в Сибири церковью. Сам же разрешил брать ссыльных для делания кирпича и казенных крестьян - возить дикий:камень и строевой лес.

Он же понуждал Филофея в крещении инородцев, ибо в том была и воля Государя. Понуждая, однако, и помощь немалую давал в деле сем и деньгами, и людьми. Более полезного губернатора для края Сибирского трудно сыскать! Губернатор - трудник великий! Государственный муж из редких, ума острого, щедр весьма. Токмо в службу людей берет без разбору, и копятя по городам сибирским хитники подлые. Однако умеет он их в узде крепко держать.

Уже более двух сотен храмов при князе Матвее Петровиче Гагарине в Тобольской епархии поставлено. Бог даст, и укрепится вера православная. Однако и иноверцы не дремлют. Татары перекрещиваются вовсе худо, в мусульманстве пребывая. Да к тому ж остяков, многоженством соблазняя, склоняют к вере своей. И сии сладострастники рады тому и в грехе забывают веру Христову.

А до полуденных стран, где буддийская вера распространена, поди доберись! Потому он, Филофей, и порадовался в душе, когда узнал, куда должен пойти подполковник Бухолц. Первой мыслью было послать к калмыкам проповедников для изучения языка и, ежели возможность будет, для обращения оных калмыков в христианскую веру. Решил писать о том владыке Иоанну из Тюмени и отправить письмо с подполковником.

Однако ж дело сие будет весьма непростое. Посылал он уже к монголам двух молодых проповедников с подарками к хутухте ихнему, сам получил от него подарки и ласковое письмо, в восточном вкусе написанное: "Старому ламе, большому ламе, над ламами ламе, Филофею-ламе челом бью..." Да только дело у проповедников не пошло. Пришлось им вернуться, ибо чинились в деле их великие препятствия и полное невнимание. Бог даст, на сей раз дело удастся. Возможно, настало уже время духовного прозрения поклонников Будды.

Глава 9

Из дневника поручика Каландера:

31 октября 1714

От Спасского погоста ехали на ост и остен-зюйд до деревни Мелехиной и далее до Знаменского погоста 39 верст, от погоста до Верхотурья 43 версты. Всего от Соли Камскою до Верхотурья 276 верст.

Дневали.

3 ноября

Ехали на ост до деревни Бабихиной весьма пустыми местами 63 верст. Санний путь стал добрый. Удивлялся Преосвященноу Феодору: в свои лета он не менее десяти верст каждодневно идет рядом с лошадьми. Он высок, сухощав и несколько согбен. Сегодня я шел некоторое время пешком рядом с ним и любопытствовал о вере язычников.

Он рассказал, что они идолопоклонники шаманского толку. Имеют некоторое понятие о высочайшем существе и владыке мира, называемым Торым. Однако его нигде не изображают и к нему не обращаются для того, что он слишком высок и не доступен. С просьбами же обращаются к помощнику Торыма Ортику. У того есть свой помощник Лонг или Лунг, он же вестник воли высших богов, то же что и Меркурий, и кроме того, бог здоровья. Лунги в виде наряженных деревянных кукол держат остяки в своих жилищах, почитая за духов. Бог зла их именем Мейк.

Сверх несуществующих и бездушных остяки имеют еще богов-зверей, а именно волка и медведя. Для остяка страшное дело присягнуть на медвежьей или волчьей шкуре, при этом он никогда не посмеет сказать неправду. Богов своих остяки изображают в разных видах, вытесывают одних идолов из дерева, одевают ж в шубы, суконные кафтаны и шапки, других выливают из меди. Для идолов строят кумирни, где приносят жертвы. Главный: идол их страны стоит в юртах князя Нахрача Евплаева. Он сделан из дерева в виде человека с лицом закрытым белым железом и черной лисицей вместо шапки на голове, одет в суконный зеленый кафтан. Стены его кумирни и седалище обиты красным сукном. Около него стоят низшие божества, подножье завалено дорогой меховой рухлядью и всяческим оружием.

В вере же остяков есть некоторая странность. Они молятся своим идолам, приносят им жертвы, награждают лучшими кусками нельмы до тех пор, пока благополучны. Но случись беда или неуспех на охоте или рыбной ловле, они осыпают бранью своих богов, бьют их или даже сжигают, как известный князь Сатыга.

5 ноября

Пришли в Епанчин. От Верхотурья до Епанчина 206 верст. От Епанчина до Тюмени 150 верст по берегу Туры на зюйд-зюйд-ост. Казаки, которые идут с Преосвященным, рассказывали, с какой царской пышностью, с многолюдной походной канцелярией ехал якобы князь Гагарин в Тобольск в первый раз. Судно, на котором он плыл, было обито изнутри красным сукном и бархатом, а снаружи изукрашено всяческим узорочьем. Во всех попутных городах лучшие люди встречали его хлебом-солью. А он неизменно выставлял бочки вина и бросал народу пригоршни серебряных денег.

9 ноября

Пришли в Тюмень. Здесь на день умедлились для того, что Преосвященный пригласил в свой монастырь на молебен и на трапезу. От Тюмени до Тобольска 254 версты. Говорят, пути осталось дня четыре

Глава 10

Тобольск они увидели 13 ноября.

Когда въехали на лед Иртыша, Иван Дмитриевич поразился красоте города. После столь долгого пути большей частью по пустынным местам, где рад каждой деревеньке из трех дворов, открывшийся внезапно белокаменный кремль с возвышавшимися над его стенами главами собора, казался сказочным видением. Но не видение, а явь то было. Так вот она какая, столица Сибирской губернии! Впрочем, как и подобает быть любой столице: лучшим из городов...

Поднявшись по крутому Пря姆斯кому взвозу, они въехали на Гостиный двор, и Бухолц направился с Вельяминовым-Зерновым в губернскую канцелярию, а жена, спросив у прохожих, где дом коменданта Траурнихта, поспешила к родителям в сопровождении поручика Каландера, который весь трудный, длительный путь от Москвы оказывал всяческие знаки внимания ей и мужу, был любезен и услужлив, чем вызвал полное расположение подполковника. Однажды, заметив, что поручик что-то пишет на своем языке едва ли не каждый вечер, Иван Дмитриевич узнал о дневнике. "Пиши, пиши, - добродушно ухмыльнулся в усы, - только не ври!.."

Отец вышел к ней после доклада лакея одетым по-домашнему, в синем полушляфоре. Он раскинул в изумлении руки так, что обозначилось крупное пузцо, и трижды расцеловал кинувшуюся в объятия дочь.

- Ну, не чаял, Машенька, тебя увидеть! Как ты осмелилась в такой путь, голубушка?

- С Иваном Дмитричем я ничего не боюсь!

- Где же он сам?

- В канцелярию пошел...

- Ишь ты, кто ж до полудня в канцелярию ходит, там сейчас одни писари да подьячие... Снимай, снимай шубенку-то! -Дорофей Афанасьевич кивнул лакею, чтоб помог, но того опередил поручик Каландер.

- Машенька, а это что за ухажер?

- Сей ухажер - поручик Каландер, помощник Ивана Дмитрича. Он из пленных шведов, но русский знает лучше меня! Поручик Каландер склонил в знак почтения голову.

- Ну, проходи, голубчик, - тронул его за плечо Траурнихт, - в городе твоих земляков много, наговоришься и по-шведски.

- Где же маменька?

- В собор пошла к обедне, митрополит Иоанн служит...

-Я тоже хочу!

-Обожди, отдохните с дороги, -перекусить надо.

Траурнихт послал за Бухолцем, и Каландер хотел откланяться, но хозяин задержал его.

- Не смею стеснять вас, господин комендант, - сказал . Каландер.

- И поджарый живот без еды не живет, чаю, поспеешь по кабакам да базару набегаться, а ноне вкуси от скромного домашнего стола нашего...

Пришли Бухолц с майором, и Иван Дмитриевич после объятий заговорил о том, зачем прибыл, но Траурнихт остановил его:

- Ведаю, ведаю, письмо от Матвея Петровича о твоём прибытии получили и отправку к Ямыш-озеру Стефана Фефилова с казаками остановили. Однако, зятюшко, о делах в канцелярии завтра с утра говорить будем, приглашу и обер-коменданта Карпова, обо всем ему доложишь... А сейчас к столу, господа офицеры. Чем богаты... Червячка с дороги заморить, а вечером милости просим на ужин.

"Коли это скромный стол. - подумал поручик Каландер, дивясь обилию снеди и питья, - то что будет за ужином!"

Отобедав, направились к Софийскому собору. У входа в храм было немногочисленно, внутри шла служба.

- Что сие за дом? - спросил Бухолц, показав на палаты, перекинувшиеся через провал над Прямым взвозом.

- Рентерея, а рядом Вознесенская церковь... Оба строения ведет Семен Ульянович Ремезов, а вон и сам он шествует, -кивнул Траурнихт на вышедшего из строящегося храма старца в шапке с лисьей опушкой и нагольном полушубке.

- Здравствуй, Семен Ульянович! Скоро ли казну можно будет перевозить?

- К Рождеству доделаем. Дорофей Афанасьевич, - ответил Ремезов, склонив голову в приветствии, и вошел в собор. Пришедшие с комендантом последовали следом и, сняв шапки, перекрестились.

Траурнихт прошептал Бухолцу:

- Ты сего старика запомни, умен и в твоём деле советовать может. Иван Дмитриевич кивнул и стал, как и Марья Дорофеевна оглядывать убранство храма. А было на что поглядеть!

От резного иконостаса глаз бы не отрывал. Иконы Христа Спасителя, Божией матери. Святого Николая притягивали взор яркими красками, наложенными мастером отличной руки. Но особенно выделялась и останавливала взор икона Софии - Премудрости Слова Божия в образе Богоматери под семистолпной сению...

Когда служба, которую вел сам владыка Иоанн завершилась, Дорофей Афанасьевич подвел Бухолца к митрополиту представил. Иоанн Максимович, высокий старец с болезненно-изможденным лицом, поглядел усталым взглядом на Ивана Дмитриевича и остальных, подошедших к нему, поблагодарил Траурнихта за приглашение на ужин, однако прийти отказался.

- Владыко, давно ли сей храм воздвигнут? - спросил Бухолц.

- В лето 7194 в октябре месяце освящен был сей храм...

А с десять лет тому Преосвященный митрополит Филофей пристроил к нему теплый придел

Преосвященных же испросил у государя тысячу рублей и воздвиг пять лет тому сей иконостас, заменил икону Софии в образе ангела в царском облачении, яко новгородская София изображается, на сию, яко на Киевской иконе Софии.

Услышав, что Бухолц встречался в дороге с митрополитом Филофеем, владыка оживился и стал расспрашивать о здравии схимонаха, о делах на поприще апостольства.

Обрадовался, когда узнал, что Филофей здоров и обратил в Христову веру много инородцев. Перекрестившись, воскликнул:

- Безмерна святость его! В веках память о нем будет жить в земле сибирской.

Глава 11

К полудню к дому коменданта была подана тройка, запряженная в сани-возок, и Траурнихт повез своего зятя к Приказным Палатам. В несколько минут они были у Софийского двора. Но прежде чем направиться в Палаты, Дорофей Афанасьевич провел Бухолца на Гостиный двор через ворота с надвратной часовней.

- Вот он наш Гостиный двор! Почти семьдесят лавок тут, да три десятка погребов... Строение сие и стены кремлевские, и Палаты, - все строил тот самый Семен Ремезов. Двор, почитая сам, как крепость - лавки все отпираются отсюда изнутри, однако купчины любят торговать внизу на базаре, а тут только товары сохраняют... Зайдем в одну лавку, вроде открыта.

Траурнихт свернул направо от ворот к лавкам, открыли крайнюю дверь, пригнувшись вошли внутрь и оказались в угловой комнатке с низким сводчатым потолком, это была меховая лавка, хозяин, купец Федор Трушников, только что вернулся с базара и считал выручку в соседнем закуте, похожем на монастырскую келью, с еще более низким, но таким же сводчатым потолком. Извещенный сыном о приходе важных посетителей Трушников торопливо вышел к прилавку.

- Доброго здоровья, Дорофей Афанасьевич! Что желаете, лисицу, соболя аль горносталя?... У меня, вам ведомо, из всех соболей соболю! Вот из этого добрый кораблик выйдет, - кинул он на прилавок несколько шкурок.

- Не надо покуда ничего, Федор. Вот зятю показываю ваши хоромы...

- Премного благодарны, что удостоили нас своей честью!

Не желаете ли чаю китайского иль зелена вина?..

- Благодарствуем, за многими делами некогда, обер-комендант ждет...

Во главе длинного и тяжелого стола под зеленым сукном уставленного медными шандалами со свечами, сидел Семен Прокопьевич Карпов, бывший тарский воевода, а ныне седьмой месяц обер-комендант тобольский. Губернатор князь Гагарин, уезжая в январе в Санкт-Петербург, оставил его управлять заместо себя. Справа от Карпова сел Траурнихт с дьяками Максимом Романовым и Иваном Баутиным, далее полковник Парфеньев, усмиритель недавнего бунта в Ишимских слободах: отказались мужики платить подать на провиант пленным шведам, - тут же полковник Толбузин, подполковник Матигоров...

Бухолц со своими офицерами сели слева от Карпова на другой стороне стола.

Обер-комендант откинулся на высокую бархатную спинку кресла и сказал:

- Господа, вы извещены о причине сего совета... По царскому указу к нам прибыл подполковник Иван Дмитрич Бухолц. Господин подполковник, огласите указ...

Едва Иван Дмитриевич прочитал указ, как в комнату вошел мужчина с бледным жирным лицом, сел на краю стола напротив Карпова и, тяжело дыша, сердито сказал:

- Пошто, Семен Прокопьевич, не известил меня о совете!

Карпов поморщился и ответил:

- Сие дело, чаю, тебя, Иван Фомич, не касается!...

- Мы ишо поглядим! Меня все дела касаемы! - рассердило Бибииков. Уж кто-кто, а он-то, бывший до прибытия Гагарина пять лет воеводой в Тобольске, должен знать все. Кабы не болезнь, так обер-комендантом он был бы, а не этот выскочка..

Бухолц в недоумении посмотрел на Траурнихта: кто, мол такой. Тот снисходительно улыбнулся уголками губ и кивнул слегка головой, дескать, после объясню.

- По сему указу, господин обер-комендант, - продолжал Иван Дмитриевич, - что учинено будет?

Карпов опустил глаза, задумался надолго и проговорил:

- В указе его величества ведено тебе, подполковник, делать все с воли и совету губернаторского, а в небытность его ныне, кому же твой отпуск готовить?

- При отъезде моем, будучи в Москве, господин губернатор велел все дела об отправлении, о даче людей и амуниции, и денег готовить господину коменданту Траурнихту.

- Есть ли указ письменный?

- Велено то передать на словах, а позднее хотел писать о том же... Все дела по отпуску ему же, коменданту, решать с Сенатом, коли не будет на то особого указа от государя. Однако коли надобно, ведено мне требовать и просить от любого, а не только от господина Траурнихта. Посему, в-первой, надобны мне верные ведомцы, которые до Еркетья путь знают и о песошном золоте ведают, во-второй, понеже многий путь водный, потребны суда, на которых идти надлежит, и главное: надобны люди, артиллерия, амуниция и провиант... По весне ведено согласно указу, отправиться от Ямыш-озера до Еркетья. Однако нынешней весной сие исполнить невозможно, весной надо отправиться хотя бы отсюда, из Тобольска...

- Что ж, Дорофей Афанасьевич, - обратился Карпов к Траурнихту, - готовь отпуск, а мы тебе пособлять будем...

- Да, Иван Дмитрич, - сказал Траурнихт, чуть помедлив, - задали вы с государем нам работку. Сие отправление совершить будет непросто. Людей не токмо на два полка, а и на один не наберешь ныне. Готовых-то лишь те пять сотен, что с дворянином Фефиловым хотели идти к Ямыш-озеру. Гарнизонных людей не более двух сотен, так, Петр Иваныч? - обратился он к полковнику Толбузину.

Тот кивнул.

- Стало быть, надо рекрутский набор объявлять - сие время, - продолжал Траурнихт. - Дощаники и лодки тоже готовить надо. Чаю, ежели к весне соберемся, ладно будет. А что из оружия и пушек в наличии - скажет полковник Толбузин.

- Из фузей годных около сотен пяти наберется едва ли, да и то многие ружья старые, кремни обломаны, винтов добрых нет, пружины на многих фузелях с простого укладу сделаны и часто ломаются, стальных же добрых пружин к фузелям нет... Пушек в гарнизоне годных токмо две, остальные, какие были, отправлены в иные города и крепости сибирские...

- На оружейном дворе можно ли отлить пушки, фузеи делают ли? - спросил Бухолц.

- Фузеи помалу делают, а пушки давно не лили, руд не было. Однако с неделю привезли руду и железную, и медную с-под Исети, - ответил Толбузин.

- Мастера есть?

- Имеются и по литью, и станочные мастера, да и среди шведских пленных офицеров мастера есть, к примеру, ихний юнкер Ренот две пушки нам вылил...

- Господа, - встал Бухолц, - умедление в отправлении моем государю будет во гнев и неудовольствие! Прошу посему всеми силами делу способствовать. Господин обер-комендант, чаю, надо немедля послать по городам и уездам сибирским указ о рекрутском наборе.

- Сегодня же напишем и пошлем, - согласно кивнул Карпов, - в первую голову в Тару, Тюмень, Верхотурье, Томск, что поближе.

- На оружейном дворе следует поставить над делами начальным поручика Каландера.

Поручик встал, представляясь.

- Тако ж надо утвердить начального человека по устройству дощаников и лодок... Дорофей Афанасьевич, кого знаешь? - обратился Бухолц к Траурнихту. Но тот ответить не успел: поднялся Бибииков и воскликнул:

- Сие дело я исполню! К весне будут готовы... Сколько надо?

- Чтоб не менее двух тысяч сесть могли, да провиант, да пушки чтоб было куда грузить, - ответил Бухолц, теряясь в догадках, кто это такой, - держится, как губернатор!

- Сделаю, сделаю!

- Ладно, Иван Фомич, коли берешься, делай, - согласился Карпов.

- Губернатор говорил государю, что до Еркетья полтретья месяца идти, без верного ведомца идти невозможно... А до Ямыш-озера далеко ли? - спросил Бухолц.

- Не близко, - сказал Карпов, - от нас до Тары шестьсот пятьдесят шесть верст, да от Тары еще семьсот двадцать. А ведомец, поди, сыщется. Вот хоть тарский голова дворянин Иван Чередов как из Урги две недели тому с посольством прибыл, да с ним посланцы от контайши... Может, он путь до Еркетья ведает. А ныне совет окончен, господа.

Прежде чем направиться с майором Вельяминовы-Зерновым и поручиком Каландером на оружейный двор, Бухолц спросил Траурнихта:

- Кто сей муж, что дощаники вызвался строить?

- Бибиков, бывший до приезде Гагарина тут воеводой. Ты с ним держи ухо востро. Недоволен, что не его губернатор поставил обер-комендан... Ты бы, Иван Дмитрич, написал Гагарину, чтоб он прислал письмо, что дело твое мне вести, а то, вишь, и Карпов что-то юлит...

- Матвей Петрович обещал написать, ежели сам не прибудет.

Глава 12

Домой вечером Иван Дмитриевич пришел озабоченным. Оружейный двор привел его в совершенное уныние. Литейных форм пушечных почти совсем не было, все фузеи, что в ремонте, без штыков, а делать новые фузеи - потребного числа не сработать. Мастеров мало, а те, что есть, жалуются на то, что станков токарных всего два, под руками-де от сверл стволы пропадают многие... Дай бог, к весне поспеть с оружием управиться, приготовить. Да еще покуда людей обучишь...

Чем больше думал о деле, тем более хмурился и за ужином сидел вовсе такой мрачный. Марья Дорофеевна с тревогой и сочувствием поглядывала на него, а тесть не выдержал и сказал:

- Ты, зятек, о деле дома не думай! От того оно лучше не пойдет. Как бог положит, так тому и быть, - и, словно угадав его мысли, добавил: - К весне, чаю, выйдешь отсюда, и то добро. В том положишься на меня, коли уж и Матвей Петрович доверие мне показал, буду стараться. Завтра велю для рекрут дома готовить да квартиры искать...

- Кроме того, для экзерциции чистое место надобно, вроде площади, да чтоб недалеко от тех домов было...

- Дак за базаром, поди, сгодится, перед пристанью, места вдоволь. Там ярмонки у нас стоят...

- Надобно и сукно на мундир заранее закупить, - все так же озабоченно продолжал Бухолц.

- Завтра дам указ дьяку Романову, чтоб деньги получил и искал материю. А какого ж цвета?

- Цвета? - оживился на миг Иван Дмитриевич. - Того ж цвета, что и в армейских полках. На камзолы и штаны красного и василькового, на кафтаны зеленого и красного... Полки же наречем Санкт-Петербургский и Московский...

- Иван Дмитрич, умоляю, хватит о делах, - остановила его Марья Дорофеевна, - свозил бы меня лучше помолиться к Абалацкой чудотворной. Мне Настя рассказывала о сей иконе, я непременно хочу пред ней помолиться... Услышав о горничной Дорофей Афанасьевич нахмурился. - Ты, Маша, с Настькой поменьше разговаривай. Девка избаловалась вовсе. Посмотрю, так и погоню, пожалуй...

- Почто, папочка, с делами она, вроде, ловко управляется.

- Она еще кое в чем ловко управляется, - уклончиво сказал отец, вставая.

- Ты, Иван Дмитрич, пошли своего шведа-поручика к нашим швецким офицерам, чаю, ему с ними легче сговориться... Есть среди них мастера и по пушкам, и по ружьям... За малую плату не служат, собаки, и управы на них нет... - Ладно, пошлю.

Поднявшись на второй этаж, где им с женой была выделена комната-опочивальня, он сел в мягкое кресло и, постукивая об атласный подлокотник, подумал о том, что забыл расспросить об Иване Чередове, который бывал у контайши. Встал, намереваясь спуститься вниз, но вошла жена, готовая ко сну. Обняла его одной рукой за шею и пальцем другой погладила ус.

- Ванюша, че невеселый такой?

- Долго сидеть тут придется...

- Ну и ладно! - радостно воскликнула она.

- Чего ладного-то? - усмехнулся Иван Дмитриевич, глядя на ее влекущие влажным проблеском тонкие губы, и притянул к себе.

- Так вместе же дольше будем... Сколь женаты, а больше все врозь и врозь... - зашептала она, жалуясь, с тем волнующим, только ему знакомым придыханием, которое вздымало, как буйный вихрь волну, кровь, кидало в голову. Он сжал ее посильнее и почувствовал, как гибкое тело подалось кверху, а кожа, будто прикипевшая к пальцам, осталась на месте, обжигая подушечки через тонкое полотно, - она потянулась на цыпочках к его губам.

И это движение плоти, как бы освобождающееся от кожи, эти плавающие от соприкосновения губы и эти дрожащие колени ее, как всегда, разом растворили окружающий мир, и он не помнил, как с

ее помощью расстегнул камзол, как скинули они все лишнее, грубое, что мешает слиться друг с другом совсем. Лишь мелькнуло в уме: "Дурак, не хотел брать с собой", да в случайных поворотах от света незадутой свечи показывалась иногда на стене тень двуглавого кунсткамерного монстра, то вдруг приподнимавшегося, то надолго падавшего, но всегда одноцельного...

Истома исходила на нет тонкой прозрачной нитью, как остатки меда из ковша. И уже в полусне, лежа на его бугристой руке, она тихо попросила:

- Свози меня к чудотворной.

- Ладно, вот только огляжусь... Дня через три съездим, -ласково поцеловал Иван Дмитриевич жену успокаивающим поцелуем, и она мгновенно заснула.

11 Утром сразу после завтрака Иван Дмитриевич с Траурнихтом отправились на Софийский двор в Приказные палаты. Дорофей Афанасьевич велел посыльным найти Ивана Чередова, и через два часа перед Бухолцем предстал седобородый пожилой человек с умными, спокойными глазами.

- Подполковник Бухолц, - представился Иван Дмитриевич и подал Чередову руку.

- Я Иван Чередов, - степенно ответил он, присев у стола.

- А по батюшке как?

- Дмитриев сын я...

- Так значит мы тезки! И я ведь Иван Дмитриев сын, - обрадовался Бухолц.

- Что мне надобно, Иван Дмитрич,-продолжал Бухолц, -Дорофей Афанасьевич сказывал, что ты не раз бывал о посольством у контайши, правителя калмыцкого ...Я ж послан по указу государя к Еркеть-городу за песошным золотом. Ведаешь ли, где сей город есть, путь до него каков, знаешь ли, где оно песошное золото добывают?..

- Сам я в Еркеть не езживал, а слыхал о нем лишь от других бывальцев, о золоте же вовсе не знаю ...Видел токмо бухаретинцы продают иной раз, а где берут они то золото, не ведаю.

- Досадно! - поморщился Бухолц. - Так расскажи тогда, что за народ калмыки, где обитают, велико ли у них войско? Последний раз чего для послан был и каким путем шел?.. Все, что ведаешь о стране той, говори. Я о ней вовсе не сведом...

- Калмыки зовутся еще чжунгарами и ойратами. Сии калмыки волжским калмыкам Аюки-хана сродства приходятся. Не зря сам контайша женат на дочери Аюки-хана...

Ханство чжунгарское велико есть. Дядя нынешнего контайши Галдан-Бошокту-хан все калмыцкие улусы в единое ханство собрал, много воевал с мунгалами и китайцами, однако, в конце концов был ими побит. Контайша же Цеван-Рабдан ни с кем не воевал до сей поры окромя казачьей орды, ибо киргиз-кайсаки напали еще лет с пятнадцать тому на караван, что шел от Аюки-хана к нему, контайше. А ныне они с ними в войне часто бывают. Слышал я от самих калмыков, в Урге будучи, что контайша столь себя сильным почитать стал, хочет воевать мунгал и китайцев, а также Тибетскую землю. Да и наши земли разоряют. С два года тому его контайшины люди приходили на Кузнецкий острог и учинили тамошним жителям, русским людям, многое разорение, многих в полон побрали и скот отогнали. Так же с барабинских волостей, с ясашных его величества, хотят ясак брать, говоря барабинцы-де шапки носят с залами, с кистями, значит, и, десять, искони вечно ясак ему, контайше, платят... На Катунь город наш разорили, говоря, что та земля его, контайши ...По тем спорным делам и был я у контайши...

Чередов встал, подошел к кадлушке с водой, напился из корца и сел обратно, Иван Дмитриевич, с интересом слушавший рассказ, спросил:

- Ну и что ответствен ты в посольстве у конташи по тем спорным землям?

- Подал я контайше лист от губернатора Матвея Петровича. В оном листе писано было, что-де земли на Бии и Катунь его царского величества, потому что сибирские реки Обь, Енисей и Лена искони сибирские, потому-де и земли сибирские граничат от устья тех рек, где впади в море, до вершин, из которых гор потекли, а барабинцы издавна люди его царского величества....

Контайша мне на то говорил, что его люди в тех землях издавна кочуют, на что я отвечал, по листу же, что многие иноземцы под Астраханью и Самарой, и Царицыном, и под иными городами его царского величества кочуют, мол, а николи не называют своей землей и ссор не имеют с людьми российскими...

Много по разным делам говорами, и вот прислал контайша со мной посланцев под началом Ерке Тарзакоя...

- А какова вера их?

- Вера их желтая... Заместо патриарха Далай-лама, кой в земле Тибетской в Лхасе обитает. Оной

Далай-лама и дал контайше титул Ердени-Журюкту-Батыр-Контайша. Обычай и молитвы - по их своей вере, иные дак и на языческое поклонение весьма похожи. Помню, в одном месте на горе, у озера Зють-холь, набросано множество камня, голов звериных, древок копейных, ломаных стрел и прочего дрязгу, а на шестах навязано белых холстяных лоскутов и дощечек, на коих их зловерные молитвы написаны, и если дощечки и лоскуты на ветру болтаются, тем будто богу молятся, понеже на них молитвы написана. Всяк проезжий человек должен в ту кучу бросить камень аль ищо что иное. То значит, что он проехал трудные места в пути, и чтоб к впредь в здравии шествовать...

- Каким же путем шел ты, Иван Дмитрич, до улуса контайши?

- Туда трудной дорогой шли... От Ямышева по левую сторону ехали мы до перевоза Долон Карага седмицу и переправились на правую сторону и ехали до урочища Цыгану Усуна восемнадцать дней, от него до Каратану реки, где обретаются кочевья Чирин-Дундука подле снежных гор, четыре или пять дней, оттуда через снежные горы. И песками шли и каменистыми местами, и меж камней щельми великими, упаси Боже! А в тех щелях стоят его, контайши, караулы. И по тем местам телегами ехать невозможно... Зело трудный путь. Посему обратно ехали другим путем: от Урги до реки Чиган Усун, а далее до реки Иртыш... Дорога там легче, но приходят в те урочища воровское казачьей орды люди. Потому ждали, покуда контайша не прислал для оберега сто человек калмыков да сто человек теленгутов...

- Много ли войска у контайши? Добрые военные начальные люди есть ли?

- Доподлинно сколько войска не ведаю, однако, чаю, не мене шести десятков тысяч... Лучшие его, конташии, зайсаны Чинбил, Болован, Родой, Абага, Шара, Донжин... Лучший же полководец, двоюродный брат контайши Чирин-Дундук. России оной Дундук злейший враг. Иные многие зайсаны с Российским государем хотят жить в мире, подобно волжским калмыкам Аюки-хана, а он контайшу на войну подбивает. Сын же контайши Галдан-Церен обещает быть добрым ханом. Одна дочь контайши Дармабала отдана в жены Аюке-хану... Вот и все, вроде... Много чего можно рассказывать, да не знаю, то надобно тебе знать ай нет.

- А в Яркеть-город путь стало быть не знаешь?

- Не ведаю... От купцов иных слышал, что город сей от Турфана-города в днях пяти-шести, а от Зайсана до Турфана двадцать дней пути, а в местах тех бывать не доводилось, - виновато развел руками Чередов.

- Благодарствую и на этом, Иван Дмитрич, - прощаясь, пожал руку старику Бухолд. - Сам-то из каких мест?

- Из тарских дворян мы, там все и сродственники живут..

- А посланцы, что с тобой прибыли, не ведают ли путь до Еркетья?

- Кто знает, я не спрашивал... Пооди, как и ведают, скажут ли!.. Поговори... -Еще одно сказать хочу: малым отрядом воевать Еркеть вряд ли можно, миром старайся дойти... А с посланцами завтра поговорить можешь, обер-комендант их к себе призывает завтра.

Глава 13

Хороши кони у коменданта Траурнихта! Коренник рвется вперед ровно и неутомимо так, что кажется и пристяжные не нужны, и делать им нечего, как только поспевать за ним, да, всхрапывая, гнуть круто от оглобель шеи... Из-под копыт вылетают снежные ошметки, будто олады.

Летит тройка, холодный ветер свистит, а под медвежьей полостью тепло, и Марья Дорофеевна, закутавшись в отцовскую соболью шубу, склонилась на плечо мужа и радостно щурит глаза... Хорошо идут кони. Почитай, только что выехали из дому, а уже и Преображенское проскочили, еще с четверть часа так, гляди, и Абалацкая слобода явится взору. Иван Дмитриевич рад, что послушался жены, хоть от забот отдохнуть ненадолго. Узнав, куда он собрался, изъявили желание поехать помолиться чудотворной иконе и офицеры его: капитан Ступин, поручики Трубников и Каландер (этот, правда, посмотреть просто). Ехали они со своими денщиками и чуть поотстали.

Иван Дмитриевич собрал их третьего дня на совет и раздал всем дела. Каландеру с каптенармусом Анцыным ведено было заботиться об оружии, Трубникову готовить дома для рекрут и место для экзерциции, майору Вельяминову-Зернову за дощаниками смотреть, когда строить будут, и прочим дал не дело, так думы о деле. Везде его глаз должен быть, понял он, когда за день до сего совета зашел к обер-коменданту Карпову и осведомился, послал ли он указ о рекрутском наборе. Тот ответил, что

поручил сие дело дьяку Романову. Романов же сказал, что за малым числом писарей и подьячих, за многими иными делами до указов-де руки не дошли...

Иван Дмитриевич сильно озлился, накричал на дьяка, а обер-коменданту сказал, что ежели немедля не будут посланы указы о рекрутском наборе по городам, то он напишет о помешке противу указу в отправлении его самому государю. Карпов обещал немедля исполнить, сказал, что умедление не по его вине случилось.

Пополудни принимал обер-комендант контайшинных посланцев. Иван Дмитриевич молча слушал их разговор. Был тут же и Иван Чередов. Посланцы зачитали лист, в котором говорилось о тех же спорных землях, о которых рассказывал Чередов, о ясаке с барабинских татар, об учиненных будто бы русскими людьми обидах теленгутам, калмыцким подданным... Но лист Карпову не подали, а сказали, что подадут его только самому сибирскому губернатору Гагарину.

Карпов ответил им, что губернатор и государь хотят с контайшой жить в мире, а коли какая обида будет контайше от соседей, то его царское величество пошлет доброго ученого войску, которое может оборонить его, подобно тому, как Аюку-хана в охранении от врагов содержит.

Ерке Тарзакой ответил на то, что-де ему об отдании в подданство российское говорить не ведено, об остальном же говорить они могут только с самим губернатором, ибо он к царскому величеству ближе.

В конце разговора Карпов, указав на Ивана Дмитриевича, объявил, что подполковник Бухолц с некоторым числом войска пойдет на розыск руд и минералов и будет для того строить крепости по Иртышу. Посланцы насторожились, однако отвечали, ежели-де с российской стороны никаких неприятельских намерений не будет, то контайша оное допустить может...

Возок на повороте мотануло, и Бухолц отвлекся от мыслей. Он оглянулся, но офицеров своих не увидел и велел Лычагину, взятому вместо кучера - благо, что с пути не собьешься, не гнать, тем более, что дорога пошла из ложбины на подъем. Едва проехали шагом саженой сто, как вдруг кусты у дороги зашевелились и из-за них выскочили обсыпанные снегом люди. Двое схватили коней под уздцы, а двое других с рогатинами направились к Лычагину, выхватившему из ножен палаш.

- Брось, брось, служивый игрушку, - проговорил один из нападавших со шрамом через всю щеку.

Лычагин, выставив перед собой палаш, махнул им раз-другой. Бухолц вскочил и со шпагой кинулся ему на помощь. Марья Дорофеевна вскрикнула, и в то же мгновение мужик, державший коней справа, заорал истошно, увидев выскочивших из-за поворота коней:

- Митька, они с командой!

Человек со шрамом кинулся в кусты, остальные - за ним. Но Лычагин неожиданно прыгнул с передка саней в снег и успел в падении дернуть руками убежавшего за ноги. Человек со шрамом упал, а Лычагин вскочил ему на спину и начал выворачивать руки. Один из убежавших оглянулся, шагнул было на помощь товарищу, но, увидев целящегося в него из пистолета Бухолца, отпрыгнул в сторону и скрылся за кустами. Иван Дмитриевич выстрелил, но промахнулся. Он подбежал к Лычагину, едва удерживающему разбойника, и приставил конец шпаги к спине вырывавшегося.

- Не дрыгайся!

Разбойник перестал сопротивляться и скрипнул зубами.

- Вяжите!..

Подбежавшие Каландер и Трубников помогли связать пойманного.

- Отбегался, варнак! - ткнул его в спину кулаком Лычагин. Пленный усмехнулся:

- И на вольную птицу есть укорота: силки да тенета... Жалко, я тя не достал рогатиной-то...

- Пстой-ка, пстой-ка, - проговорил Лычагин, взглядываясь в лицо пойманного. - Говорунчик!

Господин подполковник, так ведь это тот самый колодник, что на цепи сидел в кирпичном заводе, когда мы к Москве шли! Как же ты, родимый, с цепи бежал, а тут оплошал? - усмехнулся Лычагин.

- Бывает, что и вошь кашляет, - хмуро ответил разбойник.

- Точно ли он? - спросил Бухолц Лычагина.

- Доподлинно, вон, шрам-от через всю рожу, приметной!

- Кто таков? - спросил сурово Бухолц.

Разбойник сплюнул сукровицу и отвернулся.

- Ладно, отвезем его с собой, в застенке разберутся, - сказал Бухолц и приказал: - Кидайте его в сани. Когда поехали дальше, Марья Дорофеевна сказала мужу: - Божьей Матери свечи поставлю за избавление наше от разбойных людей! Господи, страху-то натерпелась, а больше, знаешь, не за нас, а за деток наших, думала, сиротами останутся...

- С таким ангелом-хранителем, как ты, может ли с нами что плохого случиться! - обнял ее Иван Дмитриевич и поцеловал в щеку.

Поп Знаменской Абалацкой церкви отец Михаил, приветливый, еще совсем не старый, с рыжеватой на два клинышка двоящеюся бородой, после обедни пригласил гостей к себе в дом, по пути рассказывая об Абалацкой чудотворной иконе, которой они молились и которая удивила своим богатым одеянием. Отец Михаил сказал, что одного золота на окладе 15 фунтов да серебра 13, а весь убрис сверкает бриллиантами и жемчугом. По славе и честь!

- А первое явление сей иконы, о том доподлинно известно, - продолжал рассказывать отец Михаил, - было июля в 10 день в 7144 лето от сотворения мира вдове Абалацкого погоста Марии. Во сне узрела она, как бы висящими в воздухе, икону Новгородскую Знамения Божией матери в сопровождении икон Святыя Марии Египетскою и Николая Мирликийского, и слышит голос от средней иконы, который говорит, чтоб строили вместо ветхой Преображенней церкви в Абалацком новую деревянную во имя Знамения Пресвятой Богородицы... Однако, вдова о том своем видении отцу духовному Илариону объявить не посмела.

Тогда однажды наяву несла она хлеб из клетки и покрыло ее светлое облако, и упала она без чувств. Когда очнулась, увидела в воздухе два образа и услышала голос Николая Мирликийского, стоявшего как бы живым: «Мария! Иди и скажи абалацким жителям, чтоб построили новую церковь, чтоб и лес рубили своими руками и преплавляли, и выносили с воды на гору своими ж руками, а ежели не послушают, умрет их священник и лучшие из прихожан». Но Мария и тут о явлении не посмела, боясь быть осмеянной...

Перед домом отца Михаила на лужайке у заплота шедшие увидели стайку ребятшек лет шести-семи, игравших в церковь.

Мальчик с виду самый старший из них надел на себя мешок с прорезью для головы и изображал попа в епитрахили. Вдруг он подошел к молящимся и схватил маленькую девочку за ухо:

- Манька, ты пошто никонианской щепотью окрестилась? Сколь те говорить, сколь те говорить! Щепоть - печать антихристовая!...

- Виновата, батюшка» виновата, сатана попутал! - каялась девочка, морщась от боли - "поп" таскал за ухо на совесть. - Лешка, поп идет! - крикнула она, увидев отца Михаила, и ребятшки, как цыплята, порскнули в разные стороны.

На вопрос, что они делали, и почему его испугались, отец Михаил сказал:

- В раскольщиков играли... Иные родители их днем ко мне в храм идут, а ночью по молельням тайным шастают... Вельми зараза сия распространилась, и детские души тронула, а в таком разе, как ее выведешь! Владыка ругается, а что я могу? Вокруг по лесам их раскольничьих гнезд поразвелось Бог ведает сколько. Одно разоришь, два появятся...

За трапезою в горнице отец Михаил продолжил рассказ о чудотворной.

- Лишь когда еще дважды наяву было вдове повеление о строении церкви, она о том объявила, пришедши в Тобольск, архиепископу Нектарию, и стали абалацкие жители строить церковь. О строении том узнал крестьянин Евфимий, по прозванию Кока, лежавший в расслаблении, и заказал для той церкви икону искуснейшему в Сибири иконнику протодьякону Матфею. Когда оной написал икону, Евфимий исцелился и сам принес икону в церковь... С тех пор много чудес свершено ею, и стала она знаменитой на всю Сибирь и самую почитаемою иконой...

- Батюшка, а ведомы ли еще ее какие чудеса? - полюбопытствовала Марья Дорофеевна.

- Как же, касаточка, ведомы все чудеса ее доподлинно к примеру, первое чудо. У крестьянина Васильева из Шанталыка дочь слепая прикоснулась к иконе и прозрела. Тако же девица Евдокия из деревни Полуяново четырнадцать лет не видела и исцелилась... Устин Ошкоков страдал падучею болезнью и излечился. В Томске у сына боярского Федора Пушкина осьмилетний сын имел красное большое пятно на теле, которое гнило, ничем излечить не могли... Обратился отец с мольбой к чудотворной и сын исцелился, много подобных чудесных исцеления было, всех я не упомяну... Да вот, почти полвека тому тобольский митрополит Корнилий помирал вовсе, а икона его исцеляла... И бесов изгоняет. На женку Анну напала икота, билась, испускала вопли, лаяла, по-животному всяко кричала, - показали ей икону бес из нее вышел...

Марья Дорофеевна, жадно слушавшая, прервала вдруг отца Михаила и умоляющим голосом проговорила:

- Батюшка, обратись к Божией матери, помолись за благополучное отправление и возвращение

мужа моего и других, кто с ним будет, в походе в земли калмыцкие! Я же по отправлении их приеду к чудотворной и пожертвую на ее украшение, сколько смогу...

- Помолюсь, отслужу ...Токмо ты, касаточка, коли обещала, так непременно прибудь, не то осерчать Божия Матерь может... Был давно случай в Верхотурье. Боярский сын Андрей Перхуров не вышел к иконе, не пожертвовал на нее и впал в расслабление и лишен употребления языка, когда же икону вернули, он исцелился и пожертвовал крупно.

- Последнее чудо когда ею совершено было? - спросил Иван Дмитриевич.

- Да вот с полгода тому, переселенец из Поморья горячкой заболел, лежал в беспамятстве с три недели, икону принесли к нему, стал здоров. Велика сила Божией Матери, безмерна милость ея. Не одно чудо явит в будущем она миру, повергая разум людской в изумление и обращение к себе в почитание.

Глава 14

Из дневника поручика Каландера :

17 ноября 1714

Три дня мы в Тобольске. Взору моему предстало столько любопытного, что краткой записью вряд ли все описать возможно. Удивления достойна есть столица Сибирскою губернии. В Европе о Сибири говорят, пребывая в ложном представлении, с превеликим ужасом, почитают за край диким, где житье невозможно, сочиняют нелепости о медведях на улицах городов. Кстати, мне довелось видеть вчера одного медведя на базаре со стальным кольцом в носу. Однако мужик, водивший его, был арестован за то приставом и кнутом тут же на площади бит, ибо медведей водить запрещено законом.

Особо велик и весьма красив Софийский собор и белокаменный кремль. Кремль сей - неприступная крепость. Видел русского мастера, который строил стены, его называют Ремез.

Оружейный двор, куда ходили с подполковником, плох. Предвижу трудности, которые ждут меня, ибо приказано мне снаряжать полки ружьями и пушками. Формы же для пушечного литья требуют большой починки. Станков и пушек нет. Станочный мастер Данила Балашов сказал к тому же, что дубу я клену для лафетов в Сибири нет. А делают из березы я сосны.

На другой день по прибытии познакомился со своими соотечественниками, коих в Тобольске немалое число. В компании были капитан Симс с женой Кристиной, а также поручик Дебиш и штык-юнкер Ренот. В разговоре они хвалили губернатора Гагарина за ум и щедрость. Он же к ним благоволил за помощь в строительстве канала, который впадение Тобола в Иртыш изменил для удобства и чистоты города. О Карпове и Бибикове отзываются с презрением. Офицеры эти в деньгах не нуждаются и большей частью пьют вино с девками и играют в карты.

Поручик Дебиш звал меня на вечеринку, которую они в шутку называют ассамблеей. За делами отказался.

На постое я в доме Степана, ларечного губернатора.

20 ноября

Издил с подполковником в село Абалацкое посмотреть чудотворную икону Божией Матери. В пути случилось небольшое приключение. На нас напали разбойники, однако все завершилось благополучно, благодаря храбрости солдата Лычагина. Один разбойник был пойман и провезен в тюрьму. Из любопытства зашел в застенок, где ему был учинен черный распрос на виске. Тот сказал, что кличка его Митька Резаной, и сознался, что будучи колодником бежал из-под стражи.

Завидую подполковнику и капитану Симсу, которые имеют таких верных и красивых жен. Дева Мария, услышь мои молитвы и укрепи дух мой!

28 ноября

Вчера был день Знамени Пресвятой Богородицы. В сей день чествуется чудотворная Абалацкая икона. На молебне в храм было невозможно пробиться, люди от дверей собора, в котором служил сам многочтимый митрополит Иоанн, до гостиного двора.

На базаре и в гостиных рядах большая торговля. Съехалось множество народа из других сибирских городов и окрестных деревень.

Вечером в дом к Степану, у которого я стою, собрались мои соотечественники. Сначала пили вино и играли, как всегда, в карты, затем пришли девицы и стали танцевать под флейту, на которой умело играл юнкер Ренот. Капитан Симе танцевал с женой Кристиной, поручик Дебиш с некой посадской

вдовой Марфой, казачка Анна с Ренотом, которых умудрялся играть и танцевать одновременно. И хорошо играл. Впрочем, все были достаточно пьяны, чтобы ценить музыку. Я танцевал с Настенькой, она поначалу конфузилась, ибо была в сей компании первый раз, но потом танцевала со всеми. Я весь вечер не отходил от нее и получил надежду иметь большее, нежели приветливость и кокетливые взгляды, и с нетерпением жду нового такого же вечера.

Глава 15

Нет еще ни солдат, ни оружия, ни судов, и, казалось, о них надо бы душе больше болеть, а у подполковника Бухолца думы почему-то только на одно направлены в последнее время: доподлинно узнать путь до Еркеть-города, то и дело подступало - есть ли то золото песошное в тех местах. И откуда бы сомнениям взяться, коли губернатор самому государю то золото показал, значит, есть оно, но сомнения невольно закрадывались. Не только из начальных людей города, но никто и в Приказной Палате - ни дьяки, ни подьячие, ни иной служилый люд, с которым приходилось иметь дело, о том золоте не ведали. А когда ехал сюда, думалось, о том золоте на любом углу каждая собака знает... Оказалось, ан нет. С надеждой ждал встречи с Ремезовым: уж сей знаменитый географ, поди, доподлинно все знает. Но целую неделю Семен Ульянович на Софийском дворе не показывался. Сказали, что он сорвался с лесов в строящейся церкви Вознесения Иисуса Христа Спасителя, хоть и невысоко был, ногу же, однако, повредил и теперь лежит дома. Посему и направился Иван Дмитриевич к нему в дом.

Ворота отпер ему бородатый детинушка, столь схожий с Семеном Ульяновичем, что Бухолц сразу определил - сын. Он поздоровался, проводил в горницу и отправился по делам в клеть. Старик Ремезов под одеялом засуетился было встать, Бухолц остановил его:

- Лежи, лежи, Семен Ульянович! Прости, что тревожу хворого, дело к тому нудит...

- Хворь моя непереходящая, ее неча бояться, - улыбнулся Ремезов и, подложив подушку под спину, сел на постели.

Иван Дмитриевич оглядел горницу. Не богат, однако, лучший географ и градостроитель сибирский. У самого худого купчишки дом лучше обставлен. Одного только ни у одного купца не найдешь: слева от входа на длинных двух полках, где обычно у всех лежит посуда да всякая домашняя утварь, здесь книги - и церковные, и мирские, и печатные, и рукописные. На столе под полками лежал неоконченный чертеж, рядом пук гусиных перьев да трех цветов чернила в чернильницах.

- Что-то не шибко богато живешь, Семен Ульянович?

- Откуль богатству-то взяться! Хоть я и сын боярский, да не по потомству, а дед мой за добрую службу получил сие звание. Жалование мое одиннадцать рублей. А будучи у каменного строения, многих земельных и описных работ, вовсе обнищал и обезножел...

- Однако, чаю, Семен Ульянович, в ином богатство твое, в умении и делах на пользу Отечества... Видал я в кабинете его величества карту всея Сибири, она ведь твоей руки?

- Моей... Однако польза оттого мне малая, не знаю, надобны ли кому мои карты ныне...

- Надобны, надобны, Семен Ульянович, я за тем к тебе и пришел, чтобы ты мне карты и харатьи рек сибирских исполнил, особливо Иртыш-реки... А для чего, поди, слышал! Расскажи, каким путем дойти мне до Еркеть-города, где песок золотой промышляют.

- Сам я по Иртышу выше Ямыш-озера не хаживал, но, по рассказам бывальцев да отца моего Ульяна Моисеева сына, могу обсказать путь.

- Отец твой бывал ли в Еркети?

- В Еркети не бывал, но бывал в Урге. В 7158 лето пришли от калмыцкого тайши Аблая послы и просили себе в жалование пансыри Ермаковы, кои ему сам государь пожаловал, тогда-де они будут воевать казачью орду. А те пансыри, говорили, у остяцкого князя Кайдаула. В то лето боярин князь Иван Андреевич Хилков с великим пристрастием пансыри у Кайдауловых детей взял. И послал с ними к Аблаю отца моего, бывшего в то время стрелецким сотником. Аблай принял те пансыри с великой радостью и хвалил царское величество Алексея Михайловича, что указал Хилкову взять пансыри. Пансырь же был зело добр: бит в пять колец, длины в два аршина, в плечах с четью аршин и меж крылец печати царские - золотые орлы, по подолу опушка медная на три вершка... А как принял тот пансырь Аблай и сказал, будто знает, где Ермак лежит. Сказал, что-де лежит Ермак на Баишевском кладбище под сосною, и в родительский день столбы огненные над ним встают, а в иные дни свеча татарам кажется, русским же не кажется. И в том отцу моему дал сказку за подписью и печатью своей...

- А ведаешь ли, Семен Ульянович, где Ермак смерть принял?

- Как же, о том в моей "Истории Сибирской" доподлинно описано, как пришел, как воевал Кучума и как смерть принял... И писал и рисовал... Иные рисунки и отец еще делал, да старшой сын Леонтий помогал же. Леонтий, подай "Историю", - попросил он вошедшего в горницу сына. Тот достал с полки рукописную книгу и подают Бухолцу. Иван Дмитриевич раскрыл наудачу и увидел шатер, возле которого сидел на кресле высокий человек, за шатром частокол копий, рядом с человеком люди с пищалями, над их головами Николай Угодник на знамени, у ног сидящего - связки сушеной рыбы, мешки с зерном. Над картинкою надпись черными чернилами " Паки на предиреченное возвратимся, о нем же слово надлежит. Ермаку же пребывающу в Чингиде и воем его времено умаляющесе цынгою и недугом чрева, Кучум же изходяще в походы на Камыш, со всеми вои пребываше, благодариша Бога, яко рыб сухих, и ячменя, и полбы множество обретоша".

- Кто изображен тут растолкуй, Семен Ульянович.

- Се Ермак в Чингиде. Кучум с подданных собрал ясак и послал с ним дворецкого своего Кутугая, а оногу Кутугая казаки пленили и привезли с ясаком к Ермаку. То я и изобразил.

- Зело мастер ты, Семен Ульянович, парсуны изображать, - восхитился Бухолц, любуясь четкостью линии рисунков. - А тут государь ?

- Федор Иоаннович. К нему сибирское посольство воеводы Данилы пришло... А тут Ермак в вотчине Максима Строганова, - пояснил он другой рисунок.

Бухолц дошел до последнего листа и увидел на нем нарисованный ключ, под ним начертанные буквы, завитки и узоры. Ключ, замкнувший "Историю".

- Се знаки наши, - сказал Ремезов.

- Не дашь ли, Семен Ульянович, дома поглядеть да жене показать?

Ремезов опустил глаза и, смутившись, сказал:

- Бери, да упаси Бог, потерять аль испортить! В сей книге полжизни моей...

- А теперь расскажи, как в контайшины земли добираться.

- Чаю, до Зайсан-озера водой по Иртышу дойдешь без помешки... Подай мне вон ту карту, с краю на полке. Иван Дмитриевич развернул карту, подсел с ней к Ремезову. - Вот Тоболеск, вот тут Тара, дальше Чернолуцкая слобода, а рядом Омь-река. В месте сем калмыцкий перевоз через Иртыш, и удобно весьма крепости быть. Без крепостей в Ургу трудно хаживать... В устье ж Оми в бытность еще государя Михаила Федоровича по его указу хотели строить крепость для берега от казачьих орд по челобитной тарских воевод Шаховского и Кайсарова, да тогда не сумели, ныне бы самое время. Сей крепостью и Барабу прикрыли бы, и до Ямыш-озера легче б ходить было. Вся соль оттуда, а сколько людей из-за соли той в полон попадает!

- Мне ведено у Ямышева крепость ставить...

- Слава богу! Давно пора... Хоть и есть там форпост, да коли большой ордой приступит неприятель, оборониться весьма трудно.

- Велик ли форпост сей и где оной стоит? - спросил Бухолц.

- А вот погляди сюда, - указал Ремезов на карту. - Сия карта из моей "Хорографической книги", рисована почти двадцать лет тому... Вот он форпост и ныне стоит так же на левом берегу речки Преснухи в виде четвероугольника, одной стороной к Иртышу прилегая, а с иных трех сторон огражден укреплениями. Есть в нем избушки и землянки, да весьма малое число, и ныне, поди, ветхи... Однако крепость покуда ставишь, можно на месте том стать всем войском и достроить потребное число землянок и укреплений...

- А где, по твоему разумению, самоё крепость ставить? - спросил Иван Дмитриевич, разглядывая карту.

- Чаю, лучшего места, нежели на правом берегу Преснухи при впадении оной в Иртыш, ставить негде. Берег Иртыша тут столь высок, что с одной стороны стену можно не делать. Да и со стороны Преснухи склон крутой на полверсты на полдень тянется...

- Далеко ли Ямыш-озеро будет от устья?

- Ямыш-озеро в пяти с половиною верстах от устья Преснухи, однако в верстах двух есть малое пресное озеро, из коего Преснуха вытекает... К Ямыш-озеру не поленись съездить. Изумления достойно сие Богом данное чудо! Вода в нем малиновая, земля зелена, а соль чиста и бела из года в год садится... Есть ли у тебя мастер по строению крепостей?

- Поручик Каландер в инженерстве и строении крепостей знает... А далее, от озера путь в контайшины земли каков?

- Вверх от Ямыш-озера будет Черная речка, и скоро начнутся камни, далее в пять дней пути два яра Черный и Вохряный, в Черном яре много белой глины, а в Вохряном -вохры. После Семи Палат можно сухим путем и горами через Камардабан, так что Нор-Зайсан-озеро по левую руку остается. Далее горами Контагой Канзог, по речке Талке до реки Или, а от нее до Урги рукой подать... До Еркеты пути не ведаю, поспрашивай Ивана Калмыкова да Федора Трушников, они в тех краях бывали... И золото ли есть там, не ведаю, только видел, бухарцы иной раз продают...

Глава 16

Каландер приоткрыл глаза и тут же зажмурился: к горлу подкатила тошнота, кровать закачало, будто лодку на больших плавных волнах. Он хотел встать, чтобы залить сушь во рту квасом, но, услышав женские голоса, остался летать.

- Ну как, Настена, сладок ли твой-от? - опросила Анна, расчесываясь гребнем перед зеркальцем. Настя зарделась и отмахалась от нее.

- Теперь уж маши не маши, милая, кровь сама просить будет, только ноги успевай переставлять - бегать на наши самблеи станешь! Мой-то Ренотик, бабоньки сладок, и такой неустанной, такой неустанной ...А ласков-от, ласков ...Ухажер! Хоть и молод, не чета нашим пентюхам: слова не скажут, сразу опрокидывают. Тьфу! И денег не жалеет, подарил подарками...

- Чаю, из-за денег с ним и шастаешь, - подковырнула Марфа.

- Дура ты, Марфутка, у меня с ним по любви

- Наша любовь вся, как вечер в мыльне, - ухмыльнулась Марфа. - Оно, конечно, с иноземцем иметь любовь, куда приятственней ...Но иной раз мой Ивашка-швед такие неприличности, зачнет говорить и требовать, что, право слово, стыд берет, пока вина не выпьешь.

- А ты ему, Марфа, как он охальничать зачнет, рот-от титькой затыкай!..

- Да уж без тебя знаем, что чем затыкать!

- Рассказывай, рассказывай, Настька, каков твой--от? -опять пристала Анна к Насте.

Не желая слушать себе оценку, Каландер медленно поднялся и сел на кровати. Рядом на полу на заячем одеяле спали ногами друг к другу поручик Дебиш и юнкер Ренот. Попросил напиток, и Настя, потупясь, подала ему корец квасу. Вспомнив вчерашний вечер, он и сам невольно смутился поначалу, но потом, под ухмылки Анны и Марфы прижал Настю к себе.

- После, - шепнула она и вывернулась.

Вчера вечером у ларечного губернатора Степана собралась на "ассамблею" те же да Ларион Семенов с женой - надзиратель из надворного суда. За столом Ларион сидел напротив капитана Симса и разговаривал с ним поначалу в полголоса. Подвыпив, склонился к нему громадным телом через стол и, щуря зло маленькие серые глаза, громко сказал:

- За те три по лисице вы получили, за новые деньги дам хорошие!

Симе отстранясь брезгливо, проговорил непонятные Каландеру слова:

- Просьбы с сего дня выполнять невозможно. Ларечный Степан, вился вокруг них ужом, успокаивал:

- Ларивон Степаныч, господин капитан, не шумите все миром уладится...

Но капитан Симс упорствовал на своем, не поддаваясь на уговоры Лариона и в конце концов, хлопнув дверью, тот ушел.

Перед танцами, когда уже было выпито изрядно, Каландер спросил поручика Дебиша на родном языке:

- Йоган, скажи, почему так принимает вас Степан, имея расходы немалые?..

- Э-э, поручик, - пошатываясь ответил Дебиш, - эти расходы для него сущий пустяк, они с Ларионом имеют от нас доход много больший... Увидев недоумение Каландера, пояснил:

- Как ты знаешь, капитан Симс поставлен начальным человеком над ружейными мастерскими, где фузеи делают. Я тоже там приставлен старые фузеи определять, которые годны к ремонту, которые отремонтировать невозможно У иного ружья малая поломка, пишешь, что к ремонту не годен, ремонтируешь и отдаешь Степану... Они продают бухарцам, остяках или татарам... А ныне капитан спорил с надзирателем потому, что тот хотел снизить нам плату за ружье, говорит будто ему стали платить меньше за них, плутует... Только ты о нашем разговоре никому... Хоть в России и все воруют, но азиатские их пытки лучше не знать ...Однако иноземцу в России ли не разбогатеть...

Потчевал в этот раз Степан на славу! После танцев под флейту плясали русского. Только капитан Симс, перепив, упал замертво, и жена его кружилась с платочком вокруг поручика Дебиша, хохоча пьяно и визгливо над тем, как он, начав ломиться в присядку, то и дело валился на бок.

Было уже за полночь, когда Дебиш вдруг закричал: "Степан, мыльню!" Потом опять пили.

Каландер не отпуская от себя Настю, мял под столом тугие ее колени, порывался уединиться с ней, но их их не отпускали. И вдруг все разрешилось неожиданным образом. Когда Степан с хмельною ухмылкой объявил, что мыльня готова, поручик Дебиш исторг из себя пьяный вопль: "Каша-малаша!" и потянул за собой Кристину. Но Марфа подлетела к нему, оттолкнула жену Симса и закричала: "В мыльню!.." Анна не отпускала от себя юнкера Ренота.

Каландер, уловил только, что кто-то хочет мыться, пошел за ними, целуя то и дело Настю, Кристину в нерешительности остановилась, поморщилась, потеряв лоб ладонью... Степан воровато заглянул в комнату, где спала жена, не любившая эти сборища, кинул взгляд на мертвецки пьяного мужа Кристины, обхватил ее за пояснину и повел следом за всеми по крытому рубленое переходу в мыльню.

В сенцах перед входом стали раздеваться, помогая друг другу по парам. Каландер, решив дожидаться очереди, сел на лавку и недоуменно оглядывался, как пришедшие обнажались. Степан, самый трезвый из них, подлетел к нему:

- Разболакайтесь, поручик, разболакайтесь, мыльня большая...

Дальше полнилось смутно. Облака горячего пара от каменки, хохот, шлепки, плескания... Голые тела в полумраке... Я рука Насти в его руке, которую он почему-то не хотел отпускать... Пронзительный крик Марфы: "Каша-малаша" Задули свечу, и всех поглотил мрак.

Кто-то схватил его за шею, к спине прильнули женские груди, но это была не Настя. Он все еще держал ее руку в своей. Почувствовал, как рука ее напряглась - между ним и ею кто-то уже был. Трезвея, он выхватил ее безвольное тело из клубка тел, распахнул попавшие, на счастье под руку двери и вынес в сенцы. "Застудишься" - услышал голос Степана и захлопнул дверь. Скинул чью-то одежду на пол и тихо опустился с уже будто сросшимся с ним телом. И с каждым мигом, с каждым проходом вдоль хребта горячей настиной ладони, с каждым вскипанием во всем тале блаженства он чувствовал, как откалываются с его души каменные одежды. С губ срывался полусмех-полувсхлип и сливался с непроизвольной дробью ее зубов, завершавшею встряски тела...

Опохмелившись, гости собрались расходиться, как в комнату вбежал казак Назар, отец Анны, с шелепом в руках. Анна, увидев его, испуганно бросилась к двери, на ходу натягивая шубейку.

- Анька, сколь раз тебе говорил, чтоб с иноземцами не валандалась! Опять ить ворота дегтем вымазали! ... Коза ты блудливая! Подбочница свейская!

И Назар перетянул ее шелепом по спине. Анна взвизгнула и выскочила на двор. Отец за ней.

Тошнота не проходила, и Каландер решил, куда сегодня не ходить.

Но после полудня к нему неожиданно пожаловал подполковник Бухолц. Сразу сообразив, что к чему, он сердито сказал:

- Коли через двадцать дней первую пушку не выльешь, заарестую и посажу на обахту! Пей да дело разумей!

Впервые на русской службе довелось услышать такое Ивану Каландеру, и он потупясь, пробормотал:

-Сделаю, сделаю, Иван Дмитрич!..

Глава 17

Вечером подул глубник, натянуло тучи, всю ночь валил снег. К утру буран стих, и лишь редкие шквалы ветра взметали на земле полчища снежных змей с Троицкого мыса на нижний город, будто грозясь засыпать, но, сорвавшись с кручи, лишённые опоры, змеи те рассыпались серебристым радужным прахом в лучах изредка выглядывавшего из-за облаков утреннего солнца.

Снега нападало за ночь немало. Но, когда в полдень Бухолц с Бибиковым и Траурнихтом вышли из губернской канцелярии и поехали к Иртышу, где возле пристани было нечто подобное малой судоверфи, путь уже был укатан санями, а дорожки и тропинки по улицам расчищены.

На верфи было многолюдно. Возле штабелей бревен, к которым возчики на лошадях подтаскивали новые, несколько мужиков и два подростка шкурили бревна топорами и скобелями. Чуть поодаль на высоких козлах в три руки пилили ошкуренные бревна на доски. В сажнях тридцати от берега лежали

готовые матки будущих дощаников, две - уже оребренные полукружьями шпангоутов, напоминали скелеты гигантских рыб.

- Иван Фомич, не далеко заложили от берега? - спросил Бухолц Бибикова, одышливо шагавшего рядом в собольей шубе.

- По весне самый раз будет... Вон метка, кажет, что вода рядом с ними будет...

- Сколь дощаников будет?

- Десятую матку, вишь, седня заложили...

- Мало! На десяти команду не усадишь! А еще провиант, пушки, артиллерийская казна... Не менее тридцати закладывай!

- Помилуй, Иван Дмитрии, людей не хватает!.. Да еще старые, с десятков, дощаники есть да лодки, кои наладить можно...

- Тридцать закладывай, - настаивал Бухолц.

- Ну, то не в моей воле, - развел руками Бибиков, - коли губернатор прикажет да людей даст, заложим.

- Время уйдет! А делать надо по приказу коменданта...

- Время наворачиваем... Главное, лесу наготовить да распилить, на весла, вишь, на пять десятков дощаников хватит, - кивнул он на очищенные тонкие стволы, поставленные шалашом, - покуда борта подымаем, обходятся, высохнут... Скоро и на мачты привезем... Сделаем, Иван Дмитрич, все как подобает... Смолу тоже приготовили, и веревки, и полотна на паруса...

- Постарайся уж, Иван Фомич, сам ведаешь, какое дело затеяно. Я-то чаял, что приду в Тобольск, возьму команду и пойду сразу, как рекрута будут, а тут, вишь, как выходит!

- От меня задержки не будет! - вскинул голову Бибиков так, что толстые складки под подбородком сделались почти незаметными.

За обедом, после поездки на верфь, Иван Дмитриевич сказал Траурнихту:

- Бибиков-то старательный старик!

- Редкий человек, без порока перед государем, аки избранный от Бога сосуд. Вот кого бы обер-комендантом поставить - твое дело живо бы сдвинулось, - сказал Дорофей Афанасьевич и склонился над балыком, пряча ухмылку. Вспомнился разговор с Бибиковым в канцелярии.

За час до прихода Бухолцат в кабинет Траурнихта вошел Бибиков. Поздоровался и, присев рядышком, заговорил:

- Каковы дела, Дорофей Афанасьевич, у твоего зятя? Не чаял, поди, такого счастья?

- Да уж какое счастье, одних забот лишь прибавка немалая, - ответил Траурнихт.

- Того ради говорю, что и дочь при родителях ныне...

- Одна радость, а внучек так и не увижу, поди, вовсе за службой государю. На покой бы нам с тобой, Иван Фомич, пора...

- Пора, Дорофей Афанасьевич, пора... Только с пустым-от карманом как жить станем?

- Тут уж сколь государь жалованья положил, выше не прыгнешь, - развел руками Траурнихт.

- Мы с тобой в каких только землях сибирских не служили! В немалый убыток впали от расходов казны своей, да болезни поимели... Чаю, о себе не подумаешь, никому до тебя дела нет...

- Так, так, - согласился Траурнихт.

- А коли согласный, - перешел на шепот Бибиков, - то лучшего случая Бог нам более не даст...

- О чем ты, Иван Фомич?

- О том, что сей поход за песком золотым и для нас можно золотым сделать. Чаю, после пожара не все амбары да конюшни отстроил?..

- Ведомо ж тебе, нет покуда...

- Вот и первая выгода. Я скажу, лес тебе завезут, что на дощаники валят, да и плотников пришлю...

Вот без расхода постройка сия тебе и станет.

"Бархатный весь, да жалыце есть", - подумал Траурнихт и сказал:

- Иван Дмитрич государю человек верный и воровства не допустит... Вдруг и другой кто докажет, упаси бог!..

- Коли с умом, так и обойдется! А зятю твоему всего знать и не надо. Да и донесет ли на отца жены своей любимой!.. Только все дела по походу нам надо в свои руки взять...

- То в воле губернатора... Ныне Карпов выше нас, хотя на словах и ведено мне сие дело вести.

- Карпов немало золота губернатору в презент перетаскал, о том доподлинно ведаю... Однако Карпова отодвинуть можно...

- Каким образом?

- Я в своем деле расстараясь, а Карпову в его делах помешку чинить станем. Вот, к примеру, указ о рекрутах он отправил, а я следом своих людей послал, чтобы не спешили как возможно долее... Иван Дмитрич, зятек твой, узрит сию задержку в недовольстве, а ты вот тут ему и подскажи, чтобы он просил губернатора меня поставить обер-комендантом, а уж мы с тобой тогда поработаем, все в наших руках будет! Гагарина-то, сам знаешь, в городе почти не бывает... А дело выходит и впрямь нешуточное, расходы превеликие будут, а у нас с тобой карманы малые, нам много от тех расходов не надо! Пристало ли в такой нищете, как мы, жить! Так что помни, помни обо мне...

И сейчас, когда Бухолц похвалил Бибикова, Траурнихт сказал:

- Вот бы кого обер-комендантом-то поставить, пошли бы твои дела...

- Ладно, поглядим, как далее будет. Ежели что, попрошу Гагарина для пользы дела за него.

Глава 18

О чем только ни передумает, куда едешь из первопрестольной до столицы своей Сибирской губернии. Но чаще других мыслей беспокоили в долгом пути сибирского губернатора Матвея Петровича Гагарина мысли о сибирской казне и экспедиции Бухолца. В первую голову по приезде в Тобольск надо проверить денежную казну: все ли сборы по окладу и сверх того учтены, и как пишутся в книгах приходы и расходы. Не любил он этой бумажной волокиты и брал, коли дело требовало, из казны денег сколько надо было. А что в книгах писалось - и не ведал.

Однако обеспокоился Матвей Петрович, побывав ноября 6 дня на дне рождения друга своего Данилыча, где и государь изволил присутствовать. Но был Петр Алексеевич мрачен, и ни вино, ни музыка не

веселили его. Когда Меншиков подошел к нему и спросил, отчего тот изволил грустить, царь вдруг гневно зыркнул глазами и, схватив Александра Даниловича за орден Андрея Первозванного так, что чуть не оторвал, притянул его к себе:

- Благодарю Бога, плут, что твой праздник сегодня, быть бы тебе битым!

- За что, Алексеич? - обиделся Меншиков, и непритворные слезы блеснули в его глазах.

- Сам ведаешь, за что... Все лихоимство да воровство! Сколько по своей губернии сверх оклада общих платежей взял? Обо всех твоих и вице-губернатора Корсакова делишках сведем! Отведаете кнута, или того хуже!

- Алексеич, мне ли о воровстве помышлять? Весной едва богу душу не отдал... О деле радею, а вижу от многих лишь ненависть и лай. Ведаю, кто очернил меня! Поди, Нестеров да Долгорукие?... Ни полушки себе не взял! Что было сверх оклада собрано, все ушло на доставку корабельного лесу к верфи, о том сам знаешь, каким усердным прилежанием в отправлении того лесу я трудился. И ныне, слава богу, трудами моими в строении кораблей поспешаем! А корпус армейский кто от голоду в Ингермоландии спас? Ведь провиант, ведая в нем нужду великую, за три недели до письма твоего начал стараться отправлять! А господа Сенат мне в том, кроме помешки, ничего не чинили!..

- Ладно, ладно слезиться! За то и держу тебя, что в деле на тебя можно опереться. Но гляди впредь! - погрозил пальцем Петр.

-А каково тот лес было доставить! -взбодрился Меншиков. - Тверца обмелела вовсе, слюзы меж Цной и Тверцой засыпало наполовину песком... Вон Матвей Петрович скажет, он там был, иные очищать велел...

Гагарин, сидевший напротив, кивнул:

- Доподлинно так, песком канал засыпается, и бревна погнили. Скоро десять лет, как я его построил. Чаю, обновлять надо, а понеже на Ладоге штормы часты, в обвод бы озера канал построить, ибо убытков терпим более от бурь, нежели на канал расходы будут.

- Сие так, сам о том же думал, паче чаяния придется тебе, Данилыч, за сие дело взяться, - сказал Петр, вдруг опять нахмурился и глянул в глаза Гагарину: - И ты плутуешь! Из государственной казны кормишься и свойственников кормишь!

- Помилуй, государь, всех свойственников по твоему указу в одиннадцатом году из Сибири вывел...

- Молчи, - хлопнул ладонью по столу Петр. - Все знаю! Обер-фискал проведал о тебе в подлинник, что ты свои и других частных людей товары пропускаешь в Китай под видом государственных с особыми купчинами и с того получаешь себе превеликое богатство!..

- Нестеров на меня лжу напускает! Сам он вор... То, что от торгу имею, себе не беру. Подарки императору китайскому даю немалые, чтобы в мире жить, на строение городов новых в Сибири сколько потрачено из неокладных расходов, кто считал! Да вот хоть с последнего торгу весь доход пустил на судовое сообщение с Охотска на Камчатку. Да вот и подполковника Бухолца собрать - казне будет трата великая... Кроме как о прибытке и пользе Отечеству не помышляю...

- Смотрите у меня! - погрозил Петр. - Скоро указ объявлю о лихоимстве, дабы у дел поставленные не дерзали казенных и с народу собираемых денег брать торгом, подрядом и другими вымыслами... А кто дерзнет, тот весьма жестоко на теле наказан будет, имения лишен и из числа добрых людей извержен или смертью казнен будет... Ибо вокруг меня честных людей не вижу, и вам, коли плутовать будете, пощады не дам, даже и заслуги ваши помня!..

Перед самым отъездом в Тобольск Матвей Петрович в Москве пришел к сенатору графу Мусину-Пушкину, отыскав его в типографии, начальником коей он был поставлен еще в бытность его, Гагарина, московским комендантом, и поинтересовался, нет ли в Сенат записки какой от обер-фискала Нестерова. Иван Алексеевич отвечал, что не только отписка имеется, где писано о китайском торге и предложено послать в Сибирь для осмотра я переписи товара в последнем городе, куда приходит караван, верного человека и с ним фискала, но и самим Нестеровым два ящика с делами Сибирского приказа запечатаны.

По тем делам Нестеров-де показать хочет, что окладные сборы за 705-711 годы слишком малы и что в том явная губернаторская неправда и расхищение казны. Гагарин отвечал Ивану Алексеевичу, что ему то уже ведомо, что он, Гагарин, не виноват, что оклады были определены малы, что все он по табелю сдавал, а коли умалчивал о сборах сверх табеля, так те деньги шли на внеокладные расходы, и уговорил Мусина-Пушкина ящики распечатать и дела все уничтожить. Тем паче, что в те иные годы он и губернатором не был, а в какие был, то за многими делами за бумагами не смотрел и в том может быть неправда на него учинена из-за неисpravления тех бумажных дел.

Поначалу граф засомневался: надо бы с другими сенаторами о том поговорить, но когда получил в презент личину звериную из золота, отлитую в Тобольске Степаном Третьяковым, согласился и дела сжег, сказав, что в том их дело правое, ибо фискалам по 710 год смотреть дела по указу государеву не велено. Славный человек, добрее из всех сенаторов нету. Худо, что не пришлось породниться друг с другом: не захотела младшая дочка выйти замуж за сына графа и постриглась в монастырь, Бог ей судья. А кому бы не лестно породниться с ним, князем Гагариным, род свой ведущим от князя Всеволода Большое Гнездо. И Ивану Алексеевичу то в честь было б. Как за честь почли долговязый скряга граф Головкин, женивший сына на старшей его, Гагарина, дочери и барон Шафиров, отдавший любимую дочь за сына его Алексея Матвеевича.

Прощаясь, Иван Алексеевич дал ему две книги: архитектурную и фортификаческую, выполненные с особым тщанием, с золотым узорочьем по переплетам. Геометрические фигуры в сих книгах выполнил гравер Пикард, коего в бытность московским комендантом сам Матвей Петрович нанял для типографии, ибо ему надлежало кроме забот комендантских следить за чертежами к трактатам по механике, геометрии и о "вейерверках". То было начало, а ныне дело, им пущенное, много вперед подвинулось.

Порадовал его Иван Алексеевич, а главное, порадовал разрешением дела по доношению Нестерова, хотя надо будет в приходных и расходных книгах порядок навесть.

Прибыл Гагарин в столицу своей губернии перед Рождеством и после праздника сразу взялся за дела.

Обер-комендант Карпов по его велению приготовил приходные и расходные книги, и целый день Матвей Петрович просидел за ними и нашел, что и окладные сборы и расходы на строение и прочие государевы нужды пишутся с великим небрежением.

- Пошто о сборах за этот год по ясаку с остяков ничего не писано? - накинулся он на Карпова. - Пошто не о всех уездах по сбору с государевых крестьян писано? Где приход с двенадцатого года от каравана купчины Худякова?

Обер-комендант растерянно заоправдывался. Что-де за многими делами не углядел и о том спросит дьяков и подьячих, что все помыслы ныне о походе Бухолцевом, по купчине же Худякову и вовсе не сведем того для, что в те времена он обер-комендантом не был.

Матвей Петрович и сам понял, что зря он о купчине вспомнил. Что доходы с китайского торгу Худякова пустил он на каменное кремлевское строение да строение храмов.

Приказав навести в книгах впредь порядок, велел пригласить калмыцких от контайши посланцев. Принял их ласково. Похорошевался с Ерке Тарзаком. Долго говорил с ними о спорах по землям на Вии и Катуню, о ясаке с барабинских татар, объяснял с улыбкой, что и земли те, и люди издавна государевыми были, и что он, губернатор, и сам государь Петр Алексеевич с контайшой хотят жить непременно в мире, и просил вернуть полон, взятый калмыками при разорении Кузнецкого острога.

Посланцы ответили, что о том они будут говорить контайше. Как он повелит. Весьма остались довольны, когда он одарил их собольими корабликами*, и просили казаков для сопровождения до их земель и защиты от киргизцев...

Матвей Петрович посоветовал им отправиться вместе с Бухолцем, который отбудет по весне к Еркети для поиска серебряных и железных руд, и чтобы они о том контайшу известили, чтоб помешки в сем походе Бухолцу не было б. Коли поход будет с миром, ответили посланцы, то контайша препятствий чинить не будет. И согласились идти вместе с Бухолцем, поинтересовавшись, много ли пойдет с ним людей. Он ответил, что немного, но для защиты от казачьей орды хватит.

На другой день после встречи с посланцами созвал совет по походу. Кроме подполковника Бухолца, были майор Вельяминов-Зернов, поручик Каландер, гарнизонные обер-офицеры, Карпов, Траурнихт, Бибилов и дворянин Стефан Фефилов.

Бухолц в своем слове говорил, что дела идут весьма медленно, что рекрут ни одного не прислано, и вина в том обер-коменданта Карпова. Что-де только на верфи дощаники готовятся, как полагается... Просил губернатора ускорить дела по покупке сукна на камзолы и штаны, кожи и юфти на сапоги и портупей, и, в первую голову, фузеи сделать или купить готовыми московского дела, просил, чтоб над всеми был поставлен один человек, дабы путаницы не было.

- Я же велел готовить тебе, Дорофей Афанасьевич, - сказал Гагарин Траурнихту.

- О том изволили б, ваше сиятельство, издать письменный указ, дабы от начальных людей помешки не было...

- Ладно, будет указ, - поморщился Гагарин, - изволь дело делать! Мундир из казни оплаты, а фузеи и пушки, чаю, свои сделаем, дабы казне оскудения великого не было. Рекрут брать как всегда, с двадцати дворов одного, да смотреть, чтоб в сем деле утайки не было от воевод и мира, чтоб три-четыре двора за один не писали б... Отчего ж ты, обер-комендант, мой указ о наборе рекрут не исполнил? - обратился он к Карпову. - Говорил ведь тебе о том подполковник Бухолц?

- Указы я во все города послал, однако рекрут по ею пору не прислано...

- Плохо указал, стало быть! - рассердился Гагарин.

- Ваше сиятельство, Матвей Петрович, казаки не хотят идти в драгуны, - сказал дворянин Фефилов, - ропшут, ибо жалованье малое и от семьи отрыв великий бывает...

- В сем деле слушать их не надлежит! Государев указ исполнить надобно!..

После совета Гагарин пригласил всех к себе на ужин. Уезжая от Приказных Палат, Бибилов и Бухолц сели в губернаторский возок. Едва тройка понесла, как Бибилов обиженным тоном сказал:

- Матвей Петрович, чай, пора мне к моим делам обер-коменданта вернуться, ибо здоровье мое весьма поправилось, а Карпов, сам зришь, в делах мало сведем... Пусть поучится.

- Сделай, господин губернатор, Иваном Фомичом мы довольны, - подтвердил Бухолц. - От чего я еще пребываю в беспокойстве, Матвей Петрович, так от того, что ни одного доподлинного ведомца о песошном золоте не нашел, есть ли такие?..

- Есть, есть... Хоть бы Федор Трушников, он мне то золото продавал.

- С Трушниковым говорил, он сказал, что золото купил у бухаретина, а есть ли золото в Еркети, не ведаю. Говорит, что где-то в днях десяти от того города якобы промышляют золото... Засомневался я, есть ли в Еркети вообще золото?

- Да пусть и нету, беда не велика, подполковник! Дороже всякого золота земли полуденные, кои у нас под рукой... На востоке до моря дошли, там край земли, места суровы, а тут земли черны, добрые земли. Города надо ставить вверх по Иртышу и хлеб на сих землях сеять, дабы приросло Отечество Российское. И Барабу оградят те города от казачьей орды.

- Но государь посылая меня за песошным золотом! - сердито воскликнул Бухолц. - Коли оно не будет, как ответ держать?

- Тут я тебе государь! - вспыхнул Гагарин, недовольный тоном Бухолца. - И указ тебе от меня будет особый!

Заметив удивление Бибилова и окаменевшее лицо подполковника, Матвей Петрович понял, что перебрал, и спохватился примиряюще:

- Есть золото, есть, успокойся, Иван Дмитриевич! Только миром старайся с калмыками обойтись... На то тебя и государь посылает, дабы доподлинно узнать, есть то золото -или нет, да откуда Дарья-река вытекает, и можно ли по ней в Индию плыть... И в сем деле я тебе, Иван Дмитрич, первый помощник. Ну, а тебе, Иван Фомич, быть вместо Карпова обер-комендантом, ибо ты к сей должности привычен...

Но недолго пришлось быть Гагарину помощником Бухолцу. Через три недели из Сената пришел указ, прибыть ему, Гагарину, наисрочнейше для важного следствия. А в приватном письме Иван Алексеевич Мусин-Пушкин извещал, что по доношению Нестерова создана комиссия под началом Якова Федоровича Долгорукого по следствию над купчиной Алексеем Евреиновым, который якобы по поблагке губернатора Гагарина обогащался незаконной торговлей табаком в Сибири...

Поставив обер-комендантом Бибикова, Гагарин уехал в Москву.

Глава 19

Не поможет, вторую неделю не глядит на меня, - жаловалась Настенька Марфе. -Да и на святках гадала. Вечером первого встречного не Иваном звали. Бесчастливая я...

- Другим манером гадала?

- Из поленницы в темноте полено брала,, так все суковатое да в трещинах попало, значит муж будет дурной да сердитый... А Ваня не таков! Да и на ночь из наперстка соль с водой, пила и просила, чтоб суженый во сне пришел бы и пить принес.

- Приходил?

- Приходил и пить подал, токмо то, чаю, не Иван вовсе был: подает воду, а сам безликий...

- Ладно, девка, не слезись, что будет - в воле Божией, то никому неведомо ...А в моем слове сила немалая на нынешние дня. Не ты первая... Держи двумя руками, - Марфа подала Насте мутовку, усадила напротив себя, перекрестилась и приказала:

- Повторяй слово в слово за мной... На море на окияне есть бел-горюч камень Алатырь, никем неведомый, под тем камнем сокрыта сила могуча и силы нет конца. Выпускаю я силу могучу на полюбовного молодца Ивана во все составы, полусоставы, во все кости и полукости, во все жилы и полужилы, в его очи ясны, в его ретиво сердце, в утробу, в его руки и ноги. Будь ты, сила могуча, в полюбовном мододце Иване неисходно, жги, сила могуча, его кровь горячую, его сердце кипучее на любовь к красной девице Настасье так, чтобы уд его был яко древо сие...

Настя вспыхнула, опустила глаза и, повторяя, сошла на шепот. Марфа сердито повела глазами, чтобы не прерывалась, и она снова зачастила следом за Марфой:

-... ты пошли, сила могуча, на него тоску, чтоб не мог он без Настасьи ни жить, ни быть, ни пить, ни есть, чтоб разрослась по всем жилам, по всем костям маемой и сухотой по рабе Настасье, и ничем бы полюбовный молодец не мог отговориться, ни заговором, ни приговором. Слово мое крепко, как бел-горюч камень Алатырь.

Марфа замолчала, перекрестилась, что-то прошептав, скинула прыгнувшего ей на колени громадного пушистого кота и сказала:

- Дай-ко-ся мутовку-то...

Зажгла новую свечу, поставила в деревянный подсвечник на край стола, подержала середину мутовки над язычком пламени так, что дерево подкоптилось, повернула накрест и закоптила с другого бока.

-Вот, милая, спи всё ночку спокойно, а утресь спрячь мутовку под порог дома, где он живет. Перешагнет он ее и будет твой, табашная ноздря! - ухмыльнулась Марфа и, обняв Настю, пропела:

Эх, мой миленький дружок,

Размалеванный душок...

Вдруг громко чихнула и радостно заключила:

- Седня пятница, стало быть чих-от к свиданию., не горюй, девка!

Глава 20

Из дневника поручика Каландера:

12 января 1715

На Рождество приехал губернатор Гагарин, и сразу делам по устройению экспедиции подполковника немалое дал ускорение.

Мои соотечественники при нем весьма прилежны в работе стали. Удивлялся штык-юнкеру Реноту. Оказался искусен не только в игре на флейте, но и весьма знающий по артиллерии техник. До позднего времени мы пропадали с ним на оружейном дворе, и сегодня к удовольствию подполковника при губернаторе и коменданте Траурнихте отлили удачно шестифунтовую пушку.

За делами приходил поздно уставал и долго не виделся с Настей. Сегодня опять всю ночь был с ней.

15 января 1715

На пустом месте на берегу Иртыша пробовали в стрельбе новую пушку. Палили вхолостую полуторными зарядами. Трещин в пушке не нашли. Губернатор, бывший при этом, повелел подполковнику сшить мне новый мундир из лучшего английского сукна из расходов на амуницию. Реноту приказал выдать 20 рублей. К шведам он всегда щедр. О том они говорили: и капитан фон Врен, который открыл в городе школу, и корнет Эннес, что сделал шелковые обои золотого и серебряного цвета. За те обои губернатор -платит по одному рублю за локоть.

Все вечера провожу с Настенькой и без нее весьма скучаю. Она так мила и ласкова, что всерьез думаю, не повенчаться ли с ней, перекрестившись в веру православную.

17 января 1715

К огорченную подполковника губернатор Гагарин неожиданно уехал в Москву, оставив оберкомендантом Бибикова. Карпов по моему разумению оказался в немилости из-за рекрут, первые партии которых прибыли в Тобольск неделю тому.

Отлили еще одну шестифунтовую пушку и готовимся отливать трехфунтовые пушки и пудовую мортиру. Обучаю пушкарей из вольных охочих людей, которым Гагарин положил оклад против десяти служилых человек в Тобольске.

Глава 21

Перед самым отъездом к Гагарину пришел Бибиков и сообщил, одышливо вздыхая:

- Матвей Петрович, подполковник послал чрез канцелярию письмо его царскому величеству.

- О чем письмо?

- То неведомо, ибо запечатано его, подполковника, личной печатью.

- Ладно, другому кому говори! Прочитал уж, поди, да обратно запечатал!.. О чем письмо?

- Пишет, что ему в отправлении чинятся умедления, что сидит по ею пору без команды, что фузей нету, что ведомцев до Еркетья не сыскал...

- Где письмо сейчас?

- Вот оное письмо, - подал Бибиков Матвею Петровичу конверт с маленьким красным пятнышком сургучной печати, на которой зримо запечатлелась поющая птичка.

- Сам отвезу и подам, куда следует.

- А по данному вашему сиятельству от него ж, подполковника, доношению третьего дня, что учинено будет? В том доношении Иван Дмитрич спрашивал, в небытность вашего сиятельства, как будет предложено о сборе людей и отправлении всяком?..

- Помню, помню, - перебил его Гагарин, - вот по сему делу подашь ему мой указ.

Бибиков взял бумагу, пробежал начало глазами и едва скрыл радость, прочитав: "И против того именного его царского величества указа, в небытность в Сибири губернатора, ведено отпуск готовить, до указу великого государя, тоболскому коменданту Дорофею Афанасьеву сыну Траурнихту; и в том отправлении, о даче людей, и амуниции, и артиллерии, и денег, и что надлежит к тому его подполковничью отпуску, из сенату или из двора его царского величества, все ведено отправлять ему тоболскому коменданту..."

- Тебе ж, Иван Фомич, - сказал Гагарин, - по сему делу быть Траурнихту помощником... Коли получишь от меня какой-либо указ, не медли, подобно Карпову с указом о рекрутах. К слову, от имени моего пошли еще указы воеводам и комендантам, чтоб поставили рекрут сполна. А коли не поставят, ибо ведаю, какое ныне в людях оскудение, то вели подполковнику набирать рекрут из колодников и гулящих людей, обещая оным прощение и отпущение на волю, коли живы будут после походу...

- Ладно, Матвей Петрович, сполним все, как велишь. Указ твой я подполковнику передам.

Иван Дмитриевич, прочитав указ, полученный уже после отъезда Гагарина, подумал, что не зря он спорил с губернатором и просил в прибавок к указанному царем числу еще пятьсот человек пехоты, Матвей Петрович решил дать, да жаль, что сам уехал. А сейчас покуда и тысячи человек не прислано. Да из тех рекрут, что пришли, солдат-то еще делать и делать... К тому же фузей годных почти нету - поди обучи сих мужиков правильной стрельбе!.. Да и наберется ли потребное число рекрут, тоже узнай, хоть и пишет губернатор в указе: "А людей ведено определить ему 2000 человек пехоты. Да буде можно, собрать к отпуску тому велено еще в прибавок 500 человек драгун да 500 человек на оставку в гарнизоне казаков. А итти ему подполковнику Бухалту из Тоболска водяным путем судами весною..."

По-доброму, так до весны можно еще два полка собрать и обучить сполна, а как выйдет, одному богу известно. Иван Дмитриевич всей душой, пожалуй, уже понял, что дело сие в его жизни будет наиглавнейшим, и из-за того, что неясно было, как повернет оно его будущую жизнь, нахлынули тягостные предчувствия и томили душу.

О том, есть ли золото у Еркети, он старался не думать, хотя ведомца по-прежнему не нашел, и была еще надежда отыскать такого в городе Таре, где, как сказал взятый в полк толмачом Богдан Берников, живет Борис Берников, брат его, ходивший к Еркетию... Да коли и нет золота, то ничего ему, подполковнику, не изменить. Губернатор прав, не побывав в тех местах, не докажешь и пред царем в пустословии не предстанешь. Да и Гагарин хитер, и план его, видно, верен, не зря велит "делать городки по Иртышу вверх до того места, откуда можно итти к Еркетию городку..." Коли крепости будут, то, губернатор мыслит, калмыки, кои с казачьей ордой в войне, воевать с двумя врагами не будут, и с русскими будут стараться жить в мире. Будут ли?.. В том и сам Гагарин, по всему, не очень уверен, ибо в указе пишет, что коли "от неприятеля будет противность, то, прося помощи от Бога, противитца всеми людьми". А людей-то добрых, строю настоящему обученных, и нет...

Иван Дмитриевич вышел из Приказных Палат, где ему была отведена рабочая комната, и, спустившись вниз по Пря姆斯кому взвозу, направился к плацу.

На очищенной от снега базарной площади, где обычно торговали лошадьми, офицеры и сержанты занимались с прибывшими рекрутами.

Еще не обмундированные, будущие его солдаты осваивали азы строя, хрустко печатая пимами шаг. Несмотря на морозец, от иных валил пар. Среди прочих команд разнеслась над плацем зычная команда поручика Трубникова:

- С половины рядов на-право вперед шеренги сдвой!

Трубников был с рекрутами, что пришли первыми, и уже могли с горем пополам перестраиваться на ходу. Но до солдат и им далеко, ох как далеко. Надобно обучить еще и пальбе шеренгами, и пальбе плутонгами, и в каре строиться и с пушками, и без пушек, ибо в степи да против конного противника без сего умения боя не выдержать.

Перед двумя ближними к нему шеренгами рекрут, одетых кто в зипуны, кто в нагольные полушубки, стоял прапорщик Микулин и обучал приемам обращения с фузеей.

- По команде: "Фузеи к заряду!" ея надлежит обратить с поля, открыть полки, насыпать на полки порох, закрыть полки и перенести фузею на левую сторону...

Заметив Бухалца, прапорщик начал было рапортовать, но Иван Дмитриевич остановил его и велел продолжать.

- А как перенесете на левую сторону, - продолжил Микулин, показывая, - держать фузею наперевес, дабы приклад до земли не допускать и вынуть патрон, скусить вот так, положить в дуло, вынуть шомпол и прибить им заряд. Положить шомпол в ложу, поднять фузею, взвести курок, прикладываться и палить. Дабы лучше сии движения запомнить, надлежит их исполнять по команде по приемам... Вот ты, - ткнул он пальцем рекрута в середине шеренги, - выйди из строя! Назови имя!

Рекрут с белесыми ресницами и русой, еще не сбритой бородой степенно вышел из строя, нерешительно повернулся и сказал:

- Петр Першин я, Михайлов сын.

- Отвечать надо: солдат Першин! И поворот чинить не яко медведь, но четко, быстро, с прилежанием! Бери фузею, исполняй команды... Фузею на караул!.. Подвысь, подвысь! Обороти с поля! Фузею к заряду!.. Глядя, как Першин ловко управляет с оружием, будто с косой-горбушей, Иван Дмитриевич немного повеселел: может статься, что все и обойдется, и, когда солдат ловко, в три приема, вставив шомпол, взвел курок и приложил приклад к плечу, он подошел к нему и похвалил:

- Молодец! Добрый из тебя солдат выйдет! Прапорщик, выделить ему за ужином чарку вина!

И обратился к строю:

- Солдаты! Хотя у присяги воинской вы не были, но почитаю вас за солдат, ибо по указу государеву времени нам дано в обреш. Помните: больше поту - меньше крови! В экзерциции следуйте с прилежанием и во всем обер- и ундер-офицерам будьте послушны! Трудитесь, и государь вас не забудет!..

Иван Дмитриевич посмотрел еще подопечных поручика Трубникова, также ободрил их и направился было на оружейный двор, где Каландер и Ренот собирались лить трехфунтовые пушки, которые надлежало оставлять в новопостроенных крепостях, но вспомнил, что договорился вчера о встрече с митрополитом Иоанном, на которой владыка обещал ему рекомендовать священника, согласившегося быть в трудном походе, и пошел к Софийскому собору.

Глава 22

Домашний цирюльник обер-коменданта заканчивал бритье. Расправив жирные складки на подбородке Бибикова, он ловко скользнул лезвием бритвы по уже выскобленной чистой коже, отложил бритву и, смочив полотенце в теплой водке, обернул им подбородок и щеки.

Иван Фомич надулся, шумно выдохнул из груди воздух, показал рукой, что, мол, достаточно, откинулся на алый бархат кресла, осматривая лицо в зеркале, и остался недоволен: хоть бритье и было чистое, но набрякшие темные с мертвящей зеленцой круги под глазами, редкие пушистые волосенки на голове, глубокие борозды морщин на лбу показывали, что в кресле сидит старик.

Доложили, что пришел купчина Матвей Евреинов. Бибиков натянул парик, посыпал его душистой пудрой, сдул упавшие крупинки с темно-синего атласа любимого халата, на спинке которого скалился, растопырив когтистые лапы золотой дракон, и, достав из резной шкатулки перстни и кольца, унижал ими все пальцы, кроме больших. Поверил их к свету и залюбовался сверком и остроиглистою разноцветных камней.

Уж он-то знал им цену. Недешево сии камешки ему достались, бережливостью и радением деньги на то добыты были... Он, подобно губернатору Гагарину, серебро алчной толпе не разбрасывал, шведам тысячи по дурости не плачивал, а уж ободья кареты серебряными гвоздями крепить и даже в стельку пьяному не пришлось бы в голову, как то было у Гагарина. Мастер на пустяшные забавы деньги переводить. Без серьезности человек. Велел, а после о том и думать забыл, кучера тайком те гвозди поменяли на железные из простого укладу...

Забывчивость такая и ему, Бибикову, на руку: не один год прикармливался - соберешь пошлин вдвое от положенного, а в книги пишешь, сколь просили, остальное твое. У воды да не напиться?

Все, кажется, у него есть: и камни, я золото, и хоромы, и жена молодая (конечно, на богатство позарилась, мужа ее подьячего Андреянова спровадили в Тару, то ведомо, что на богатство, да какая беда - он сей лакомых кусок от жизни успел отхватить), да сосет душу несбыточная тайная мысль: хоть раз бы написать: "...по велению его губернатора всея Сибири Бибикова..."

Стол был заставлен обильными яствами: осетриной соленой и нельмой, грибами с моченой брусникой, горками блинов мучных и гречишных. В чашах янтарится сотовый мед, в ендове пиво. Штофы с водкой.

Принялся потчевать, уклоняясь от немого вопроса гостя -зачем звал.

- Никак в Москву направляешься, Матвей Федорыч? - спросил Бибиков. - Видно, весь товар продал?.. Полюбил народ табун-траву...

- Бог не обидел, - уклончиво ответил Евреинов. - Токмо мы не одной табашной травой торгуем, сам ведаешь...

- Ведаю, как не ведать! А пошлины-то и сборы таможенные справно ли отдаешь? - вкрадчиво сказал Бибиков, глотнув водки из серебряной чарки.

- Отдаю, как надобно, в том губернатор сведем...

- А в Таре и Нарыме не твои ли люди беспошлинно табаком торгуют?

- И в том губернатор сведем...

- Сведем? Сколь ему за то даешь!

- Коли допрос призвал чинить, - вскочил Евреинов, - призывай в Палаты!

- Не взбрыкивай! Не жеребчик, - осадил его Бибиков. - Ведомо ли тебе, от чего губернатор столь скоро обратно в Москву съехал? А мне ведомо! И то тебя-я и брата твоего Алексея весьма касаемо!

Евреинов сел и с тревогой уставился на Бибикова.

- Выпей, выпей, - налил Ёпбиков ему водки. -Разговор у нас на сухую не пойдет. Вам ныне с Алексеем не брыкаться, а меня держаться надо. Интересно, небось по какому делу Гагарина вызвали?

- Ну?..

- Загну! Гагарин потому съехал, что вызван для следствия в Сенате по доношению обер-фискала Нестерова, кой показал на губернатора, будто оной чинил поновку в неправой торговле табаком брату твоему Алексею Евреинову!

- В чем сия поновка?

- Поблажку-де давал в пошлинах...

- Откуда о деле ведаешь?

- Не твою ума дело! В том истину говорю, такой донос на князя есть и вам, Евреиновым, поблажки в сем деле не будет!

- Пошлины мы платим справно, о том в таможенных и других книгах записано...

- Ан, не записано! В прошлом году записано о взятии пошлин за сто пудов табаку, а продано сколько, не вспомнишь ли? -ехидно прищурился Бибиков.- Вот отправлю сии книги Нестерову!

- Продано, сколько записано...

- Врешь! - закричал Бибиков. - Пятикратно больше, свидетели у меня в том верные ...В кандалы закую!

- Губернатор в том сведом...

- За вас и губернатор отвечать будет! Я же могу те книги сжечь, в которых о пошлинах и товаре вашем писано, или уступить, радея о вас и губернаторе...

- Смилуйся, уступи книги! - не выдержал Евреинов.

-Ты ж в китайском торге был, чаю, камушков-то привез?..

- Есть кой-какие...

- С собой?

- Есть и с собой... Один алмазный перстень могу уступить. Евреинов достал из-за пояса желтую бархотку, развернул и у Бибикова глаза блеснули при виде бриллиантов, Евреинов два перстня положил на ладонь, а третий завернул обратно.

- Хороши, хороши, - сказал Бибиков. - А третей че не кажешь?

- Оной перстень для Матвея Петровича, он деньги давал на него.

- Кажи, кажи!

Алмаз был много крупнее остальных и обер-комендант заявил;

- Сей возьму!

- Сей алмаз губернатору и уступить не могу...

- К книгам в придачу сто рублей даю, - отрубил Бибиков. -Гагарину другой купишь или сам добудет. Вот хоть с купчиной Гусятниковым, что идет с караваном, в Китай. С ним и добудет...

- Ладно, бери, - хмуро ответил Евреинов, глядя, как Бибиков отсчитывает деньги.

- Забирай книги и лучше сожги от глаз недобрых, - посоветовал еще раз Бибиков, любясь блеском вновь приобретенного алмаза.

Евреинов забрал деньги и книги и ушел.

Бибиков велел позвать ларечного губернатора Степана и надзирателя Лариона Семенова поднялся на второй этаж и протянул жене Мавре алмазный перстень со сладком улыбкой:

- Примерь, сударушка, чаю, по твоим сахарным пальчикам сей перстенок.

Жена растопырила пальцы, надела перстень на безымянный и, вертя рукой залюбовалась подарком. Потом в радости стала целовать Бибикова. Он побагровел и повлек Мавру к перине.

Ларечного губернаторского Степана Бибиков прибрал к рукам в бытность того еще подьячим, когда у Степана погорел дом и он, желая скорее отстроится, утаил часть казенных денег от ясажного сбора. Воровство было явное, следствие по бумагам вел сам Бибиков и, видя слезное моление Степана, простил его, и даже посоветовал взять его губернатору ларечным. И с того времени Бибиков знал о всех делах губернаторских, как о своих. Так он узнал и о письме Якова Долгорукого.

Спустившись вниз, Бибиков увидел, что Степан ждет его уже с Ларионом Семеновым.

- Степан сказывал, что ты судьей хочешь быть, - обратился он к Лариону. - Могу о тебе сказать в надворном суде, чтоб послали тебя в Нарым судьей, но ежели одно дело сделаешь!

- Вашей милости готовы услужить в чем угодно!

- Тому с час был у меня купчина Матвей Евреинов, оному купчине я отдал пошлинные книги, где

неправда о их пошлинных сборах явлена... Да сказал Матвей , что послал он с купчиной Гусятниковым товары свои и губернатора, то дело и надежит тебе исполнить, - вновь обратился он к Лариону Семенову. -Подашь от меня бумагу в .Москве обер-фискалу Нестерову, в ней написано, что ты от меня, а на словах скажи, что Евреиновы книги о пошлинах сожгли, и что губернатор и Евреиновы послали с купчиной Гусятниковым товары и будут иметь себе доходы помимо государевой казны...

- Пошто, Иван Фомич, книги отдал сжечь? Не лучше ли было их явить Нестерову, - спросил Ларион.

- В тех книгах, хоть и можно узреть вину, но пустяшную, а коли книги сожгут, можно сказать, что утаены великие суммы... И в розыске Нестеров от того будет чинить радение немалое. . . Глядишь и нам выпадет польза..

Глава 23

От самого Сретения, обещавшего по приметам раннюю и теплую весну, до Евдокии тянулись из городов сибирских и уездов мелкие партии рекрутов по губернаторскому повторному о наборе указу. Однако потребного числа так и не набралось.

Подполковник Бухолц с комендантом Траурнихтом, майором Вельяминовым-Зерновым и отцом Василием, посланным владыкой Иоанном в отряд, пришли к собранным на тюремном дворе колодникам и объявили, что тем, кто пойдет в солдаты для поиска песошного золота в контайшинных улусах, все их, колодников, вины прощены будут.

- Верь вам! Опосля походу, когда золото найдем, опять в железа посадите! - крикнул колодник со шрамом, в котором Иван Дмитриевич узнал разбойника Митьку Резаного, напавшего на них по дороге в Абалацкое.

- Тем, кто вернется, все вины прощаются государем и на волю отпускаются колодники бывшие...

- Токмо вернешься ли! Как бы тот песок золотой кровушкой да слезами промывать не пришлось! - крикнул опять Митька.

- Вольному воля!.. Выбирайте: али колодки да виска, холод, голод да кнут, али солдатский мундир, харч сытый и денежное жалование к тому ж... Чаю, таким, как ты, сей поход самим Богом послан во спасенье. Ай, в тюрьме лучше?

- И не рад хрен терке, да по ней боками пляшет! -усмехнулся Митька и тряхнул цепями. - Ладно, пиши меня, господин полковник, в солдаты, авось не обманете, а смерть мы сами обманем!..

С колодниками набралось солдат почти две с половиной тыщи. На два полка пехоты и драгунский полк, коли казаков прибавить. Пехотные полки назвали Московский и Санкт-Петербургский.

И пошла у Митьки Резаного жизнь на удивление. И то: вчера колодник, а сегодня уж солдат царев.

Он и еще несколько колодников были определены в первую роту Московского полка и повязаны круговой порукой: коли хоть один убежит, то остальным - колодки, в бою же - смерть. Не успел Митька привыкнуть к новым солдатским красным камзолу и штанам, не успел обмять зеленый кафтан, а уж неделя прошла на плацу в бессмысленных, по его разумению, поворотах, построениях и ходьбе. И как передых с радостью воспринял он весть сержанта Урезова, что их рота идет на учебные стрельбы.

Стрельбище было недалеко от города. Мишени стояли у крутого склона горы, а стреляли из ретрашмента, вырытого в глубоком снегу. День был солнечный, и свежие березовые плахи, окрашенные дегтем, дабы быть лучше различимыми на снегу, торчали ясно зримыми идолищами. У иных и круги-головы вырублены.

Поручик Афанасий Колошени сперва перед всей ротой пояснил, как надобно обращаться с фузей, как готовить ее к пальбе... Митька не слушал - приходилось уже палить из такого оружия, пока не бежал из солдат-то в десятом году... Одно только из слов поручика и запомнилось:

- ...Ежеденно каждый солдат должен беречь сохранно патроны и следить, дабы в меру приверчены были и годны кремни. Как маму родную, фузею в бою поминать будешь, когда нечем оборониться будет!..

Стреляли из десяти фузей поочередно, капральство за капральством, так как по-прежнему фузей для всех не было, как и палашей.

Прошло уже две очереди, а мишени стояли нетронутыми, хотя и тридцать саженей до них всего, а не просто угадать в них, да когда ружье впервой держишь. Тем паче стоя стреляя. Митька стоял между солдатом Першиний, которым сошелся за эти дни по простоте его, и Ильей Лычагиным, своим поимщиком.

Лычагин, не дождавшись команды (хотел сноровкой похвастать), торопливо приложился и ухнул в белый свет, как в копеечку. За что получил от наблюдавшего стрельбу поручика выговор и, сконфузившись, отошел в сторону. Першин тоже выстрелил и крикнул с досады: пуля зацепила край мишени, сколов щепку, и скол этот ярко забелел на солнце. Одно Петра утешало, что другие и вовсе не попали. Все уже фузей другим передали, а Митька только приложился.

- Эх, мать вашу, стрелки, пуль не напасешься! А ты че стоишь, пали! - крикнул поручик Митьке.

Тот не спеша, плавно надавил на спусковой крючок, раздался выстрел. Поручик Колошенин глянул в подзорную трубку и сказал, сплюнув с досады:

- Опять все мимо!

- Виноват, ваше благородие, в голову целил, должен попасть, - возразил Митька. - Гляньте он на вторую слева.

Колошенин еще раз взглянул в трубку и обрадованно воскликнул:

- Молодец, солдат! Точно по середине влипил! Имя?

- Митька Резаной!

- Клички собачьи забудь, отныне ты солдат его царского величества, а не колодник и отвечай впредь: Дмитрий Резанов!

- Ну вот и новокрещеном стал, будто раскольщик, - усмехнувшись, сказал Митька Першину.

После стрельб метали неснаряженные гранаты, чтобы из тех, кто дальше кинет, выбрать в гренадерскую роту. Перед метанием сержант Урезов учил, показывая:

- Фузейю за плечо! Вскрой суму и вынь гранат! Скуси зубами и закрой трубку перстом! Одув, изготовь фитиль... Отступи правой ногой назад, зажигай и бросай! После зажога ворон не считать, кидай сразу, не то голова полетит в одну сторону, муди - в другую!

Последние слова вызвали хохот у солдат.

- Ложись! - крикнул Урезов и изо всех сил кинул боевую гранату. Все упали за снежную бровку, а саженьях в двадцати громыхнуло, и в воздух поднялся снежный столб.

Среди десятерых метателей, отобранных в гренадерскую роту, оказался и Илья Лычагин, метнувший гранату почти на сорок сажень, дальше всех в первой роте.

После стрельб снова пошла муштровка на плацу, и Митька опять загрустил и подумывал, не махнуть ли ему снова в лес. Но, поразмыслив, решил, что уж коли бежать, так к лету и с ружьем. А ружей куда всем не было. И бил он яростно пятками утрамбованный снег на плацу до тошноты, не чая, когда это кончится.

Прошла еще неделя, и вдруг объявили о присяге и что после присяги всем солдатам дадут три дня отдыха и пустят гулять в город... Все не ноги бить!

Присягу принимали на Софийском дворе. У покрытого бархатом столика, на котором лежало Евангелие, стояли обер-офицеры во главе с подполковником Бухолцом, и отец Василий. Рядом знаменщики с распущенными знаменами и барабанщики с гобоистами, игравшими марши. Наконец барабаны и гобои смолкли. По команде солдаты подняли правую руку вверх и стали повторять вслед за майором Вельяминовым-Зерновым, державшим левую руку на Евангелии, слова присяги:

- " Я (гул разноишенья над Софийским двором) обещаюся всемогущим Богом служить Всепресветлейшему Нашему Царю Государю верно и послушно..."

Митька Резаной, повторяя олова за майором, успевал косить глазами и заметил, как дрожат руки у Першина, а в глазах его навернулись слезы. " Эх, дурня разбирает!"

- "... и земель Его врагов телом и кровию, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, в партиях, осадах и штурмах, и в прочих воинских случаях, какова оные звания ни есть, храброе и сильное чинить противление, и всяким образы оных повреждать потщусь..."

Неожиданно всю торжественность едва не сбילה невесть откуда взявшаяся собачонка. Она закрутилась возле стола, но поручик Трубников поддал ей носком сапога и та, взвизгнув, убежала.

Майор Вельяминов-Зернов возвысил голос, и начавший было опадать в разноголосье хор голосов вновь обрел слитность довершая присягу.

" ... От роты и знамя, где подлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне, никогда не отлучаться, но за оным, пока жив, непременно добровольно и верно так, как мне приятна честь моя и живот мой, следовать буду. И во всем так поступать, как честному, верному, послушному, храброму и неторопливому солдату надлежит. В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий . "

После этого каждая рота переставалась в шеренгу и солдаты по одному подходили к столу, целовали Евангелие и становились на прежнее место.

Когда прошли все, майор Вельяминов-Зернов зычно и протяжно крикнул:

- Слу-ушай!

Отступил на шаг, сдвинулся в сторону и пропустил вперед подполковника Бухолца. Тот обратился к присягнувшим:

- Солдаты! С сей минуты по присяге вы воистину солдаты! Солдаты его царского величества! Солдаты Отечества нашего! Отныне забудьте весь свой гражданский живот, родителей своих забудьте, ибо отныне ваш и отец и мать - командиры ваши. И поступать вам надлежит согласно принятой присяге и воинским артикулам.

Трудна солдатская служба, но ведайте, отныне я отец ваш, и нуждами вашими болею. Надлежит перво-наперво быть к походу готовыми, посему старайтесь в экзерциции, помните, больше труда положите тут, легче будет в чужих землях. Стойте друг за друга в бою, хоть бы до лишения живота своего, а за командира своего тем паче! А сейчас жалую вас сверх оклада по случаю присяги по пятиалтынному и разрешаю выпить во славу царя и отечества! Ура, солдаты!

Троекратное "ура" прокатилось над Софийским двором и с колокольни Софийского собора раздался веселый трезвон. Солдат отпустили. Одни тут же вошли в Софийский храм, где служил обедню владыка Иоанн, а другие, как Митька с Лычагиным и Першиным прямым ходом в ближнее кружало.

Заказали водки, осетрины, соленых грибков, капусты, телятины... И за разговорами не заметили, как на дворе стемнело.

- Че, братцы, пора нам, пожалуй, по своим каморам, - сказал Першин, покрасневшийся от питья и еды.

- Погоди, Петр, давай еще полуштоф приголубим, - сказал Митька. - Илья тоже непрочь, так?

- Можно, - благодушно протянул Лычагин, совершенно трезвый, хотя и выпито было немало.

- Токмо денег-то нету ведь! - сказал Першин.

- Взаимы поди нальет, - сказал Митька, подошел к целовальнику и попросил водки в долг. Но тот сказал, мол, кабы свои городские были, так дал бы, а вы-де народ служивый, сегодня здесь, завтра - там, а денежки пропали...

- Да ты что, вошь кабакая, - расвирипел Митька. - Наливай-не то худо будет!

- Что за шум? - сказал ларечный Степан, пришедший за водкой для своей "ассамблеи".

- Да вот, денег нет, а водки требует, - кивнул целовальник на Митьку.

- Им седни можно, присягу приняли! - сказал громко Степан. Оглядел присутствующих и, заметив известного силача казачьего сотника Семена Трофимова, усмехнулся и оказал:

- А вот служивые, коли кто из вас Семена Иваныча положит на руках, тому оплачу водку...

- Которого, его что ль, садись! - захохотился Митька, подходя к Трофимову.

Тот усмехнулся в бороду и поставил на стол, как воткнул, на локоть руку с огромным кулачищем. Посетители обступили стол, за которым уселись борцы.

- Постой-ка, Митрий, туто-ка моя работа! - взял под мышки Митьку Лычагин, снял со стула и поставил руку напротив руки Трофимова - локти на одной линии.

По команде ларечного Степана стали давить ладонью в ладонь, стараясь прижать руку противника к столу. Минут пять никто никого не мог одолеть. Городские подбадривали Трофимова, солдаты скучились за спиной Лычагина. Трудно, казалось ждаться чего-то верха. Но тут Лычагин побагровел, напрягся так, что лопнул по шву камзол на спине, и рука Трофимова медленно-медленно, но была припечатана к столу.

- Ну, брат, плати! - сказал довольный Митька Степану.

- Верх взят не по правилам, - недовольно сказал Степан, до этого уверенный, что платить ему не придется.

- Какие по правилам? - возмутился Илья.

- Солдат держался за стол левой рукой.

- Брешет! Не держался, - возмутился Илья.

- Держался! - упрямо сказал Степан и собрался уходить.

- Стой, сука, - схватил Митька за кафтан Степана и, развернув его, ударил по усам.

Сидевшие за столом казаки бросились к Митьке, но Лычагин опрокинул на их пути стол.

Послышался звон разбитого стекла, и началась свалка. Степан вырвался из рук Митьки и выбежал на

улицу. Увидев стоявший неподалеку солдатский караул с прапорщиком Никулиным закричал, что в кружале буйствуют пьяные солдаты.

И вместо двух дней отдыха Митька, Петр Першин и Илья Лычагин получили пять суток гауптвахты за учинение смуты, не подобающей солдату его царского величества. А Илья Лычагин к тому же не был взят в гренадеры и оставлен в своей первой роте и чинил с полмесяца профосные дела.

Глава 24

Слава Богу, свершилось! Дошел его, Алексея Нестерова голос до государя, не пропали труды его втуне, брани его с хитниками вельможными за государеву казну и честность его неподкупная замечены. Иной раз не верится: он стал обер-фискалом.

Не зря Господь надоумил его послать самому государю доношение в прошлом году. По доношению сему и замечен был. В нем он обличал разорителей страны, писал, что-де сам никого не боится и радеет лишь о пользе государевой, писал, что другие фискалы, "отбывая службы... живут сами, яко сущие тунеядцы", что-де обер-фискал Желябужский покрывает их, и хотя он, Нестеров, наложил на них штрафы за оное их нерадение, но обер-фискал отложил их, что-де в том их общая дворянская компания, и далее: "... я раб твой, меж ими замешался один с сыном моим, которого обучаю фискальству и за подьячего имею, во всякой от всех ненависти, яко овца посреде волков, истину вашему Величеству пишу, а не лжу".

А уж сколько он ненависти принял за бескорыстие свое, никто не ведает, кроме него самого. Пошел он в фискалы с первого дня, как фискальство учинено было именным указом от марта 5 дня 711 года. Еще при первом обер-фискале Якове Былинском службу нес, как и подобает, согласно клятве в присяге на верность государственной службе. Не люют простолюдины фискалов, обзывают "свисталами". Да что простолюдины, сенаторы, уважаемые Яков Долгорукий и Григорий Племянников, презирая, называли фискалов уличными судьями, антихристами и плутами. А местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский в Успенском соборе публично осуждал с амвона фискалов за неправый донос, говорил, что в том вольно им жить, надо-де, коли искал кто чьей головы, поклеп наложил, а не доказал, пусть положит свою голову.

Добро хоть защитник есть у фискалов - сам государь. За речь Яворский перед ним после долго оправдывался.

Верно государь делает, верно, что за неправый донос не карает и в вину фискалам не ставит. Ежели б карал, как вольготно жилось ыб вельможам, всем начальным людям: все друг друга покрывают и взятками откупаются. Яко ужи ускользают от следствия. Вон хоть и губернатора сибирского возьми! Извернулся при явной вине. Так что, за то ему, Нестерову, голову на плаху класть? Хотя и верно, что бывают от фискалов немало ложных доносов и клеветы, ибо невозможно ооо всем аккуратно ведать.

Да и слаб человек. Как он, Нестеров, бескорыстно служить зло вскрывать не всякий без жалованья может. А фискалу жалования не платят, лишь вину доказавшему, отдавалось ранее половина имущества и денег виновного. С прошлого году, хоть и убавили до трети, а все есть за что стараться.

Вот и раскидывают фискалы сети чаще в делах интересных - казнокрадство, мздоимство - того чаще стараются розыскать нетчиков - от службы отлынивающих, ибо у таковых все имущество отбирается.

Да беда, что только сети те весьма дырявые. Фискалы многие неприлежные, много в фискалы из купцов идут, дабы, податей в торговле не платить.

Обо всем известил он государя.

Коль и попадалась фискалам какая рыбешка, то все мелочи. Впрочем, и сам он еще крупной рыбы не лавливал. Теперь же, обер-фискалом будучи, грех за такой рыбкой не погоняться.

Глава 25

Дело о злоупотреблении табачной торговлей в Сибирской губернии купцами Евреиновыми и князем Гагариным слушалось в комиссии сенатора князя Якова Федоровича Долгорукого в присутствии подавшего доношение обер-фискала Нестерова.

Перед допросом Алексея Евреинова Гагарин встречался с графом Мусиным-Пушкиным, узнал, что ему в вину ставят, съездил в дом Якова Долгорукого, там открыл, что у обер-фискала улики против него нет и что на очный допрос, по словам Долгорукого, он может идти без опаски. Яков Федорович

пожаловался, что-де этот Лешка-фискал озлобел вконец, никому от него, пса, житья не стало, что он и на него, Долгорукого, писал донос в 13-м году. Будто он, Долгорукий, велел Рагузинскому купить клею 2000 пудов, кроме государства, для отпуску за море, и будто оттого учинилось государю убытков на 10000 рублей, будто ружья у Стрешнева по 1 рублю и по 20 алтын не принял, а принял за взятку по 2 рубля у Строгановых, чем доставил тому прибыли более 8000 рублей... А то будто не ведает, что ружья у Строгановых добрее. На сенатора князя Григория Ивановича Волконского и Опухтина подал донос, будто они подряжались под чужими именами под провиант, брали дорогую цену, что народу в тягость...

Государь тому верит и всех ворами почитает. Вице-губернатор петербургский Корсаков, верный слуга светлейшего, пытан и ныне под следствием...

Терпеливо выслушав жалобы старика, Матвей Петрович намекнул, что не обидит, коли сие пустяшное дело его завершится скоро и до государя не дойдет, ибо тут никакой неправды его губернаторской нет...

Допрос Евреинова с Гагариным был недолгим. Нестеров то и дело вскакивал и кричал, что вопросы даются нарочно для закрытия дела и поноровки воровству. Главным был вопрос, торговали ли Евреиновы беспощинно и получал ли за то Гагарин взятки. Гагарин сказал, что во всех городских таможенных книгах сборы пошлинные за торговлю записаны, и в том можно справиться у таможенных комендантов. Нестеров же кричал, что все таможенные коменданты - его, Гагарина, люди и плуты...

Но, сколько он ни кричал, Яков Федорович властно завершил дело, сказав, что-де коли все сборы записаны, то и дело вести не надлежит...

На дворе Нестеров неожиданно остановил Гагарина, собиравшегося садиться в крытый возок.

- Матвей Петрович, так записано ли о сборах?

- О том не единожды тебе говорено! Во всем на меня клевета! - презрительно глянул на него Гагарин.

- А коли проверят мои люди? - вкрадчиво продолжал приставать Нестеров. - Клевета ведь - что уголь, не обожжет, так замарает!

- Проверяй, проверяй!...

- погоди, погоди, Матвей Петрович. Ужель и сверх табеля сборов не берешь? Ведь такая земля великая под твоей рукою, а своя рука владыка! Хоть Иван Алексеич кое-что пожег, да ведь и много и осталось, а государь ныне, сам ведаешь, за воров взялся, поостеречься б надо...

- Вот и остерегайся!

- погоди, господин губернатор, и тебе, чаю, есть чего стеречься, все не без греха... Но коли в приязни друг к другу быть, то стережения и не надобно будет...

- Ну-ну, не юли! Сказывай дале!...

- Так, видя нашу бедность и нужду, коли б ты, Матвей Петрович, умиловился и давал бы мне треть от сверх табельных сборов по твоей губернии для себя, то не единая душа б не узнала о делах твоих... Я знаю, что на тебя клеветают.

- Ишь, куда вывел! - изумился Гагарин. - Нутро-то гнилое, вор! Не боишься, что Петру Алексеевичу донесу.

- Государь в честности моей и верности доподлинно известен! А неправда покуда в твоих делах видима есть... Думай, губернатор.

- Я думаю о пользе Отечества, а на твои поганые слова скажу: вора и бездельникам казенных денег не даю! А кончишь ты, чаю, живот свой в петле!

- Гляди, губернатор, как бы тебе так свой живот не кончить! Я от твоих неправых дел не отступлю и государю писать буду! - злобно крикнул Нестеров и, повернувшись, зашагал к своему возку.

За неприятными своими делами Матвей Петрович не забыл о Бухолце, хлопотал об амуниции и хлебе. Узнав, что в Военном приказе ждут фузеи немецкого доброго дела, он оставил своего верного человека Якова Матвеева, чтобы тот не упустил сей нужный для дела товар. А приехав в Санкт-Петербург, где, как передал прибывший оттуда племянник Богдан Гагарин, с ним хотел говорить о делах сиятельный князь Александр Данилович.

Перед отъездом пришел к нему Матвей Евреинов, приехавший из Тобольска жаловался, что Нестеров и к нему подступает, требует справки по таможенным сборам.

- Дело сие закрыто, - успокоил его Гагарин. - Надо будет, покажем ему книги.

- Книги многие, Матвей Петрович, я сжег. О чем велено было мне обер-комендантом Бибиковым, дабы не было из них о неуплате пошлин явлено.

- Не надо было жечь! Обер-комендант не в свое дело влез! Теперь обер-фискал кричать будет, что сожгли-де дабы скрыть неуплату... Ну да ладно, что в том нужды, дело сие закрыто. Торгуйте, как и прежде, и в том вам моя порука...

Успокаивал Матвей Петрович купчину, а у самого досада на обер-коменданта осталась. А как приехал в Санкт-Петербург, то и вовсе обеспокоился. Времена пришли, что и с былыми заслугами пред царем ухо держать надо востро. Вот и сиятельный князь встретил его в печали. Жаловался, что враги его хотят поссорить с царем вовсе. Несмотря на радение его, князя, в делах, государь к нему охладил и как бы не лишил Ингермоландского наместничества и губернаторства в Санкт-Петербурге. Сие покуда слухи, но на ближнее воскресенье назначена экзекуция помощника его, вице-губернатора Корсакова, сенаторов Волконского и Опухтина. И в том дела его главных врагов вице-губернатора Архангельска Курбатова, бывшего прибыльщика, чаевшего бездельными мерами казне прибавку добыть. Мы-де хоть и берем, жаловался светлейший, да дело делаем. Да вот он о деле и хотел поговорить. Государь велел ему, Меншикову, строить в Ревеле гавань.

Стали дамбу ставить, а место чертово! Сваи вобьешь в дно, они ж выскакивают будто пробки из пивной бочки, никакими силами не удержать. "А коли сваи не бить, из камней дамбу построить?" предложил Матвей Петрович, посмотрев чертеж. "Как из камней?" удивился Меншиков. - "Делать большие деревянные ящики, наполнить их камнями, топить и ставить друг на друга." - "А ведь верно, верно, - обрадовался Меншиков. - Спробуем! Спасибо, Матвей Петрович."

Экзекуция была на площади перед зданием Сената. Матвей Петрович не любил сии позорища, но не пойти нельзя, ибо го-оударь ведает, что он в городе, упаси Бог, навести его на черные мысли.

Когда секли кнутом вице-губернатора Санкт-Петербурга Корсакова, Петр презрительно кривил губы, изредка бросая острый взгляд на сиятельного князя. Меншиков опускал глаза, мол, ведаю, ведаю, не зря моего помощника разложили на козлах. А когда же стали жечь каленым до красна железом язык сенатору Волконскому, царь не выдержал подскочил к нему, стал кричать, обзывал вором, плутом и Иудой.

Тягостно на все это смотреть было Матвею Петровичу. Царю ли палаческие дела вершить...

Перед уходом с площади к нему подошел кабинет-секретарь Макаров.

- Государь был в беспокойстве, что вестей от подполковника Бухолца не имеет.

- Собираем, Алексей Васильевич, по весенней воде отправим, доложи Петру Алексеевичу.

Гагарин вспомнил о письме Бухолца и отдал его Макарову, попросив передать как царь будет в добром духе. Сам же поехал в Москву хлопотать о фузях и порохе для Бухолца.

Глава 26

Не зря-таки торопился Матвей Петрович до Пасхи поспеть в Москву, в самый раз приехал. Завтра и будет Светлое Воскресенье. Почти всю Страстную вышло в пути быть. Дорога стаивать уж пошла, хотя апрель только начался. А когда въехал возок на Тверскую, то полозья заскрежетали до зубовой боли по открывшейся булыжной мостовой.

Четырехэтажные каменные палаты его горделиво высились над домами вокруг, радуя глаз премногими украшениями, резными белокаменными наличниками и белокаменными ж висячими балкончиками у порталов, остроугольными башенками над кровлей... Немало трудов и казны положил он, дабы иметь в Москве подобные палаты, воистину украшением ставшие Царской улицы.

Едва стали у подъездных ворот со стрельчатым сводом, как подбежали лакеи, открыли дверцу возка, приняли соболью шубу. Выйдя, Матвей Петрович мельком глянул наверх и отметил с удовлетворением, что герб над воротами с его княжеской короной подновлен и надпись, запечатленная чуть ниже: "Боже во имя Твое спаси", ярко золотится на солнце.

Чуть поодаль от ворот заметил шестерку коней, запряженных в тяжелую карету сына Алексея. О том, что он вернулся из-за границы, жена, Евдокия Степановна, писала ему в Санкт-Петербург. Пока поднимался по парадной лестнице, ведущей прямо от подъездных ворот на верхний этаж, радость от предвкушаемой встречи с сыном много уменьшилась, вытеснилась досадою. А причина тому была - разговор во дворце Меншикова, где Петр Алексеевич попенял ему за сына, да вдобавок к сему получил он из Парижа от Бориса Куракина письмо, в котором оной пишет, что-де сын его, Алексей Матвеич, путешествуя по странам, так сорит деньгами, делая пышные приемы, что французы принимают его за некоего набоба, и намекал, как бы из-за того не случилось у него, Матвея Петровича, неприятностей, коли слухи о том дойдут до государя. Бестия! Поди сам и дал знать Петру Алексеевичу о том же ранее.

Однако при встрече сыну ту свою досаду не выказал, трижды поцеловал его и сноху. Евдокия Степановна, радостно глядя на ласковую встречу, держала правую руку за спиной, будто что прятала. Но едва муж направился к ней, она повела рукой, будто в танце, и из-за складчатого колокола платья выбежал трехлетний внук Матвейка (ублажил в свое время Алексей, назвав сына в честь него, деда, Матвеем) и закричал:

- Деда, деда, спагу привез?

Матвей Петрович подхватил внука на руки, расцеловал, подкинул несколько раз над головой и ласково сказал:

- Привез, привез тебе шпагу!.. Тебе, княжичу, без нее никак невозможно...

Он дал знак слуге, тот вышел и вскоре вернулся с детской шпажкой, по золоченому эфесу украшенной самоцветами. Сделал шпагу по его заказу мастер Пиленко, который изготовил Матвеем Петровичу и два столь полюбившихся ружья в серебряной оправе, что он повесил их у себя на стене в спальне. Мастера же он решил направить в Тобольск для улучшения ружейного дела.

Радости внука не было предела. Постукивая то и дело ножнами по паркету, он обежал вокруг висящего стеклянного озера, в котором плавали диковинные заморские рыбки, и замахал над головой клинком. Евдокия Степановна стала останавливать его, боясь, что внук расшибется, но Матвей Петрович велел не мешать. Пусть резвится.

После обеда Матвей Петрович сразу призвал сына в свою комнату и сурово сказал:

- О том, сколь весело тебе было за морем, я от тебя за столом, а более от других слышал... Теперь о делах перемолвимся.

Алексей все с тем же легкомысленным выражением лица, с каким пребывал во время обеда, спокойно с полуухмылкой возрился на отца и ждал, что скажет он далее.

Матвей Петрович подумал с сожалением, что сын удался не в него. Хоть ростом и вышел, а ум не тот, что все дела его ему не потянуть, как мечталось когда-то. А мечталось поднять его вровень с собой в государственных делах, да, видать, молодежь ноне поуже пошла. И, едва справившись с внезапно охватившими его досадой и раздражением, спросил: - Сколь от поездки за море денег при тебе осталось? Алексей вскинул густые черные брови, вытянул вперед полные губы и, наматывая на палец локон парика, сказал:

- Так почти вся казна издержалась, сущие пустяки остались. Несколько сотен, кажись...

Матвей Петрович привстал и с удивлением протянул:

- Несколько со-отен!.. Да от одних товаров, что тебе были дадены, прибытку надлежало быть не менее тридцати тысяч! Товар продал? Где деньги?..

- Товар продал... Деньги же издержались...

- На что же они издержались? Вроде ничего не купил... А кроме векселями и золотом сколько давал! Куда потратил?

- Да что вы, батюшка, разве я знаю, человек мой в тех делах сведом... На еду, на жилье тратились деньги... Да че их считать, поди не обедняешь...

- Я не обедняю! - вскипел Матвей Петрович. - Да вот токмо тебе пора б самому добывать себе денежки... Мне все не с неба падает! В дела мои вникать вовсе не хочешь! Зело способен в одном - деньги по-пустому швырять! А мне от самого государя за тебя ответ держать!

- Какой ответ? - насторожился сын.

- Такой! Столь скромно ты за морем жил, что слава о том чрез Европу и до государя дошла! Посему слушай! С сего дня деньги от меня будешь получать токмо за труды. Через неделю съезжаю я в Тоболеск, за эти дни должен ты отправить в Тоболеск две тысячи фузей новых немецкого дела и порохов пушечный. О том в Военной канцелярии ведают...

Поначалу Алексей скривился, потом вдруг гордо вскинулся и сказал:

- Сим делом заниматься не стану!

- Отчего ж не станешь? - вкрадчиво, как обычно бывало с ним перед приступом ярости, спросил Матвей Петрович.

- Оттого, что подобными делами мне, князю, заниматься не пристало!..

- Мне дак, значит, пристало! - закричал Матвей Петрович. - Чтoб сразу после Светлого Воскресенья сие дело принял!

- Не стану заниматься! - заупрямился Алексей.

- А не станешь, так от меня ничего не жди и из дому сего выгоню! - рассвирепел Матвей Петрович. - Дело же племянник Богдан исполнит...

- Ну и ладно, проживу у тестя... Петр Павлович копейки считать не будет, хошь и еврей, а ты, гляжу, ожидал все...

- Че?! Вон!.. - затопал ногами Матвей Петрович. - Наследства лишу!.. Яко блудный сын, будешь у меня в ногах ползать! Во-он!..

Вид отца был столь страшен, что Алексей пулей вылетел из комнаты.

Глава 27

За целый день едва ли полчаса на обед и удавалось выкроить подполковнику Бухолцу. Каждодневно с раннего утра на ногах. Утром же собирал в кабинете своем, в Палатах, офицеров, давал им указы на день и больше в кабинет не заживал. Голова кругом шла от забот. А дело двигалось не так, как хотелось бы. Уже давно Пасха минула, Иртыш, пожалуй, скоро вскрыется, а готовности к отправлению и в помине нету. Казалось, будто в тине увяз.

Не хватало офицеров. Из мужиков до сей поры солдат не сделали, едва ли две роты наберется по настоящему годных. Для убыстрения дела пришлось дать солдат на заготовку бревен, больше половины солдат фузей в глаза не выдвали. Упаси бог, встретить от неприятеля противность такому войску.

От коменданта Траурнихта вытребовал Иван Дмитриевич под армейские магазины лавки на гостином дворе и на базаре, куда свозили провиант: муку, овес, солонину, собирали лопаты, заступы, кирки, топоры - все, что потребно для похода.

А на все надобны деньги. Прежде чем хоть рубль от ландрихтера Чепелева получишь, все кишки вымотает, без подписи обер-коменданта ни копейки не выдаст. А Бибикова после отъезда Гагарина будто подменили. От дел по отправлению уклоняется столь явно, что Иван Дмитриевич не раз ему о том; говорил.

Два основных дела беспокоили подполковника Бухолца: отсутствие фузей и дощаников, на чем отправиться. Стараниями поручика Каландера до семи сот фузей в полки поступило, но уже сейчас поручик Трубников жаловался, что пружины курковые из простого укладу после десяти выстрелов делаются негодными. Но даже и таковых на всех нет.

А с дощаниками и вовсе плохо. Полдва десятка, пожалуй, и можно сделать к вешней воде. На иных уже паруса ставят. С два месяца тому дело на верфи умедлилось. А обер-комендант отговаривался нехваткой леса. Тесть Дорофей Афанасьевич успокаивал Бухолца, дескать, сделаем, успеется. Но, когда стало явно, что не успеется, Иван Дмитриевич послал на верфь своих солдат, знающих плотницкое дело, во главе с сержантом Урезовым.

Недели три тому сержант пришел к Бухолцу и сказал, что бревна, кои для строения дощаников предназначались, увозят на строение амбаров и новых палат для обер-коменданта и коменданта.

Вечером того же дня, дождавшись, когда жена поднимется к себе, Бухолц сердито спросил тестя:

- Дорофей Афанасьевич, ты хоть мне и тесть, но помешку в государевых делах я и от тебя не потерплю!

- Помилуй, Иван Дмитрич, какая помешка? В сем деле от меня первая помощь!

- Пошто лес для дощаников на свои амбары берешь? В сем я доподлинно известен!

- Да ведь амбары у меня вовсе худые, - начал было оправдываться Траурнихт, но Бухолц яростно перебил его:

- К черту амбары! Строй в другое время и за свои деньги! Или хочешь, чтоб я из-за вас на плаху пошел, не исполнив царский указ? Без того я тут задлился. Немедля свези лес на верфь!

- Отвезу, отвезу... Да я не по своей воле, то обер-комендант велел, - растерянно пробормотал Дорофей Афанасьевич, впервые увидевший зятя в такой ярости.

Бибиков же, когда пришел к нему Иван Дмитриевич, отпирался, говорил, что-де лес тот его людьми нарублен давно, оплачен из его казны. И что умедление в строении дощаников, в том ему, подполковнику, надлежит более старание иметь, мол, ему, обер-коменданту, от государя указа особого по походу не было, а указ был ему, Бухолцу, так ему ж о том и радеть.

Когда Иван Дмитриевич в сердцах пригрозил написать о умедлении и воровстве самому государю и послать доношение с особым курьером, обер-комендант поначалу стушевался, однако, тут же, вытаращив красные глаза, заговорил, дескать, пошли, пошли... А что, ежели по тому доношению да сам на виску попадешь, он-де сколь хошь свидетелей даст, что тот лес его и к верфи касательства не имеет,

да, чай, и коменданту Траурнихту, тестю его, подполковника, не поздоровится. Он ведь лес-то брал не меньше, аль сродственник, так покрывать?

Бухолц сказал, что Дорофей Афанасьевич лес возвращает, и что брал лес по его велению и ежели-де лес не вернешь, то быть доносу по третьему пункту, в том слово его, подполковника, последнее.

Запыхтел от злости Бибикив, но смолчал. И на другой день потянулись возы с тесом к верфи.

Иван Дмитриевич шагал от Софийского двора в глубоком раздумье. Сегодня уже двенадцатый день мая, а когда отплывать и на чем? Да и как без оружия?... Ни от государя на его письмо, ни от губернатора о фузях никаких вестей нет...

Возле дома Траурнихта его окликнул бывший обер-комендант Карпов, поздоровался и спросил:

- Когда отправляешься, подполковник? Бечевник уже подсох, самое время идти... Задлишься. Дак и до Ямышева к зиме не придешь!

- Сам ведаю, да не на чем плыть, - махнул рукой Бухолц. - Дощаников половина от потребного числа...

- Что ж обер-комендант? Обещал ведь сделать, меня убирая Бухолц ничего не отметил.

- Будь я комендантом, сыскал бы на чем отправить, - сказал Карпов.

- Присоветуй, Семен Прокопич, - встрепенулся Бухолц.

- Надобно взять все дощаники торговых людей на Тюмени, Верхотурье и в Таре, а коли оных не хватит, в придачу взять большие лодки в тех же городах...

- От спасибо за совет, Семен Прокопич, - обрадовался Бухолц. - Как я сам о том не подумал!

Это был воистину простой и дельный совет, и он с утра решил отправиться к обер-коменданту, чтобы тот дал от имени губернатора такой указ.

Глава 28

Среди ночи его разбудил гул набата. Били на колокольне Софийского собора, значит, стряслось что-то важное. В доме все проснулись. Денщик, прибежавший с улицы, сказал, что горит низовой посад. Следом подлетел на коне майор Вельяминов-Зернов. Вид у него был встревоженный.

- Иван Дмитрич, сильный огонь идет, как бы магазины наши, что у базара, не захватил... Полки поднял по тревоге.

Бухолц быстро оделся, вскочил на приготовленного денщиком коня, и они поехали к Софийскому двору. Перед спуском к базару Бухолц невольно привстал на стременах пораженный не виданным доселе зрелищем: весь низовой город был разделен огненной стеной, которая заметно двигалась в сторону Троицкого мыса, оставляя за собой полыхающие гигантскими, разной высоты кострами жилые дома, церкви и другие строения. Метались перед валом надвигающегося огня бессильными муравьями люди и бежали прочь к спасительной воде Иртыша или торопились вверх к кремлю. Иван Дмитриевич увидел, как вышел из-под рентереи с иконой владыка Иоанн и, творя молитву, прыскал водой в сторону пожара, прося у Господа милости и заступничества.

Они съехали под гору, подскакали к провиантским полковым магазинам. Бухолц заметил, как огненная стена подкатила к деревянной церкви, возвышавшейся над остальными постройками, ненадолго приостановилась, присела перед ней и через минуту взметнулась еще выше, поначалу вперемежку с черно-серым дымом, а затем - ослепительной огненной волной.

Мелькнул на фоне звездного неба огненно-косматый крест и тут же исчез в винтовом потоке огня.

А за движущейся стеной оставалось огневище, выбрасывающее к небу, будто при фейерверках, густые облака красных искр, из-за которых не было видно звезд.

Высокая полная луна, казалось, коробилась от близкого жара.

Они устремились к домам, где мелькали солдатские мундиры. Увидев их, подбежал поручик Трубников.

- Поручик, где караульные?

- Видно, гасят дома...

- Людей всех сюда! Спасать провиант и амуницию!.. Строения вокруг магазинов ломать... Строить цепь до реки и заливать магазины. Из магазинов, кои у домов и могут сгореть, провиант выносить на базарную площадь, доставить туда караульных!.. Где каптенармус?

- Иван Львович, - крикнул майору Бухолц. - Открой сию дверь, тут лопаты и топоры для походу.

Вельяминов-Зернов подбежал к двери и стал отдирать ломом засовы. Но они не поддавались.

- Дозвольте, господин майор, - взялся за лом Лычагин, бежавший с другими солдатами к реке, в цепь. Напрягшись, он вырвал засовы и открыл дверь.

- Вот ты где, Илья, я уж тебя потерял! - крикнул подскочивший к нему Першин. - Бежим к реке в цепь, поручик приказал!..

- Стойте, - остановил их майор. - Там людей хватит! Берите топоры, ломайте ближние заплоты, чтоб сюда от домов огонь не подошел.

А по цепи, организованной Бухолцем и Трубниковым в два ряда, уже передавали ведра с водой.

- Господин майор, - подбежал капитан Ступин, - магазины, что с правой стороны, не отстоять, выносить из них надобно все на другой край площади!...

- Черт! Зови солдат, что заплот рушат!...

- Сейчас и вторая рота подойдет... А Лычагин с Першиным и другие солдаты с красными лицами уже бежали обратно от наступающего огня.

- Палит, мочи нет, господин майор! - крикнул Першин.

- Открывайте двери, все выносить! - приказал Бухолц. Лычагин принялся срывать ломом засовы, но успел сорвать только с двух дверей. Прибежавший каптенармус Анцын открыл остальные двери ключами, и солдаты засновали с мешками муки, овса, крупы, с косяками полотна на паруса, мотками веревок, тюками фитилей для пушек...

Лавки же, взятые под магазины на другом конце базарной площади, огонь мог достать только со стороны строений, соприкасавшихся с ними. Сюда и протянулась цепь, по которой передавали ведра с водой.

Вынести из занявшихся лавок успели только половину всего, к великой досаде Бухолца - опять задержка в отправлении.

Огонь свирепствовал до утра и лишь почти у самого Троицкого мыса остановился. Магазины за площадью отстояли, и солдаты принялись чистить мундиры и жадно глотали колодезную воду.

Хоть стена огня и опала, но дома еще догорали, и по улицам можно было пройти не везде от душливого жара. Лишь после полудня погорельцы семьями подходили к пепелищам, тяжело вздыхали, а мальчишки выковыривали из-под головешек, еще дымящихся, слипшиеся комья олова и стекла - все, что осталось от посуды.

Бибиков застал Бухолца в канцелярии хмурым и озабоченными Покачал головой:

- Какая беда, Иван Дмитрич, какая беда! Ваш-от провиант, сказывают, цел?

- Есть и у нас убыток...

- Ай-яй-яй! У меня ж три амбара погорело и лес, что для твоих дощаников готовили, тоже ведь сгорел!

Бухолц удивленно вскинул брови, подумал: "Хитер, старая лиса!" и сказал:

- О дощаниках и пришел говорить, Иван Фомич... После сей беды, чаю, самим их не построить.

Надобно взять из других городов, готовыми... Дай о том указ.

- Ох, после, после, не до того ныне - замахал руками Бибиков.

- Когда после? Мое дело и без того ныне по твоей вине задлилось! - сдерживаясь, повысил голос Бухолц.

В это время вошли в кабинет дьяк Романов и подьячий Онучин.

- Посчитали? - спросил их Бибиков.

- Доподлинно узнать покуда, сколько домов погорело, невозможно, - сказал дьяк Романов, - однако сейчас известно, сгорело домов жилых более девяти сотен, около двух сотен лавок, десятка четыре амбаров, два кружала, четыре богадельни, да у татар и бухаретинцев двадцать пять юртов...

- Всего более тыщи и двух сотен разных обиталищ, - добавил Онучин.

- А все от непослушания! Эх, народ, народ! Давал ведь указ три недели тому, печи в домах не топить, верно, кто-то недоглядел... - сокрушался Бибиков.

И когда Бухолц вновь заговорил о дощаниках, отмахнулся: - Завтра, завтра, подполковник!

Но ни завтра, ни послезавтра указа не дал, и Бухолц принял, как благодать, известие о прибытии губернатора Гагарина.

Глава 29

Уже на другой по приезде день губернатор собрал совет первых людей города по походу и сразу огорошил Бухолца.

- Господа! - глядя на Бибикова и Траурнихта, сказал Гагарин. - Скорбя о несчастий нашем, мы не можем забывать о государевых делах. Посему наипервейшим делом, кое надлежит справиться, есть отправление полков в Еркеть. И после того будем радеть о городовом строении... Тебе, Иван Дмитриевич, надлежит отплыть через десять дней...

- Сие невозможно! - воскликнул Бухолц, вскакивая, и громыхнул, задев эфесом шпаги край стола.

- Подполковник, держи себя в узде, яко подобает обер-офицеру, - осадил его Гагарин. Рапортуй, что учинено без меня, и что ныне надобно сделать.

- Не мыслю, перво-наперво, каким образом идти к неприятелю без оружия. Фузей на половину людей только в наличии. А плыть на чем? Готовых всего 15 дощаников и десять лодок. Я говорил обер-коменданту взять из других городов, но он не изволил о том!

- Для чего, Иван Фомич?

- За многими делами, Матвей Петрович, недосуг было...

- Ладно! За дощаниками пошлю в города офицеров, и покуда оные прибудут, на готовые завтра же, Иван Дмитрич. начинай погрузку провианта, пушек и другой амуниции. Отплыть покуда до Ямышева можно и без полного числа фузей. Фузеи новые уже идут с Москвы числом две тысячи пятьсот. Также послан и порох пушечный пяти пудов. Чего еще надобно. Иван Дмитрич?

- Лошадей нет под драгун и к артиллерии.

- Лошадей лучше перенять в Таре. Семен Прокопич. - обратился он к Карпову, - получи шесть тысяч рублей у ландрихтера Чепелева и поезжай туда, ты там всех знаешь. Полковнику Немчинову и Чередовым скажи, чтоб чинили тебе в сем деле вспоможение. Да из Томска пусть еще пришлют... Дабы к прибытию Бухолца было куплено полдве тысячи лошадей...

- Сделаю, Матвей Петрович.

- Холста на парусы надо тысяч десять аршин, - продолжал Бухолц, - ибо часть погорела.

- Найдем, - сказал Гагарин.

- Фитилю надо пудов двадцать, в наличии же имеется лишь десять пудов. Ведомо мне, что у коменданта есть, да не выдано...

- Есть, Матвей Петрович, есть пудов семь, - сказал Бибилов, - оставлен на городовые нужды.

- Отдай все подполковнику!

- Провиант для походу не весь получен. Недостает муки пять тысяч четей, сухарей пятьсот четей, не хватает круп, толокна. вина, ветчины^^ади...

- Весь провиант получишь по отдельной ведомости, сколь надобно, в том нужды нет.

- Деньги для походу и на жалование не выданы вовсе.

- Иван Петрович, - обратился Гагарин к ландрихтеру Чепелеву, - выпиши согласно рангам деньги на жалование и определи комиссаров для походу и отправления с ними казны...

- Осмелюсь доложить, ваше сиятельство, денег в казне нет, токмо те деньги, что предназначены к даче в государеву казну по табелю с налогов и пошлинных сборов.

- Со всех ли городов взяты сборы?

- Со всех, Матвей Петрович, - вступил Бибилов, - да сверх того писал я в поморские города о присылке денег для сего походу, траты великие, а те деньги не получены...

- Выдать для походу из табельных денег, те, что придут из поморских городов, внести в оклад. Коли будут недоимки, о том напишем прошение в Сенат зачесть то на поход... Все у тебя, Иван Дмитрич?

- Надобны также полковая церковь походная и аптека.

- Церковь, чаю, владыка Иоанн приготовит? - посмотрел на митрополита Иоанна. Тот слегка кивнул головой и сказал: - Церковь полковая палатная готова, из камки и китайки сшита. И складки, и хоругви приготовлены... Отец Василий к службе готов. А я уж при отплытии воинства отслужу молебен.

- Вот и ладно! Аптеку же соберем!

- Господин губернатор, - дополнил поручик Каландер, - у многих солдат нет лядунок и сум, а також потребны для рудного опробования вески малые, сулема, бура и прочая мелочь...

- По мелочи подайте коменданту ведомость. Для пошива лядунок и сум, Иван Фомич, выдайте потребное число шкур и юфтей, и пусть сами солдаты, у кого нет, шьют, скорее выйдет... Все, господа, с богом!

Когда все разошлись, Иван Дмитриевич подошел к губернатору.

- Матвей Петрович, опасений имею немалое: людей бы добавить, ибо те, что есть, не обучены толком, не стреливали многие, еще бы человек пятьсот набрать... Когда полковник Парфеньев ходил на башкирцев, с ним было семь тысяч...

- Не могу добавить людей, Иван Дмитриевич, ибо казне траты и без того великие. Парфеньев против бунтовщиков шел, а ты, чаю, миром обойдешься, и о том я всеми силами стараться буду... А люди пооботрутся, да пока в Ямышеве будешь зимовать, успеешь обучить. Коли же, не приведи, Господи, противность учинится от калмыков или от казачьей орды, помощь пришлю немедля... Надо будет, и гарнизоны сниму...

- Офицеров мало, солдат обучать трудно. А шведы не идут, говорят, восемьдесят рублей годового жалования мало...

- От гарнизона дам два-три офицера, вот хоть поручика Княгинкина возьми, добрый офицер... Со швецкими офицерами сам поговорю, авось уладим, уговорим кого-нибудь. В этом они могут добрыми помощниками быть... Надо нам с тобой сие дело свершить, надо, ибо дело весьма нужное... С богом, Иван Дмитрич!

Глава 30

Как предполагал Бухолц, так оно и вышло. Покуда новые дощаники снаряжали парусами, а лодки смолили, покуда грузили на них провиант, пушки, ядра, бомбы и инструмент, уже и месяц май на исходе. Однако ни фузеи, ни дощаники для людей из других городов до сих пор не прибыли, и Иван Дмитриевич приказал, дабы солдаты не избаловались, муштровать их.

Приказал учить стрельбе плутонгами (хоть и вместо фузей палки в руках), составлять каре, потребное особо в чистых степных местах.

Однажды, посмотрев, как поручик Трубников безуспешно бился с недавними новобранцами, пытаясь построить их в батальон-де-каре, Бухолц махнул на все это рукой: век бы не видеть таких солдат, одна бестолочь! Упаси бог с конным неприятелем столкнуться, от сего войска только перья полетят!

Про себя Иван Дмитриевич решил, что без фузей далее Тары не пойдет, пусть губернатор хоть расшибется...

И государь, видно, о нем забыл. А уж случаи есть, что из бывших колодников солдаты бежали неведомо куда. Сначала двое, а после еще пятеро. Чтобы сию заразу пресечь, он повязал всех бывших колодников круговую порукою, коли один бежит в походе - пятерых аркебузировать... Думал, забыл государь, хоть и писал ему, а тут, как снег на голову, с особым курьером вручено ему было письмо от высококосятельного князя Василия Владимировича Долгорукого, любимца царя, грозы расхитителей казны, пред которым сами господа сенаторы очи долу клонят.

Письмо было коротким, а опечалило Ивана Дмитриевича без меры. Писал князь, что его царское величество о его, Бухолца, делах не ведает и требует немедля о том известить.

Господи, куда же его доношение подевалось, ужели не дошло? Представил, как государь гневается на него, и стало вовсе не по себе.

Поначалу хотел писать ответ немедля, однако поостыв, решил обождать - губернатор обещал, что вот-вот должны прийти фузеи и дощаники, и написать сразу об отплытии. Три дощаника из Тары уже пришли.

Однако прошла неделя, а фузеи не прибыли, да и дощаников и лодок не хватало по-прежнему. Человек пятьсот не на что посадить.

И Иван Дмитриевич начал писать письмо, решив отправить с ним копию своего январского письма.

"Доношу вашему пресветлому величеству: июня 1 дня получил я дубликат лейб-гвардии Преображенского от господина подполковника его сиятельства князя Долгорукова, в котором он пишет ко мне, что ваше величество о мне неизвестен по моем отправлении в Сибирь..."

И далее о том, что писал ему генваря 13 дня, а почему то письмо не явлено, он не сведом... Что хотя губернатор и велел ему отплыть весною, обер-комендант его задержал и до сих пор дощаников нет, и денег только на полгода отправляет, что пушек, ружей и прочих важных припасов недостает. О том писал, что когда он прибыл, из воинского припасу ничего не было: ни лядунок, ни портупеев, ни лопаток, ни заступов, что делать пришлось вновь, и он давал образцы. И хоть фузей и пороху до сей поры нет, от сего числа на две недели он до Ямышева отправится, дабы крепость сделать и дожидаться

провианту и ружья, ибо "без сего далее итти небезопасно, для того, что все пустые места..." Написал, что верного ведомца о песошном золоте он в Тобольске не нашел ни единого.

Окончив письмо государю, он написал краткое доношение князю Долгорукому, в котором извещал, что его дубликат получил и государю ответил июня 9 дня 1715 года. Запечатал письмо своим перстнем-печаткой и велел денщику позвать прапорщика Микулина.

Когда Микулин пришел, Бухолц пригласил его сесть за стол и сказал:

- Господин прапорщик, имея нехватку добрых офицеров, однако же принужден оторвать тебя для наиважнейшего и секретного поручения. Надлежит тебе сии письма отвезти в Санкт-Петербург. Одно его царскому величеству, другое его сиятельству князю Долгорукому Василию Владимировичу.

Найдешь их и вручишь лично в руки. Понял ли приказ?

- Точно так, ваше высокоблагородие.

- Понеже известие сие наиважнейшее для дела нашего, надлежит пакет вручить лично государю и никому кроме, ни даже господам сенаторам, ни губернатору Гагарину, никому! Коли государя в столице не будет, отправляйся с письмом туда, где он обретается, хотя бы в чужих странах. Деньги получишь в полковой казне. Как письмо отдашь, так ко мне возвращайся с ответом от государя, либо от господина кабинет-секретаря Алексея Васильевича... Ежели мы будем к тому времени в Ямышеве, приезжай туда. Есть ли за тобой в полку какие дела?

- Велено мне от господина майора по ведению губернатора получить у Знаменского монастыря триста четей сухарей, да сто ведер вина, однако эконому не выдал того для, что повеления владыки на то не было. Я ж сам к владыке сходить не успел...

- Ладно, завтра с владыкой Иоанном поговорю сам. Получим без тебя, ты ж, голубчик, поезжай немедля. Подорожную я тебе справил у коменданта... Помни, письмо только самому государю!

Пополудни следующего дня Иван Дмитриевич прямо с плаца направился к Знаменскому монастырю в надежде застать там митрополита Иоанна и решить дело с вином и сухарями.

Однако на монастырском дворе сказали, что владыка был тут лишь ранним утром, а после того уехал служить обедню в собор. Экономом же, коего Иван Дмитриевич разыскал в одном из амбаров, хмуро ответил на вопрос о провианте, что сухари готовы, а для вина нужны бочонки, ибо их бочки зело вел. И выдать провиант без указания отказался.

- Что ж ты утром у владыки дозволения не спросил? - раздраженно сказал Бухолц.

- За делами недосуг было, - потупился экономом.

- А мне, чаешь, вовсе делать неча, кроме как за тобой ходить! Садись немедля ко мне в повозку и поедем к владыке!..

Оставив лошадь с солдатом-возницей у Гостиного двора, Бухолц, с экономом прошли мимо Софийско-Успенского собора к архиерейское дому.

Слуга сказал, что владыка уединился для молитвы в своей келье.

- Давно ли? - спросил Бухолц.

- Тотчас после обедни. Как отслужил, простился с духовными лицами и ушел к себе. Скоро, пожалуй, и выждет...

- Ладно, обождем, - сказал Бухолц. Они с экономом прошли в гостиную и сели в мягкие кресла. Оглядевшись, Иван Дмитриевич спросил:

- Давно сей дом построен?

Польщенный вниманием, и как бы замаливая отказ, экономом почтительно ответил:

- Ариерейский дом устроен в бытность митрополитов Павла и Игнатия Римского-Корсакова.

Однако ж в 701 году июня 6 дня сеь дом сгорел... По прибытии же митрополита Филофея вновь отстроен в лучшем виде. Преосвященный подал о доходах и нуждах государю представление, и оной принял его милостиво, с 703 году позволял посылать архиерейскому дому собственный дощаник на Ямыш-озеро за солью и брать соли до тыщи пудов безо всякой платы. А на другом дощанике позволил плавать вниз по реке до Оби за рыбой. Кроме того, дозволено государем не присылать в Москву милостынные деньги, что берут с архиерейских домов и монастырей, а оставлять в Тобольске в пользу духовных школ...

Эконом пустился в длинные рассуждения о том, каких добрых архиереев посылают к ним, говорил о мудрости Филофея, восхвалял его деяния, о смирении говорил и чистоте Иоанна, о том, что сей владыка за все время ни к кому в гости не хаживал, токмо-де единожды, к губернатору князю Матвею Петровичу Гагарину зашел, а так все в служении, постах и молитвах ...

Бухолц уже почти и не слушал, а лишь изредка кивал головой. Наконец не выдержал, встал, взглянул на карманные часы, покачал головой и решил прервать уединение старца.

Велел слуге привести его к келье владыки. Слуга ответил, что уже скоро время вечерни, и придет звонарь просить благословения для начала благовеста, не соизволит ли господин офицер опоздать, дабы лишний раз не тревожить владыку. Смирив раздражение, Бухолц решил подождать. Звонарь и впрямь пришел через несколько минут. В нетерпении Иван Дмитриевич прошел с ним к двери комнаты-кельи, где молился владыка.

Звонарь постучал. Но за дверь было тихо.

- Владыко, - окликнул он старца, - благослови к благовесту!

Митрополит Иоанн не отозвался. "Уснул что ли?" - подумал Бухолц. Звонарь же с растерянным лицом пробормотал:

- Согрешил, видно, я, не желает владыко допустить до себя... Сбегаю за отцом Василием...

Оставшись один, Бухолц сам несколько раз позвал Иоанна. Но в ответ - молчание.

Вернулся звонарь с отцом Василием и экономом. Отец Василий несколько раз постучал и попросил благословения к благовесту и вечерне. Но старец молчал.

- Видеть, с тряслось что-то, - сказал Бухолц и приказал эконому, - бери мою повозку и поезжай, за губернатором!

Пока ожидали Гагарина, безрезультатно стучали.

Матвей Петрович, приехав, тоже постучал и позвал митро-полита. Не получив ответа, приказал:

- Ломайте!

Слуга засуетился, несколько раз торкнулся в дверь плечом и смущенно пробормотал:

- Крюк-от крепкий, за топором схожу...

Иван Дмитриевич отстранял его рукой и, отступив на шаг, смаху двинул дверь плечом. Раздался громкий треск сломанного крючка и он, едва устояв на ногах, влетел в келью. В сумраке увидел перед иконой Спаса митрополита Иоанна, стоявшего на коленях и склонившегося правым боком на лавку.

- Владыко, - окликнул он старца.

Но митрополит не обернулся. Иван Дмитриевич подошел к нему, потянул слегка за плечо и невольно отпрянул: седая голова владыки откинулась назад, безжизненно блеснули белки глаз.

"Помер!" - перекрестился Бухолц и сказал вошедшему князю Гагарину:

- Владыко преставился!

Старца положили на лавку, и отец Василия закрыл ему глаза.

Матвей Петрович, весьма огорченный, сокрушенно покачал головой и велел известить всех и кончине владыки и готовить погребение, подобающее чину. Тронул за локоть Бухолца, приглашая к выходу:

- Какое горе, какое горе, Иван Дмитрич! Досадно весьма, что не успел благословить поход твой... Посему пошли немедля сержанта в Тюмень, дабы он призвал сюда владыку Филофея, да да десяток солдат дай... Заодно оной сержант ускорит отправку дощаников из Тюмени да коли фузеи, пусть не медлит с отправлением сюда...

Перед самым отъездом сержанта Урезова в Тюмень прибыли от остяков казаки с ясаком и сказали, что видели схимонаха Феодра на пути к Нахрачевским юртам, что на Конде. Туда и велено было ехать сержанту Урезову с полутора десятком солдат, среди которых был и солдат Першин.

Глава 31

Ты обманул меня, белый шаман! - укорял князец Сатыга владыку Филофея. - Твой бог не вернул жизнь моим сыновьям. За это я возьму жизнь твою, и пусть твой бог за тебя заступится !..

На большой поляне, через которую пролегла дорога, перед самыми Нахрачевскими юртами Филофей был остановлен толпой, вооруженных остяков и вогуличей

За зиму вера в новокрещенных остяках пошатнулась, ибо вогулы убивали тех, кто крестился, снимали крестики, вешали их на свои шесты-тюры и погоняли ими оленей.

Сатыге же знакомый тобольский татарин сказывал, что схимонах Феодор будто бы у государя не в чести и коли его убить, то от государя будет награда.

Да шаман Палемха клялся Сатыге и ел землю, что видел, как ихние боги, когда Сатыга буйствовал в кумирне вылетели в

дверь лебедями, и если он, Палемх позовет их, то они простят народ князя Сатыги и вернуться и

будут помогать во всех делах. В знак того они дали Палемхе силу великую, ее Сатыга сам видел .

Умирала жена Сатыги, и он Палемха поднял ее. Долго тянул наружу болезнь - сосал грудь женщины, и, когда оторвал губы от соска, сплюнул на ладонь себе живого белого червяка. И жена поднялась, хворь ушла. Поверил опять в силу богов своих Сатыга и в силу шамана.

Вот он сейчас и скачет, звенит одеждой, тычет копьем в сторону врага рода своего, белого шамана.

- Напрасно ты, князь, разгневался, - успокаивает схимонах Феодор Сатыгу, - я обещал сыновьям жизнь вечную на небеси, а не на земле. Ты же за них не молишься, в душе держишь сомнение, где сомнение, там - грех. Грехи же Бог прощает тем, кто в него верит. Коли плохо тебе так оттого, что ты отпал от веры... По наущению злых людей отвернулся от Бога...

Сатыга опустил голову: правду говорит старик.

А Палемха завизжал, подпрыгивая с пеной у рта:

- Не слушайте его! Закройте уши!

Остяки и вогулы послушно заткнули уши пальцами.

- Убей его, Сатыга, убей! - кричал шаман, видя сомнение князя.

- Уйдемте, владыко, покуда не убьди нас, злы сегодня остяки, - зашептади слуги Феодора.

- Сие невозможно, ибо они утвердятся, что их боги сильнее... - спокойно ответил схимонах и шагнул навстречу враждебной толпе.

Палемха подскочил к одному из вогуличей, выхватил ружье и выстрелил в Феодора. Пуля не задела его, пробив рукав. Единственный солдат, бывший с владыкой, выбежал перед ним с фюзеей, но тот остановил его и крикнул в толпу:

- Ваши пули Господь отведет от меня и впредь, а ежели я прикажу мой солдат убьет тебя Сатыга и твоего шамана единым выстрелом!..

Палемха попятился, крикнул что-то стоявшим остякам и те натянули луки. Но Сатыга жестом остановил их и обратился к Феодору:

- Шаман Палемха излечил жену мою, можешь ли ты излечить кого-нибудь?

- Я могу токмо молить о здравии Бога, то в его воле...

- Иди за мной! - сказал Сатыга. Направился он к жилищам и у низенького сруба с одним оконцем приостановился, открыл дверь, пропустил Феодора вперед. В нос ударил тухлый едкий запах. В полумраке схимонах разглядел сидящую у очага остячку, которая кормила грудью лисенка. Это не удивило Феодора, он знал, что шкура вскормленных таким образом лисиц лучше и ценится дороже. На земляном полу коптились мальчик и девочка. С лежанки из колотых плах слышался надрывный скрипучий кашель.

- Заболел сын моей сестры, - сказал Сатыга. - Вылечишь его, поверю твоему богу...

Феодор подошел к лежанке приподнял оленью шкуру и увидел под ней больного мальчика лет десяти. Преосвященный перекрестился и зашептал:

- Владыко Вседержителю, Святый Царю, наказуяй и не умер-щвляяй, утверждаяй ниспадающия и возводяй низверженныя, телесныя скорби человекоев исправляям, прости ему вольное и невольное согрешение. Ей, Господи, врачевную Твою силу с небесе...

Прочитав молитву, осенил мальчика благословенным крестом и сказал Сатыге:

- Вели принести бочку с водой и камней речных...

Сатыга вышел, и вскоре все, что требовал Преосвященный, было исполнено. Феодор кинул камни в очаг, подбросил в него дров и велел, чтобы сделали над бочкой с водой подобие малой юрты. Когда и это было исполнено недоумевающими остяками, схимонах бросил несколько раскаленных голышей в бочонок, сомкнул шкуры так, чтобы пар не выходил, раздел мальчика и посадил его на полчаса рядом с бочкой, изредка подбрасывая в нее камни из огня.

Когда он укутывал мальчика в сухие шкуры, на улице послышался шум, и в дом вошел сержант Урезов. Вызвав на улицу Преосвященного, он поведал ему о кончине владыки Иоанна и о призвании его, Преосвященного, губернатором в Тобольск для погребения усопшего.

- Иностранцам о сей кончине не говори, - предупредил Преосвященный сержанта и сказал вышедшему из дома Сатыге:

- Я еду в Тобольск к губернатору. Царь прислал мне за труды мои дорогие подарки, кои надлежит мне получить... За малого молился я и Бог ему поможет, токмо делайте так, как я делал еще, покуда не поправится... И не давай людям своим молиться деревянным богам и строить кумирни, и снизойдет на вас Божия благодать... Я ж к вам скоро опять приеду...

Неисповедимы промыслы Господни в путях человеческих: думал ли он, бывший шесть лет тому при смерти, принявший от владыки Иоанна таинство елеосвящения и готовый перенестись душою в мир иной, что Божией волею суждено будет ему воспрянуть плотию и даже пережить некогда соборовавшего его. Уже второй день он в Тобольске и готовится к погребению владыки Иоанна.

Велика тайна смерти. Но страшить она может лишь нехристианина. Христианину же от рождения надлежит иметь пред очами смерть, помнить о ней и заботиться о том, как свершить исход души от плоти, дабы пройти мимо властей тьмы, имеющих встретить ее в воздушных мытарствах. А душа Иоанна миновала уже сии воздушные мытарства, коих всего двадцать пять, прошла сквозь легионы злых духов, обвинявших ее во всех грехах. Вид сих бесов ужасен, и, воистину, надобно быть безгрешным, дабы минуть каждое мытарство и не быть ввергнутым немедля в геенну.

Воистину страшен третий день для души усопшего, хотя и сопутствуют ей в мытарствах ангелы. Даже Матерь Божия молила Сына своего избавить душу Ее от ужасных бесов, и в ответ на Ее молитвы сам Господь Иисус Христос отнес душу Пречистой на небеса (о сем и сам владыка Иоанн писал в книге своей "Царица неба и земли").

Посему так потребна помощь в сей день душе усопшего. И помощь сия - молитвы, молитвы и молитвы... Их он и читал беспрерывно. Хоть и уверен, что душа владыки неуязвима для бесов, что пройдя воздушные мытарства, поклонилась она Богу и до девятого дня будет обозревать красоты рая. А спустя сорок дней назначено ей будет место, где пребывать в ожидании Судного Дня, в предвкушении вечной радости и блаженства.

Ему же, Филофею, надлежит лишь позаботиться о сорокоусте - ежедневном поминовении на литургии в сии сорок дней.

Он пробовал измыслить, где побывала душа усопшего в первые два дня, когда она может быть относительно свободной и посещать дорогие на земле места; места, где творила правду. И решил, что, пожалуй, там была, где и сам он хотел бы побывать: на родине, в Малороссии, в Киево-Печерской лавре... Возможно, побывала и в его Тюменском монастыре... Ведь прислал же всего за неделю до кончины своей благословенную грамоту на освящение в монастыре каменного храма...

Телу же Иоанна суждено покоиться в приделе Софийско-Успенского собора. Так решил он, Филофей, и губернатор Матвей Петрович Гагарин одобрил сие. По приезде они встретились в архиерейском доме, и Гагарин говорил, что надо-Де тебе, владыко, вновь принять Сибирскую епархию, ибо Других для подобного руководства он здесь не имеет...

Напомнил он губернатору о болезнях своих, но тот сказал, что напишет государю и в Синод о надобности митрополита-восприемника, а покуда, мол, веди все дела, тем паче оные все тебе известны. Просил известить все города сибирские о чудесной кончине митрополита Иоанна, а после погребения готовиться к благословению экспедиции Бухолца.

А в смерти владыки, воистину, был знак Божий, ибо июня 10 дня после литургии он в доме своем, прощаясь с близкими духовными лицами, говорил о близком разлучении и скором свидании. И была в его словах, как рассказывали, некая таинственность. Он прощался и просил молиться о себе.

И сам в молитве земной путь завершил. Сподобиться б и ему, Филофею, такой судьбе - в молитве перед Спасом умереть. Да не каждому дано...

Сам Филофей никогда не склонялся к изложению мыслей на бумаге, но, прочитав множество книг и поучений отцов церкви, пред книгой сей пребывал в некотором смущении. И ни ревности ради, ни зависти... Он воообще считал, что Бог выше умствования, а уж коли решился излагать свои мысли о Всевышнем, так делай сие в полном напряжении разума, согласуя с учением отцов церкви. Нет, конечно же, не было в сей книге ничего противного отцам церкви, а вот от слабостей он, Филофей, никак не мог отворотить взора своего.

В видении Бога яко высшей безначальной премудрости, любви и утешителя не узрел он слабостей. Слабость же была, по его разумению, в краткости изложения о Троице и истине. Сказав, что Троица суть единосущная и нераздельная, владыка Иоанн сим утверждением и ограничился, будто оробев. Не растолковал, каким же образом три ипостаси в единстве пребывают.

Ибо Истина есть единая сущность о трех ипостасях: Отец, Сын, Дух. Еще и Василий Великий писал: " Не удивляйся, если говоришь, что одно и то же и соединено и отдельно, и если представляем мысленно, как бы в гадании, некое новое и необычное разделение соединенное, и единение разделенное".

Как не согласиться, что всякий вникающий до точности и глубины таинства объемлет лишь весьма малое понятие о Боге и не может уяснить словом неизреченные глубины таинства: как одно и то же числимо и избегает счисления, и раздельно зримо и заключается в единице, и различаемо в ипостаси и неделимо в надлечащем. Все так...

Однако ж сказать надо было, как был исторгнут из церкви корень несториевой и ариевой ереси. Ибо и ныне ересиархи мутят народ, представляя Троицу, яко трех царей небесных, а сына Божия воплотившегося, кроме божественного существа... А без Троицы нет Истины, ибо истина есть зрение Бога самого себя через Сына в Духе Святом животворящем...

После разговора с князем Гагариным, попенявшем на обилие в Сирской епархии старообрядцев, в нем утвердилось зрешее давно решение: совместно с крещением инородцев изгонять и изживать главных носителей ереси - раскольщиков. Одно дело - иноверцы в темноте без Бога пребывающие, другое - свои, православные, упрямством ослепленные и изнутри подтачивающие церковь, а с ней государство.

Как увидел он, что на инородцев, им крещенных, едва ли не более православных в раскол впадает, то решил, что остатние дни отдаст все силы к искоренению заразы сей.

И то прискорбно, что многие священники впали с раскольщиками в стовор и называют оных воровски сынами духовными. При одной мысли об упрямцах душа наполнялась гневом и нудила к делу оным противному.

Уже измыслил такое: ловить раскольщиков и повелеть исповедывать тех верному священнику, который не укрывал бы раскольщиков, и и прежде нежели святых тайн их приобщить и допустить к причастию повелел бы ему, исповедуемому раскольщику, проклинать себя и всех раскольщиков таковым образом: "Проклинаю всех тех, которые святейшего патриарха Никона называют еретиком и неправославным, всех, кои не крестятся ныне тремя перстами, но крестятся двумя перстами, всех таковых, кои ныне говорят во псалмах "аллилуиа" по дважды, а не трижды, всех разных толков, кои ныне восточной и великороссийской церкви и ее пастырям не покоряются и учат не покоряться, якоже ануфриевщина, федосеевщина, дяконовщина, и кадельники и прочих толков поповщина и беспоповщина и все сродственники мои, и отец и мать, и жена и дочь, коли мудрствуют в тех толках, будут прокляты и анафема им. А коли проклинал я ложно, буду я проклят и анафеме предан..."

Страшнее такой клятвы что же еще можно придумать! Поможет ли - видно будет...

Надо поначалу хоть вокруг Тобольска гнезда сии зловредные повывести... Но все это после погребения, на которое ему пора уже идти.

Приведя чувства и мысли в подобающее состояние, митрополит Филофей начал облачаться в священные одежды, дабы проводить в последний путь своего сподвижника.

С великим почитанием тело покойного митрополита Иоанна было перенесено в Софийский собор для погребения в приделе святых Антония и Феодосия Печерских. В храме были все начальные люди тобольские, во главе с самим губернатором: коменданты, атаманы, обер-офицеры... Служил митрополит Филофей.

Негромкий голос его поднимался под купол храма и был слышен не только тем, кто стоял перед алтарем, но и людям, столпившимся у входа.

Филофей говорил о светлом жизненном пути покойного владыки, о его мудром уме, о книгах, написанных им по нравоучению, о том, что главный путь жизни его был в том, чтобы научить людей, как согласовать свою волю с волей Божией. А потом читал акафисты и кондаки, написанные в память об Иоанне.

"...Премудрый пастырю, светильниче Божий, осиявый страны сибирския, восхваляем тя любовно, ты же предстои невечерней славе царя небесного, моли от всяких бед сохрани нас поющим ти..."

Бухолц стоял рядом с губернатором, весьма скорбевшим о покойном, и хотя тоже жалел владыку, но то и дело ловил себя на том, что не слышит слов кондаков и икосов: захватывали думы о делах, столь несносно идущих...

"Все твое сердце отдал еси во исполнение евангельской правды, ты же многая совершил еси, боголюбивый отче, в краткое время служения твоего в Тобольске. Тайно благотворя и узники посещая во имя Иисуса Христа, Ему же всех призываем дети аллилуйя!..."

С последними словами хор из сосланных черкас - детище

филофея - воспел:

Радуйся, уснувший плотию на земли,

Радуйся, живой душею на небеси...

Наконец-то пришли фузеи, палаши и порох. В Тюмени их перегрузили на дощаники, которые тоже предназначались для Бухолца. На душе Ивана Дмитриевича полегчало, да и солдаты повеселели.

- С ружьем-то оно куда спокойнее, - говорил Лычагин Першину, вынув из нагалища фузею и примыкая к стволу штык, - теперь и песошное золото можно поискать...

- Как бы нам это золото боком не вышло, - проворчал Митька, точа свой палаш.

- Ниче, с Божьей помощью управимся, - весело сказал Першин, - скорее б отвал делали наши командиры. Надоело уж ноги-то отбивать зря. В пути оно веселее.

Решено было отплывать после дня святых Первовеликих апостолов Петра и Павла.

В последних сборах к отправлению и сей праздничный день подступил неприметно. Накануне солдаты чистили мундиры, оружие, смазывали сапоги и к полудню июня 29 дня под барабанный бой и музыку гобоев, с распущенными знаменами выстроились поротно перед Софийским собором в присутствии губернатора Гагарина. Из храма вышел владыка Филофей в сверкающей разнокаменьем митре, в золотистой фелони с благословенным крестом в руке и продолжил торжественный молебен, начатый в храме:

- Господи, Боже сил, Боже спасения нашего, суди обидящия и побори борющия ны и обрати нечестивое дерзновение их в страх и бегство, православному же воинству нашему, на Тя уповающему, подаждь во мнозем дерзновение и мужество погнати и посягнути их и от имени Твоем победити...

Читая молитву, Филофей шел вдоль строя и обрызгивал святой водой вставших на колени солдат и осенял их крестом.

-... Ты бо еси и заступление, и победа, и спасение уповающим на Тя и Тебе славу возсылаем и Отцу, и Сыну, и Святому Духу ныне и присно и вовеки веков. Аминь!

После взял из рук дьякона квадратное полотнище с вышитым золотым двуглавым орлом и сказал:

- Вои российские! Благословляю вас на брань и вручаю вам сие знамя. Да поможет вам Бог в делах ваших ратных и охранит вас десницей своею от врагов наших. Да не забудется труд ваш ратный в укреплении земель российских...

Бухолц подошел к нему, опустил на колено, поцеловал край знамени и взял его в руки. Митрополит Филофей осенял его благословенным крестом. Иван Дмитриевич встал и сказал:

- Благодарствуем, владыко, святую церковь за благословение в делах наших и обещаем исполнить их согласно воинской присяге государю и Всевышнему!

- Да будет ветер вам попутный, да не опалит вас зной полуденный, да хранит вас Господь!

Черные просмоленные борта тридцати трех дощаников и двадцати семи больших двенадцативесельных лодок, растянувшись вдоль берега Иртыша, тускло поблескивали в лучах утреннего солнца. Иные груженные дощаники с распущенными хлопающими на ветру парусами стояли на свободной воде на якорях, а лодки в большинстве своем удерживались клячом - камнем на конце каната, брошенным на дно вместо якоря.

Все прощальные слова были сказаны, несмотря на ранний час и будний день - четверток, - людей на берегу собралось множество. Стайками носилась по берегу ребятня от одного дощаника к другому. То и дело слышались возгласы:

- Гля, на этом мортир!..

- Сам ты мортир, сие пушка чугунная шестифунтовая...

Иван Дмитриевич стоял с женой и комендантом Траурнихтом рядом с митрополитом Филофеем, который окроплял суда святой водою со словами: - Благословляю суда сии окроплением воды сея священныя во благополучное шествие и в победу на враги христоробивому воинству во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Ожидали прибытия губернатора, и Бухолц досадовал, что чинится задержка, ибо как раз дул попутный ветер, и можно было идти на парусах. Офицеры стояли рядом и ждали команды к отправлению. Солдаты уже все были на судах.

Из-за нехватки офицеров начальными людьми на иных судах пришлось ставить не только сержантов, но и солдат.

Наконец подъехала карета губернатора. Бухолц приказал офицерам немедля идти по местам и, простясь с женой, подошел к Гагарину.

- Ну, подполковник, все готово?..
- Погрузились, ваше сиятельство.
- Так с богом, Иван Дмитрич. Коли что, шли курьеров. Лошадей на Таре бери добрых, лучше переплатить. Полковник Немчинов о тебе сведом, и лошади к приходу вашему должны быть собраны...
- Аптека так и не получена....
- Пришлем, пришлем... До Ямышева дойдешь, извести меня... Ну, дорогой, ступай, ступай!
Добрый знак - ветер нордовый...

Иван Дмитриевич взошел на дощаник, дал знак, и раздался холодный пушечный выстрел - сигнал к отправлению.

Ударили по воде весла лодок, подняты якоря дощаников, и суда медленно двинулись против течения. Владыка Филофей, осеняя отплывающих крестом, шептал:

- Господи, Иисусе Христе, Боже наш» смиренно молим Тя, призри милостиво на суда сии ратные и всесильною Твоею десницею, небесным Своим благословением благослови, пристави им ангела блага всесильныя Твоей крепости, избави от зельных ветров и даждь им силу, и крепость, и мужество, и побед на враги креста Твоего, и на вся супостаты...

Глава 34

Из дневника поручика Каландера

30 июня 1715

Сегодня отплыли с Божией помощью из Тобольска и весь день шли парусами. Сии строки пишу на своем дощанике поздно ночью. Солдаты на берегу отужинали и спят. Утром опять двинемся вперед. Подполковник приказал идти и ночью, однако попутный ветер после полуночи упал, и решили стать до утра.

Дорога обещает быть трудной, но сие не пугает меня. Одно лишь омрачает сердце - разлука с Настенькой. Она со слезами говорила, что любит меня и будет ждать. А когда прощались, дала мне талисман, маленький кожаный мешочек со своими локоном волос и о бумажкой, на которой я с трудом разобрал заговор для охранения меня от пуль. Просила читать его перед боем.

В народе русском меня всегда удивляет эта смесь идолопоклонства и христианства. Противоречивые сии веры странным образом в нем уживаются. Умиляясь добротой моей возлюбленной, с трудом разбирая слова, я полностью переписал этот заговор. Вот он:" В высоком терему, в понизовском, за рекою Иртышом, стоит красная девица, стоит покрашается, добрым людям похвалается. Во правой руке пули свинцовые, во левой медные, а в ногах каменные. Ты, красная девица, отбери ружья иноземные, всяких языков и супостатов, заколоти ты своею силою невидимую ружья вражия. Будут ли стрелять из ружья или из лука, чтоб пошли нули и стрелы в землю, а была б моя одежда крепче панциря. Замыкаю свои приговорные словеса замком, а ключ кидаю в Окиан-море. И как морю не высыхать, ключей не достать, так меня пулям и стрелам не убивать, до моего живота, по конец света."

4 июля

Прошли Селинские юрты и два дня шли пустыми местами.

Именование селений говорит мне солдат Першин, который не единожды ходил до Ямыш-озера за солью. Пришли в Каурданский острожек.

8 июля

Прошли Тебендинский острожек. Шли бечевой. Весьма часты излуки о крутым берегом по одну сторону и пологим напротив. Солдаты без труда ловят на провиант рыбу: нельму, осетра, белорыбицу.

13 июля

Прошли Тавдинский острожек, Куларовские юрты. Шли бечевой и парусами.

19 июля

Тепкашские юрты. Был сильный ветер норд-ост, посему дожидались лодки, кои весьма отстали.

24 июля

Прошли Сеитовы юрты, погост дворян Чередовых и ввечеру были в городе Таре.

Встречали начальные люди о комендантом Глебовским и казачьим полковником Немчиновым. Было множество людей любопытствующих. Тара - второй или третий город Сибири. Имеет пять деревянных церквей, одна из них Успенская соборная. Есть деревянный кремль, в коем воеводские палаты и уездная канцелярия. Крепостные стены города весьма крепки и новы, ибо после пожара в 709 году выстроены вновь. На стенах есть и пушки. Некоторые самые дерзкие киргизцы изредка доходят и сюда. Однако на город нападать не дерзают.

Глава 35

По прибытии в Тару Бухолца пригласил на постой в свои хоромы казачий полковник Немчинов.

Ивану Дмитриевичу пришлось как-то сразу по нраву хозяин, и уже в первый вечер после ужина в горнице Ивана Гавриловича Немчинова, где были и комендант Глебовский, и дворяне тарские Иван и Василий Чередовы, он проговорил с новыми знакомыми до поздней ночи о полуденных местах, о калмыках, о казачьей орде...

Много полезного узнал, Иван Дмитриевич в этот вечер. В разговоре спросил, можно ли ожидать противность им по пути. - Мои казаки на днях вернулись с-под Ямышева, - сказал Немчинов, - До того места вам идти можно без опаски, разве казачья орда налетит, но большого числа их ныне там нет. Так вот, за Ямышевым, казаки говорят, кочуют калмыки с тысяч десять. Вот о том опасение держи. Над ними начальный Черен-Дондук, двоюродный брат контайши Ердени Журюкту... Русских всех за врагов почитает и контайшу к войне с ними подбивает...

- О золоте сведем ли кто из казаков? - спросил Бухолц.

- Не ведаю, спрашивать надо...

- Так сколько, Иван Гаврилович, лошадей приготовил?

- Тысяча и четыре сотни готовы, да со дня на день еще двести томской присылки ждем... Лошади добрые, с виду неказистые, а устали не знают. И корм себе сами с-под снега могут добывать!

- Сколько за них плачено?

- По три с полтиной за лошадь.

- Дорого весьма... За всех более пяти тысяч рублей.

- Так ведь кони добрые, многие у казаков взяты, дешевле не отдадут. А в то малое время, когда мне о том писали, найти потребное число негде было...

- Ладно, бог с ним! Карпов заплатил?

- Заплатил, заплатил... Доброе дело сделаешь, Иван Дмитриевич, коли у Ямыш-озера крепость поставишь. От озера, почитай, вся Сибирь солью пользуется, а сколь народу сгинуло из-за соли сей! Году такого нет ни единого, чтоб не было убийств казаков наших, солеников от казачьей орды, теленгутов и калмыков... И в полон уводят немалое число людей. Да и барабинские татары вон пришли опять и жалуются, обороны просят: набежали киргизцы, юрты пожгли, мужей убили, женок в полон увели....

Крепость зело нужна. Ныне ведь Чернолуцкая слобода на полдень крайняя из русских поселений. Ладно бы еще крепости две до Ямышева поставить, для пущей безопасности, к примеру, в устье Оми да у Железинки...

- О том же старик Ремезов говорил, - согласно кивнул Бухолц.

- Семен Ульянович? Добрый старец, искусный муж, знаю... Я те тридцать служилых татар дам для посылок, да и путь им, сведом не только до Ямышева, но иные и до речки Или доведут, а оттель и до Еркетья будто недалече.

- Вот за то спасибо! Баньку бы моим солдатам устроить, •покуда стоим. Бог весть, когда еще помоются...

-Это можно. Завтра скажу, на нижнем посаде в домах стоим... Проснулся Иван Дмитриевич от свиста и услышал, как молчавший все время, пока он был в доме, восьмилетний сын полковника Немчинова Федька заговорил:

- Тятя, м-м-м-ожно п -п-п...

- Беги, беги. ..Опять Степка что ль? - остановил его отец, не в силах смотреть, как тот, силясь произнести слово, поворачивает голову, хватая губами воздух. Сын кивнул головой и выбежал на двор.

- Пошто сильно заикается?

- Испугался в 709 году... Пожар сильный у нас был... К бабкам водил, и колдун нашеньский Ефтин пользовал -ничего не помогает... Не знаю, что и делать, одна надежда на Бога... Катерина, подай еще питья, - крикнул Немчинов, когда они сели завтракать.

- Хватит, хватит, - остановил Бухолц Немчинова, - засиживаться некогда, делов на день немало...

После еды Иван Дмитриевич прошел к пристани возле устья Аркарки, проверил караулы у дощаников с провиантом и пороховой казной, осмотрел лодки, приткнутые носами в берег. Велел майору Вельяминову- Зернову назначить офицеров для произведения рундов ночных и отправился с капитаном Ступиным, под начало которого становились драгуны смотреть лошадей. И остался доволен ими: добрых лошадей собрал подполковник Немчинов. Только седел и наполовину не хватало... Тут же стали лошадей раздавать по "шквадронам" драгунам. И те, кому не хватило седел, принялись ладить деревянные стремена, искать войлочные попоны или просто рогожи с холстиной...

От конного двора пошел с толмачем Богданом Берниковым к брату его, тарскому дворянину Борису, дабы расспросить о пути до Еркеть-городка, о песошном золоте...

Борис Берников, предупрежденный братом, ждал гостей. В горнице был накрыт стол со всевозможной снедью и в новых шандалах новые свечи.

Выпив кружку медовухи, Иван Дмитриевич сразу заговорил о деле.

- В Еркети я бывал, - сказал Борис Берников путь туда ведаю, пошел бы с вами, ежели б имел товару для торгу. К тому ж болезнями зело отягчен ныне. ..Поясница отнялась вовсе... Да и ведомца до Еркетья можно из татар сыскать, что со мной хаживали... Иван Гаврилыч о таковых ведает и для тебя сыщет.

- Как долог путь до Еркетья? - спросил Бухолц.

- От Ямышева на полдень, пожалуй, ходу недель двенадцать будет. Однако не ведаю, как таким войском туда пройти можно.

Сам посуди: коли дойдешь ты до Караталу-реки, и далее, где кочевья Черен-Дундуковы, то на пути станут снежные горы, и надобно идти песками и меж каменьев шельми великими, телегами там не пройти никак, и пушки не протащить. Да и караулы контайшины на тех каменных тропах стоят...

- О главном скажи, - после некоторого раздумья попросил Бухолц, есть ли там золото?

- От Еркецких жителей слышал, что промышляют золото бухарцы контайшины выше Еркетья, где впадает в Дарью-реку река Чикма...

- Далеко ли от Еркетья сия река?

- Конной езды дней десять...

- А ближе к Еркети промышляют ли?

- Бухарский хан Алим-Бек сказывал, что на иных речках под Еркетью золото промышляют по весне, ловят муть попонами и коврами песок речной смывают, а золото остается...

Поблагодарив хозяина за угощение, Иван Дмитриевич пошел в дом Немчинова. На душе было тягостно. Ясно было, ежели от калмыков учинится противность, то до Еркети ему не дойти, дай Бог живота не лишиться.

Надобно немедля писать о том государю. Скорей бы прапорщик Микулин вернулся... Ежели не государю, то Макарову, верно, обо всем описать следует. А ныне, хошь не хошь, до Ямышева идти придется, а там видно будет... И золото это чертово есть ли?... Как доброго молодца послали: поди туда - не знаю куда, принеси то - не знаю что...

Глава 36

Из дневника поручика Каландера:

4 августа 1715

В Таре стояли неделю, и августа второго дня отплыли попутным ветром. А ныне стоит страшный полуденный зной. На высоких берегах трава выгорела, земля потрескалась, и лишь на лугах, кои по весне затопляются вешней водой, травы зеленые. Там драгуны пасут своих коней.

Пришли в деревню Логиновскую, тут и погост.

9 августа

За прошлые дни проехали деревню Нюхаловку, кумыцкие юрты, деревню Решетниково и сегодня ввечеру пришли в Такмыцкую слободу и стали на ночлег.

12 августа

Прошли Артыновские юрты, деревню Епанчинскую и деревню Шипицину. Идем бечевой и веслами весьма трудно. В Такмыцкой слободе подполковник взял у меня доброго каптенармуса Андрея Анцыпа и отправил с письмом. Когда он печатал перстнем своим письмо, я любопытствовал, что за птица изображена на перстне. Он ответил, что птица - водяной бык, иначе - бухало, отчего и произошла фамилия их дворянского рода.

Глава 37

"Государь помногу ко мне милостивый Алексей Васильевич! Всяких благ Вам, моему Государю, всечасный желатель доношу Вам, моему Государю, о себе и моих несносных делах..." - написал Бухолц и задумался. Сколько можно было откладывать отплытие из Тары, ожидая возвращения прапорщика Микулина? По всем статьям пора бы ему вернуться. Но в Таре не дождался и просил полковника Немчинова, ежели курьер прибудет в Тару, дать ему провожатого и велеть догонять его. Но прошла неделя, и Иван Дмитриевич решил писать о себе кабинет-секретарю Макарову отсюда, из Такмыцкой слободы. Ночевал он в избе конного казака и с утра засел за письмо.

Написал в который уж раз о своих трудностях и отсутствии амуниции и дощаников в Тобольске, о том, что солдаты экзерциции не знают, о том, какого числа отправился из Тобольска. "А к Таре прибыл в июле 24 дня и у Тары дождался таких же новых драгун неученых, которые в слободах набраны. и от Тары, Государь, отправился. А всего со мною войска всякого чина людей две тысячи семь сот девяносто пять человек. А прибыв, Государь, к Ямышеву, и зделав крепость, как возможно, нынешнею осенью пойду далее против указу, хотя и поздно..."

Вошла хозяйка и пригласила отведать парного молока и гречневой каши. Иван Дмитриевич прервался. Когда еще молока попьешь! Позавтракав, вновь сел за письмо. Пожаловался, что идти пустотою больше половины пути "чрез жилище контайши". что войска у того с тысяч шестьдесят, да и казачья орда от его пути близко, просил о милости и снисхождении к себе. И с тайной надеждой - а вдруг! - далее: "А как, Государь, отправлен я в Сибирь, оттого числа истинно не имею себе свободного часа и всегда в несносной своей суете, и ежели то Вам, моему Батку возможно, чтоб я мог чрез ваше милостивое предстательство какую себе свободу получить, то должен до веку моего Бога молить о вашем здравии. А ежели того невозможно, то хотя б царское величество указал войск прибавить. А ежели малолюдством мне в такую далность иттить, то опасен, что бесславие Его Величеству не учинить. Понеже, Государь, у меня люди новые и офицеров самое малое число..."

А в конце о главном, что писал о себе его величеству "и послал прапорщика Микулина, и никакого себе указу по се число не получил и не помалу опасен Его Величества гневу..."

Окончив письмо, Иван Дмитриевич приказал денщику позвать каптенармуса Андрея Анцына, которого приметил, как дела и приказы исправно исполняющего, и вручил ему письмо.

Глава 38

В первых днях сентября князь Матвей Петрович Гагарин получил из Правительствующего Сената указ подать из Сибирской канцелярии ведение по приложенной к сему указу копии письма подполковника Бухолца. Тут же была приложена и копия государева указа в Сенат из Ревеля от 6 августа: "Господа Сенат! Писал нам из Тобольска подполковник Бухолц, что отправление его из Тобольска до указанного места зело было медленно, и чего он требовал, в то число многова ему не дано (что сами усмотрите из присланной при сем с письма ево копии), и для того, что ему надобно, то велите без задержания отправлять. Петр".

Не трудно отвечать государю по делам исполненным. Подьячий Онучин едва успевает записывать за губернатором, диктующим с копией письма Бухолца в руках: "...и на то подполковничье письмо вашему сиятельству доношу..." и далее по пунктам сенаторам на каждую жалобу ответ.

Подполковник, подполковник, не утерпел, скрытник, не утерпел-таки, несколько дней обождал бы, и все разрешилось...

"А что оружие пишет, до его царского величества, что фузеи плохи, и к нему послано с Москвы две тысячи фузей одного калибра немецкого доброго дела да две тысячи палашных клинков..."

Хотя с него, губернатора, спрос, да зачем все на себя брать, он же в Москве был, без него собирались во многом, и о том написать надобно... Да все, что попросит, - давать невозможно, тут его осадить не мешает...

"А что пишет он до царского величества, чтоб прислать его Государев указ, чтоб по письмам его обер-комендант Бибиков отправлял все. И есть ли соизволит его царское величество писать о том Бибикову, чтоб все отправлять по его письмам, и оттого будет великая трата казне его императорского величества, и являца от него великие запросы..."

А вот и главное, что сомнение у государя вызвать может. Эх, подполковник - золота нет, и идти не за чем. Губернатор же, выходит, посему доносил о золоте государю ложно!

"А что пишет он до Его Царского Величества, что ведение ему не дано о руде золотой, где ея промышленяют, и ему указ дан от Его Царского Величества, что итти ему до Эркецкого городка, о котором городке сказывал и в допросе бухарцы. эркецкие жители, что под тем городком бухарцы и калмыки добывают золото песошное, которое и явлено его царскому Величеству... Уведал и от хивинского посланца. Того ради он. подполковник, и послан имянно под Эркецкий городок, в указе ему о том написано имянно".

Так вот без перерыва на трех листах и надиктовал ответ Матвей Петрович и скрепил своей подписью.

Едва на этот указ ответил, а тут новый из Сената же: велено составить табель о тратах по походу Бухолцеву, ибо явлены великие недоплаты из Сибирской канцелярии. И по тому, что при том ни одного сенатора письма приватного не было послано, ни от Мусина-Пушкина, ни от Якова Федоровича Долгорукого, догадался Матвей Петрович, что неспроста сие. Усомнились, господа сенат! А может, помогает кто усомниться. поди, ковыряет опять обер-фискал Нестеров.

Почувствовал: отпиской в этом деле не отделаешься. Вызвал ландрихтера Чепелева и велел ему приготовить табель о расходах из Сибирской казны, да чтоб включил все оплаты, за каждую подкову, за каждый гвоздь... Матвей Петрович не сомневался, что расходы на отправление Бухолца покроют всю недостачу. Потому успокоился и занялся делами. А дел-то было невпроворот.

Надо и товары для каравана в Китай с купцом Гусятниковым готовить, и о городовом строении думать, что от пожара пострадало, и посланцев контайшиных довести до Бухолца Посланцы задержались для разговора с губернатором, говоря, для чего столько войска идет в их земли с пушками. Матвей Петрович их до отправления Бухолца за занятостью не принимал, а после принял и успокоил, что войско идет не для войны, и дал посланцам письмо контайше с мирными уверениями и уговорил догонять Бухолца и идти с ним. Посланцы уехали, но едва миновали Чернолуцкую слободу, как напали на них люди из казачьей орды и отобрали лошадей и все богатые подарки, коими одарил их Гагарин.

Получив об этом известие, Матвей Петрович послал полковника Толбузина с полусотней солдат проводить посланцев до Ямышева и еще раз напомнить, что царь желает с контайшой жить в мире и что отряд Бухолца послан для поиска руд.

Страдной на дела выдалась для Матвея Петровича первая сентябрьская неделя. Все бы ничего - не привыкать, но тут приехал из Санкт-Петербурга человек его, Яков Матвеев, самый верный слуга его, и привез такую новость, от которой поначалу похолодел, потом пришел в бешенство.

В Санкт-Петербурге в дом его, Гагарина, пришел Алексей Васильевич Макаров и рассказал, что на имя государя подано письмо от обер-коменданта Бибикова, в котором поначалу писалось о сборах на отправление Бухолца, а в конце, как бы между прочим, сообщалось, что губернатор Гагарин кричал-де подполковнику Бухолцу: "Я тут тебе государь!" Макаров сказал, что то письмо он государю не подал и послал Якова Матвеева в Тобольск к Гагарину, чтоб он узнал, не ведомы ли те слова в Преображенском приказе или обер-фискалу Нестерову.

Выслушав рассказ Якова Матвеева, поехал в палаты и вбежал в кабинет обер-коменданта Бибикова.

- Оставьте нас наедине с обер-комендантом! - дрожа от нетерпения и ярости, крикнул он дяку Романову и подьячему Онучину. Онучин, собирая бумаги, замешкался, и Гагарин заорал: - Оглох? Подьячий выскочил за дверь.

Матвей Петрович подбежал к обер-коменданту, сидевшему в кресле, схватил его за грудки и процедил сквозь зубы:

- Что-о, Иван Фомич, уж не на мое ли место примерился? Царя на меня натравить хошь, харя жирная?..

- Матвей Петрович! Помилуй, ни в чем не виноват!

- Не виноват! А кто государю доносил, будто я себя царем в Сибири почитаю, не ты ли? - потрянул его Гагарин так, что слетел парик.

Бибиков побледнел и залепетал:

- Прости, Матвей Петрович, оплошно то вышло, безо всякого умыслу...

- А я вот сейчас оплошно проткну тебя! - выхватил Гагарин шпагу и хлестнул ею по столу.

Бибиков вскочил и отбежал от губернатора. - Запорю, сука! Вздерну на дыбу! Говори, куды еще о том писал?

- Истинный бог, Матвей Петрович, никому о том более не писано... И в оном письме оплошно написал, хотя указать государю, что подполковник Бухолц сверх меры до нас домогается. Смилуйся, ваше сиятельство...

- В Преображенский приказ, обер-фискалу не писал?

- Не писал, не писал! Истинный бог, - перекрестился Бибиков.

- Гляди, проверю! Коли что, не токмо обер-комендантом тебе не быть... Зашлю в такое место, будто в яму провалишься, сам ведаешь, губерния моя велика!.. - сказал Гагарин и вышел, хлопнув дверью.

Бибиков без сил опустился в кресло. Велел подать карету и, как был без парика, поехал домой. Таким губернатора видеть ему не доводилось. Рано, рано помнилось ему, видать, что губернатора отодвинуть возможно. А ведь казалось, добавь чуть, и повалится Гагарин. Обер-фискал Нестеров был весьма доволен письмом его первым, о чем говорил Лариону Семенову, когда тот привез ему письмо. Но до конца ущучить губернатора Сибири и обер-фискал не смог.

И Бибиков осмелился послать письмо самому государю с коварной приписочкой. Отвозил то письмо все тот же Ларион Семенов. Надо будет вызвать его из Нарыма, куда с его, Бибикова, помощью он ныне определен судьей, и обо всем допросить, кому он письмо вручил и как о том узнал губернатор. Но дома Бибиков вдруг почувствовал, что ноги почти не держат его, а левая рука начала неметь с кончиков пальцев, и скоро он не чуял ее по локоть сердце сильно заколотилось, и он в страхе закричал, осев на кровать.

-Мавра,пошли за лекарем!

Жена испуганно убежала и скоро вернулась.

- Иван Фомич, что с тобой?

Но он уже не мог и пошевелиться, сердце трепетало, как тряпица на ветру. Открылась рвота. Жена бестолково заметалась по комнате, скликая слуг... Мелькнуло в уме, что он что-то должен сделать, но что, как ни силился, не мог вспомнить. Свет вдруг разом исчез в его глазах, будто упала перед ним черная заслонка, и он, захрипев, повалился на пол.

Глава 39

Из дневника поручика Каландера:

18 августа 1715

Прошли деревни Нагибине, Красноярскую и ночевали в Чернолуцкой слободе. Я стоял у чернолуцкого попа отца Василия. Он держится старой веры, однако же литургию совершает по новым книгам. Спросил его, знает ли о его раскольничестве владыка. Ответил: ведал покойный Иоанн, однако за нежеланием никого до сего места ехать и неимением иных священников, сюда его послал. Да и житье, говорит, небезопасное.

Перед отправлением из Чернолуцкой слободы подполковник приказал зарядить пушки, опасаясь казачьей орды.

20 августа

Ехали пустыми местами до устья реки Ом.и. Сие место именуется калмыцкий перевоз, ибо калмыки на лошадях через Иртыш тут переправляются.

29 августа

Проехали речку Железинку. Тут явились на правом берегу две барабинские татарки, бежавшие от казачьей орды. Перевезли их через Иртыш, дали хлеба и отпустили.

9 сентября

Проехали урочище 12 перегребав. Оные для того так именуются, что с судами с берега на берег переезжать приходится, понеже из-за лесу бечевою идти невозможно. Мы ж на дощаниках прошли парусами.

За Железинкой выехала на драгу некий разъезд малая казачья орда человек пятьдесят и погналась за драгунами. Однако, увидев наши суда и много всадников, тут же ретировалась.

14 сентября

Прошли речку Алачу и Изменной Яр. Сказывают, что в давних годах пленные поляки посланы были к Ямышеву за солью на дощаниках. Выбралась с дощаников на оный яр и ушли. Того ради он именуется Изменной.

17 сентября

Прошли урочище Казенный Яр. Нарекли сие место так потому, что в 713 году стоял с караваном тобольский дворянин Василий Турской и казнил здесь конного казака Ивана Драчку за заповедную лисицу. Мне непонятно, как можно убить человека за лисицу.

20 сентября

Прошли урочища Скородумов Яр и Коряков Яр. Встретили русских с солью от Ямышева.

1 октября

Пришли в устье речки Преснухи, где стоит малый форпост. В сем форпосте ныне десятка три казаков и добытчиков соли, именуемых солениками. От сего места в пяти верстах Ямыш-озеро. Смотрели с подполковником место подле устья. Есть малое число мелкого леса, вдоль речки кусты, вверх по течению малое пресное озеро, из которого речка Преснуха вытекает.

Подполковник приказал мне ставить крепость на правом, более высоком берегу речки Преснухи. Принялся готовить чертеж.

Сегодня православный праздник Покрова, солдатам после молебна подле палаточной церкви выдано по чарке вина и объявлено, что в сем месте будем зимовать и надобно строить здесь крепость и жилище.

Глава 40

На другой по приезде день подполковник Бухолц отправился с полуротой к Ямыш-озеру.

С версту ехали вдоль Преснухи, заросшей по берегам тальником, а далее по степной дороге, набитой телегами, которая привела прямо к озеру, где уже работали добытчики соли.

На берегу стояли шалаши, над кострищами висели прокопчен-ные котелки, грузились солью телеги, к коим по мосткам, уходящим на столбах далеко от берега над водой, везли наполненные солью тачки. В воде стояли в броднях люди и откалывали ломами соль, будто от льдины. Куски соли, сложенные в кучу, жирно лоснялись и поблескивали на солнце.

Увидев военных, соленики сгрудились, с любопытством поглядывая на солдат.

- Откуда? - спросил Бухолц ближнего бородача с белым налетом соли на одежде и красными изъеденными руками

- Тарские мы, я казак Федор Лоскутов, - приветливо заговорил бородач. - О вас премного слышаны...

- А вы тут с каких пор?

- Как раз с самого Успения Ботородицы берем соль-от, - ответил Лоскутов. - Через неделю уж домой отправимся.

- Ну и какова соль?

- Хороша, чиста... Ивольте сами взглянуть, - сказал Лоскутов рукой в сторону озера. - Можно на коне прямо по соли ехать...

Иван Дмитриевич тронул поводья, и жеребец осторожно ступил с мягкой зеленоватой полоски земли коваными копытами на твердую соляную гладь под розовой водой. Вода поначалу даже не скрывала копыта. Дно было такое пологое, что я в двадцати пяти сажнях вода не доставала до щетки у коня.

- Много ли соли садится? - спросил Лоскутова солдат Лычагин, ополоснувший руки в воде и с

удивлением увидевший как руки, едва вода высохла, стали сплошь белыми.

- Полтора-два вершка за год садится. А где не берут, так можно сыскать и в четверть я в поларшина толщиной...

- Калмыки не бывают тут?

- Как не бывают... Приезжают, чаще торг ведут, а иной раз балуют! С вами, однако, будем без опаски... С неделю тому теленгуты калмыцкие налетели, отбились слава Богу. Однако одного нашего поранили... Нонче травы-то летом тут повыгорели, дак больше не приходят.

- А ныне где калмыки обретаются, не слыхали? - спросил подъехавший Бухолц

- Не ведаем.

- Иван Львович, - обратился Бухолц к майору Вельяминову-Зернову, - чаю, и нам надобно соли добыть в прибавок к тому что есть. Пошли каптенармуса с солдатами...

На обратном пути, завернув на пресное озеро, возвратился к месту высадки, где его уже поджидал поручик Каландер с чертежом крепости на листе бумаги.

- Иван Дмитрич, понеже лесу для строения мало, надлежит ставить в виде половины шестиугольника, обращенного в степь, и насыпав валы стен так, чтобы фланги оных в Иртыш упирались. Перед валом сделать ров и поставить рогатки...

- Пушки где поставишь?

- Покуда отены строим, сделать надобно артиллерийский двор, обнести острогом, вот тут, на углу, - ткнул пальцем в листок Каландер, -возле стены, дабы при случае и в степь стрелять можно было. Землянки и жилые дома ставить в низком месте подле крепости, драгун подле устья на другом берегу, ибо там луг добрый, загон для лошадей можно устроить. Недалеко от артиллерийского двора можно поставить амбары для хранения провианту ...

- Пороховую казну покуда, поручик, - сказал Бухолц, -держать надобно поодаль на Иртыше, дабы не учинилось от неосторожного огня какая напасть, после в крепости погреб выроем... Сегодня размечай и начинай стены ставить.

Глава 41

Нелегка солдатская доля. Едва как избавились от тяжкого водного пути, пришлось лямку-то потянуть по бечевнику, ибо не везде конем можно дощаники было тянуть... И вот вышли на берег, и тут опять впрягайся. Только ров выкопать да вал полуторасаженный насыпать - лопатой-то намашешься. А тут уже две недели прошло и конца не видно...

Оттого и обрадовались Першин и Митька Резаной, когда их под началом солдата Лычагина послали на Преснуху рубить тальник. Все полегче...

- На кой тал-от понадобился? - спросил Митька Першина.

- Землянки утеплять, сделаем навроде плетня вместо стены и, глядишь, перезимуем...

- Без ума голова - лукошко, - усмехнулся Митька.

- Че? - спросил Першин.

- Че? - передразнил Митька. - Лучше б дощаники разобрать да сделать как следует...

- Умной больно! Итак половина дощаников уже разобрана на крепость, на чем весной-то дальше пойдешь?

- Меня чой-то дальше не тянет, - упал Митька на срубленные ветки и потянулся. - Слыхали? Из второй роты опять десять человек убегли. Может, и мне куда податься...

- Митька, ты такие разговоры брось! - сердито сказал Лычагин. - Я те убежать не дам. Куда бежать-то? Здесь тихо, кормят сытно, одевают тепло...

- В болоте тихо, да жить в нем лихо! Чует мое сердце, добром сие дело не кончится.

- Ладно каркать, - рассердился Лычагин. - Руби давай. Брехать, не цепом махать.

Когда нагрузили на телегу воз тальника, Лычагин повез их к строящимся землянкам, а Митька с Першиным остались рубить.

- Петр, не хошь со мной? - спросил Митька.

- Ты что, взаправду решил дернуть отседова?

- Берегись бед, пока их нет. Пока не в колодках, че не погулять!

- Куды бежать-то ? Не обдумавши и птичка не полетит!

- Чудак-человек! Ведомо мне, что указ царский есть, дабы с гулящих людей в сибирских городах деньги брать и принимать их на вольное жительство. Вот получим деньги и айда в любой город... Что нас удержит? Воля!..

- А присяга?

- Кто же нас сыщет, платье солдатское сменим в первой деревне...

- До деревни ишо дойти надо, скоро снег пойдет, куда на зиму-то глядя бежать, околеешь где-нито в сей степи. Ишь, земля-то будто стол, глазу зацепиться негде... Воля - это, конечно, доброе дело, однако живот дороже. Не пойду я с тобой и тебе не советую: сгниешь... Да и не по закону то, товарищей оставлять в деле...

- Не по закону!.. Закон, что дышло, куда хочешь, туда и воротишь! - сердито отмахнулся Митька.

- Я не о том говорю, но о совести.

- Нашел, че искать, у козы крылья... Человек - волк! Забудешь о сем - сожрут! В том лишь твоя правда, что на зиму, пожалуй, не след уходить. Здесь харч и вправду добрый, да и деньги, хоть и малые, но дают. До весны, верно, обожду... Гляди, только забудь, о чем мы говорили... Вон еще один благоверный едет, - кивнул Митька в сторону подъезжающего на телеге Лычагина.

- Грузите скорей, обедать пора, - сказал Лычагин, разворачиваясь.

- Че за еда седня, Илья?

- Ветчина с гречневой кашей...

- Опять гречка, - поморщился Митька, - а вина дадут?

- Гречневая каша - матушка наша, хлебец ржаной - отец наш родной, ешь, Митька, радуйся, покуда есть! Ай в бедности* лучше кармливали?.. А вино, сам знаешь, дают по праздникам.

- А ты, Илья, подкатил бы к нашему каптенармусу, с устатку хорошо б принять.

- Не даст, токмо по приказу офицера.

- Ежели умно просить, то и даст...

- Вот и проси сам, ежели горит!

- Ну и спрошу, спрошу!..

Догрузив воз, они направились к крепости по свеженабитой дороге. Возле дороги сразу за рогатками, охватившими почти двухверстовой дугой крепость и все постройки и упиравшимися в берег Иртыша, достраивалась караульная изба. Чуть поодаль почти готовыми стояли два амбара, куда были перенесены с дощаников съестные припасы: мука, крупа, солонина и вино..

Рогатки и надолбы были установлены еще не везде как положено: в иных местах лишь поперечные бревна отделяли от степи... Но с каждым днем эти бревна ошетинились рогаточными железными копиями, заостренными кольями, вкопанными надолбами...

Артиллерийский двор, где командовал поручик Каландер, укрыт почти весь палисадом, из бойниц выглядывали жерла пушек.

Сбросив у строящихся землянок груз, солдаты пошли к полковой кухне. Всего неделю, как построена была наподобие поварни, и обеды готовили тут, до этого варили на кострах. Получив кашу, устроились на бревнышках и заработали деревянными ложками.

- Так что, Илья, не добудешь винца-то?

- Дак где добудешь? Да и нельзя...

- Нельзя, нельзя!.. С вами, гляжу, каши не сварить... Придется самому добывать, - сердито сказал Митька, выскребая на землю остатки каши. - Всухую горло дерет!..

Через час после тапты, когда уже совсем стемнело, в избушку подполковника Бухолца пришел дежурный по крепости и доложил, что прибыл посланный им в Санкт-Петербург прапорщик Микулин, который просит его принять.

- Зови немедля! - обрадованно сказал Бухолц. Войдя, прапорщик Микулин приветствовал подполковника, скинул пропыленный кафтан и сел по приглашению за небольшой стол.

Иван Дмитриевич велел денщику подать вина.

- С благополучным прибытием тебя, прапорщик! - поднял стакан Бухолц.

- Благодарствую, господин подполковник! - выпил прапорщик Микулин вино и, пряча улыбку в усы, спросил:

- Нешто, господин подполковник, вина в избытке, что солдаты пьяные бродят за рогатками?

- Кто пьяный?

- Подъезжал я сейчас к крепости, слышу, кто-то песни поет. Приблизились - пьяный солдат, а с ним полведра вина.

- Кто таков? - сердито вскинул брови Бухолц. - Где он?

- Не ведаю кто - лыка не вяжет. Сдал его сержанту, чтоб на обахту посадил.

- Ладно, утром разберем... А сейчас сказывай, когда вручил мои письма государю? Дан ли ответ?

- Письма вручил в первых днях августа, и ответ государь писал в Сенат. О том сведом от губернатора Гагарина. Он велел сказать, что из Сената ведение о твоём письме получил...

- Пошто долгое время задерживался?

- Не своей волею... Покуда прогонные ждал, тут распутица стала, на иных дворах неделями сидел... Да губернатор задержал: хотел со мной отправить швецких офицеров тебе в помощь, но те умедлились... Губернатор велел на словах передать, что жалованье и провиант собирает, скоро пришлет...

- Ладно, прапорщик, отдыхай, завтра договорим... После ревелии и завтрака все роты были построены и перед ними вывели Митьку без шапки и портупей.

- Солдаты! - громко сказал Бухолц. - Вы зрите перед собой нарушителя воинской присяги солдата Дмитрия Резанова. Потеряв стыд и воинскую честь, сей солдат, аки крот, тайком подкопался под амбар и, учинив воровство вина, упился до полного свинства! Надлежало бы согласно воинского положения сего солдата аркебузировать аль отсечь руку, но, милосердствуя и имея нужду в солдатах, на первый раз приказываю Дмитрия Резанова в назидание другим и пресечения соблазнов высечь перед строем, дав ему двадцать пять ударов кнутом!

Кто же умыслит после того подобное учинить, будет без пощады аркебузирован, в том вам мое слово!

Да, кроме того, по-прежнему из крепости бегут люди. Ежели кто будет пойман, также пощады тому беглецу и предателю не будет!

По знаку Бухолца Митьку привязали к козлам, и на его голую спину упали первые удары.

Глава 42

Покуда ландрихтер Чепелев готовил для Сената табель о расходах на отправление Бухолца, князь Гагарин подписал и отправил в Сенат доношение, в котором доводилось, что деньги, определенные для отсылки в Военную канцелярию на содержание полков, потрачены по запросам немалым подполковника Бухолца и посему "всяких денежных зборов всего полного числа во определенные места отпустить невозможно, и чтоб за то противу Указу великого Государя от вашего сиятельства не было за то взыскано на нас."

Отправив доношение, он знал, что не отпишется сей бумагой, коли обер-фискал копает, и было весьма кстати отыскать полуденное золото, которое покроет все недоплаты и расходы на экспедицию Бухолца. Поэтому он ждал с нетерпением вестей от подполковника.

После Чернолуцкой слободы, откуда прислан от него курьер, известий долго никаких не было. И лишь в конце октября прислал подполковник ведение, в котором говорил, что прибыл к Ямыш-озеру и начал строить крепость. Писал также, что нуждается весьма в офицерах, напоминал о походной аптеке и просил прибавить солдат.

Гагарин в ответ написал, что жалованье и аптеку пришлет с особыми комиссарами и чтоб крепость ставили бы основательно, и уходя оставили б в ней гарнизон, для гарнизону он людей пришлет, а в остальном надлежит действовать согласно указу и с калмыками стараться решить дело миром.

Сам же понимал: прав подполковник, ежели противность будет от калмыков, худо ему придется, людей мало и все необстрелянные, и насчет офицеров прав... Да где ж их взять? Разве что из пленных шведов... Пойдут ли?... Он вызвал к себе капитана Симса и спросил его:

- Господин капитан, не желаешь ли со своими друзьями офицерами быть в походе за песошным золотом в помощь подполковнику Бухолцу?

Капитан улыбнулся л уклончиво ответил:

- Мы ведь в плену... Не опасаясь, что убежим?

- Поручик Каландер тоже из пленных «однако ж под его началом вся артиллерия... У подполковника нужда в офицерах... Я ж тебе милость оказывал не единожды и в сей раз обращаясь, говорю, что не обижу, жалование положу большое...

- Сколько ?
- Для сего дела мало, ибо лучше в плену живот сохранить, нежели риску быть подверженным за такие малые деньги... - Мало? - рассердился Гагарин. - Сколь же ты хочешь?
- Восемьдесят за месяц.
- За месяц? - вскрикнул Гагарин и забегал по кабинету. - У меня подполковник сто рублей имеет, майор сорок шесть! Кладу тебе и тем, кто пойдет оклад, яко российским офицерам: тебе тридцать шесть рублей, поручикам - двадцать шесть... Согласен?
После некоторого раздумья Симе ответил:
- Согласен... Коли после похода, домой нас отпустишь!..
- То не в моей воле; - замахал руками Гагарин. - А государя просить буду - в том мое слово. Только сам посуди, покуда война идет, возможно ли сие? Хотя пока ходите, может, и война кончится, ибо знаю, что государь давно о мире помышляет... Кто еще может пойти?
- Поручик Дебиш пойдет, корнет Эннес, штык-юнкер Ренот... Буду говорить с ними.
- Вот и ладно... Подполковник ныне строит крепость у Ямыш-озера, готовься идти к нему с новонабранными солдатами и денежной казной...
Вошел комендант Траурнихт. После смерти Бибикова забот у него поприбавилось.
- Вот, кстати, Дорофей Афанасьевич! Надобно набрать еще человек пятьсот в помощь Бухолцу рекрут да из казаков, положив им оклад вдвое по десять рублей, чтоб шли лучше и чтоб через месяц можно б было отправить до Ямышева. С ними же пошли казну денежную с особыми комиссарами и караван товаров для торговли с калмыками. Людей поведет капитан Бекишев и капитан Симс.
- Слушаюсь, ваше сиятельство.
Когда капитан Симс вышел, Траурнихт сказал:
- Матвей Петрович, из Вятки пишут, что хлеб, надлежащий для отправки за море, готов, только отправить не на чем.
- Покуда хлеб тот за море не отправляй, ибо может понадобится для людей Бухолца.
- Не отправить ля купчину Гусятникова с Симсом в Китай через контайшины земли? Путь много короче будет...
- Нет, нет, нельзя покуда. Неведомо еще, чем поход Бухолца окончится, да и контайшаа с императором китайским не в ладах, не пропустит караван, лучше не озлоблять его... Где сейчас Гусятников?
- На гостином дворе, поди...
Гагарин нашел Гусятникова и сказал ему:
- Придешь сегодня ко мне ввечеру, дам тебе деньги, купишь на них алмазные перстни, наилучшие, какие будут... Перстни сии для государыни Екатерины Алексеевны, вот и рассуди, каковы они должны быть!
- Сделаем, ваше сиятельство, в лучшем виде, ибо премного вам, нашему благодетелю, обязаны, - поклонился ему Гусятников.

Глава 43

Уже через месяц тобольской жизни Марья Дорофеевна так затосковала о дочках, что душа ее двоилась: днем хотелось немедля уехать из Сибири, а вечером, когда возвращался муж, одним желанием было, чтоб он как можно дольше не отправлялся в свой поход. Но еще через месяц жизни в отцовском доме все мысли были только о детях, и она в нетерпении ждала, когда же, наконец, экспедиция соберется. Правда, чтобы не обидеть мужа, желание уехать скрывала от него.

Однако он сам, по всему, догадался и однажды неожиданно сказал:

- Дашенька, сборы мои затянулись, чаю, надо тебе отправляться в Москву...

Она обрадованно было встрепенулась, но затем спокойно сказала:

- Хочу проводить тебя...

- Ну гляди... А то можно б и отправиться... Купец Евреинов отъезжает через три дня.

Тогда она осталась. Но после пришлось еще ждать и ждать, пока, наконец, не частупил день отплытия.

Проводив мужа, Дарья Дорофеевна решила отправляться. Отец поповобовал было уговорить ее пожить еще немного, дожидаться какого-нибудь попутного купеческого каравана, но она решительно заявила, что хочет немедля ехать.

- Ладно, - согласился Дорофей Афанасьевич, - ежели Матвей Петрович отпустит меня, съезжу с тобой ...Да и дело есть в Москве-то...

Но Гагарин не отпустил, а сказал, что дочь можно отправить с его женой, которая на днях собралась уезжать.

Марья Дорофеевна обрадовалась такой попутчице и перед отъездом пошла на базар купить девочкам забавные движущиеся игрушки .из дерева, кои продавал, она видела, один и тот же рыжебородый мужик. И этот раз он был на своем всегдашнем месте и зазывал покупать игрушки, которые сами-де стучат, есть-пить не хотят. . .

Направляясь к нему, приостановилась у стоявших плотным кругом мужиков. В середине круга остроглазый лохматый парень, похожий на бродягу спорил о чем-то с молодым монахом. Прислушалась.

- Скажи-ка, ученых человек, что есть больше - небо аль земля? С ехидцей спросил парень монаха.
- Небо больше земли есть, - ответил монах.
- А сколь солнце велико есть? - победно оглядывая стоявших, наседали пареня.
- Сколь земля велика есть, столь и солнце велико , а луна половина величеством.
- Отчего ж солнце сотворено?
- От риз Господних...
- Не токмо от риз, но и от огня!
- Токмо от риз? Что от огня - ересь, - заспорил монах и навалился сам: - Коли ты такой умный, скажи, на чем земля основана?
- Земля, яко желток в яйце. Скорлупа - суть небо, плена -яко облака, белок - яко вода...
- И сие ересь твоя раскольщицкого толку!..

Заметив, что на нее стали оглядываться, Марья Дорофеевна отошла. Купила бьющих по наковальне кузнеца и медведя да убегающего от лисы зайца и направилась домой. Тут внезапно потемнело. Солнце скрылось за тучей. С полуденной стороны надвигалась гроза. Она заторопилась, но у подножия Прямого взвоза ее настиг ливень, и пока поднималась до Рентереи, промокла до нитки. Хотела поначалу переждать в церкви, но, увидев, что туче конца не видно, так под дождем и дошла до дома.

Мать, увидев ее, всплеснула руками, стала помогать переодеваться, запричитала, что можно я простудится.

И будто накликала.

Утром Марья Дорофеевна встала с забитым горлом и к полудню слегла в жару со слезами на глазах. Отъезд вновь откладывался.

-Да не убивайся ты так, - уговаривала ее мать, потчужа теплым молоком с медом. - Слава Богу, что не в дороге случилось сие... Дома-то выходим, скоро встанешь...

- Маменька, это мне за грехи мои... Евдокия Степановна уедет, а я останусь, - заплакала Марья Дорофеевна и вдруг воскликнула: -Прости меня, Царица Небесная, прости заступница!.. -Маменька, я ведь обет не исполнила не пожертвовала на Абаляцкую Божью Матерь. Вот отдай, отдай сие кольцо...

Марья Дорофеевна сняла с пальца кольцо и вновь залилась слезами:

- Господи, когда же я увжу своих деток!..

Вечером к ним пожаловала княгиня Евдокия Степановна Гагарина, которой рассказал о болезни дочери Трурнихт. Сев рядом с больной, она ласково сказала:

- Ты не печалуйся, Дарья Дорофеевна, поправляйся...А я обожду тебя, вместе поедем... Так оно веселее будет! Я на картах мастерица гадать, вот пока едем, все о тебе и выложу...

- Да как же вы, Евдокия Степановна, из-за меня задержитесь!..

- Пустяки... Мне спешить некуда.

Марья Дорофеевна радостно улыбнулась.

С княгиней она разговаривала несколько раз на званных ужинах в доме губернатора и тогда она ей понравилась простотою своей и приветливостью. И сейчас, слушая ее ласковую речь, она забывала о болезни. Но в глубине души чувствовала-таки неловкость, что столь знатная дама обеспокоилась из-за нее. А дом-терем князя Гагарина был так богат, что ей показалось, что самим хозяевам кушанья подавали на золотых блюдах...

- Видно, не надо было мне ехать сюда... Так ведь Иван Дмитрич редко бывает дома, сказала Марья Дорофеевна.

- Что приехала, верно сделала! Кто ж знал, что дело столь затянется... Их дело мужское - служить государю и Отечеству, а наше женское - ждать да горевать... Мой-от тоже ведь дома почти не бывает, все в разъездах. Так, что иной раз не знаю, в каком он городе... Особо последние пятнадцать лет... А ничего, уж и внуков дождались. И у вас, Бог даст, все ладненько будет...

- Евдокия Степановна, мне все ж неловко, что меня будете ждать... Дела ведь, поди, есть в Москве-то?..

- Не думай о сем, Марья Дорофеевна! Сын с невесткой собиралась нонче на Марциальные воды, посему я одна еду, за внуком присмотреть. Хоть Матвей Петрович и сердит на сына, да у меня душа изболелась... Ничего, обождут... А коли уедут, есть кому присмотреть покуда... Так что ни о чем не думай, как поправишься, так и поедем.

Через три дня Марья Дорофеевна была уже на ногах.

Глава 44

На Казанскую пали крепкие морозы. Земля схватилась так, что ломы и заступы били, будто по камню, и подполковник Бухолц подсадовал на поручика Каландера, что не выкопали пороховой погреб. Хорошо, хоть землянки жилые успели сладить. Начался-было долбить мерзлую землю для погреба, но дело шло так медленно, а другой работы было столько, что Бухолц приказал оставить пороховую казну в дощанике, вмерзшем на Иртыше напротив крепости. Тем паче, что пришлось бы еще на погреб дощаник разобрать, а их уж и без того почти не осталось. В самой же крепости надо было сделать лишь ворота, но, так как проем для них в стене был со стороны землянок солдатских, тоже покуда решил не ставить их.

Как думалось, что сидеть здесь, в глухой степи, всю зиму, становилось тоскливо. И несмотря на зиму, солдаты по-прежнему бежали, хоть и меньше после наказания Митьки. Лычагин приказал Першину не спускать с того глаз, и теперь Першин и Митька были почти всегда неразлучны.

В остальном же в крепости шла обычная жизнь военного лагеря: тапты, ревелии, построения при знаменах под барабанный бой... Кроме того, обучение строю, пальбе пошереножной и плутонгами. Однако порох и заряды при этом не тратили, лишь целили и прикладывались, как бы стреляя. Так и шли дни за днями.

В середине декабря получил Бухолц от губернатора Гагарина письмо, в котором обещал прислать аптеку и жалованье и о том, что объявил набор рекрут. Письмо это ничуть Ивана Дмитриевича не ободрило. Думал - отписка лишь и не ждал помощи. Без царского указа, пожалуй, ничего прислано не будет. И решил он писать обо всем государю, а для убыстрения и Макарову о предстательстве в его делах... Однако прежде сего письма пришлось другим делом заниматься. Вечером приехали с полковником Толбузиным посланцы контайшины, у которых казачья орда отбила лошадей и верблюдов. Полковник Толбузин на другой день уехал обратно в Тобольск, двоих калмыков отправили к своим за лошадьми и остались жить в крепости.

В первый же день с любопытством ее оглядели, и Ерке Тарзакой через толмача Бакши Аксубина после того спросил Бухолца:

- Для чего, подполковник, ставишь крепость? Земли здесь наши издавна, коли контайша сведает, будет война... Иван Дмитриевич успокоил:

- Я с вами войны не желаю, и государь нас послал лишь руды в Еркети разведывать, о том вам у губернатора было говорено же. А крепость поставил для обороны от казачьей орды, что и вас обидела...

Тарзакой погладил редкую бородку, закивал головой так, что и не понять было: то ли соглашался, то ли сомневался.

Иван Дмитриевич, глядя на хитрый прищур калмыцких глаз вдруг особо почувствовал опасность - ежели не убедить посланцев, то противности от контайши не избежать, и никуда им дальше Зайсана не пройти. Не лучше ли самому предупредить контайшу - случай самый подходящий, - чтоб решить дело миром... И он сказал Тарзакою, дружески похлопав его по плечу: - Для чего тебе ждать своих лошадей! Я те дам наших и пошлю с тобой офицера с письмом к контайше, и в оном письме опишу, куда иду и по какому делу. Да в охранение дам полусотню драгун. Однако чтобы моим людям зла не учинилось, оставь мне аманатов из именитых людей... Так поедешь с моими людьми?..

Когда Аксубин перевел, Тарзакой приложил руку к груди и сказал:

- Еду, подполковник, еду...

- Кого оставляешь в аманатах? Тарзакой перемолвился с Аксубиным, и тот сказал:

- Я останусь со своими слугами и бухарцы торговые.
- Вот и ладно... Сейчас письмо отпишу. И повезет его поручик Маркел Трубников.
Когда Тарзакой вышел из избушки, Бакши Аксубин сказал Бухолцу:
- Подполковник, сказать хочу... Пусть твой офицер к контайше не идет мимо улусов Черен-Дондука.
- Пошто так?
- Черен-Дондук весьма русских не почитает, мнит себя великим воином... Опасаюсь, как бы не побил твоих людей. Коли побьет, и мне, аманату, худо сделает... Ерке Тарзакою тоже о том скажу, чтоб в его улусы не заезжали, а шли бы другой дорогой мимо Зайсан-озера левым берегом Иртыша...
- Ладно, Бакши, благодарствую, что предупредил. Поручика Трубникова и пятьдесят драгун отправил Иван Дмитриевич сразу после Рождества. А 29 декабря проводил прапорщика Микулина с письмами государю и кабинет-секретарю Макарову, в которых писал о закладке Ямышевской крепости, просил добавить войска, ибо "ежели покажет противность контайша, то невозможно малолюдством дойти до Еркете, понеже войска у контайши шестьдесят тысяч, а со мною войска две тысячи пятьсот тридцать шесть человек и то все новые люди". Напомнил, что когда Федор Головин ходил в Дауры, войска с ним было 3500 человек, а у полковника Парфеньева, когда ходил на башкир, семь тысяч, писал, что солдаты бегут по-прежнему...
Особо просил Макарова о предстательстве прапорщика Микулина его величеству, ибо и раньше доносил о малолюдности и нехватке офицеров, а указу не получил...

На десятый день, когда прошли горы Гурбан-Цар, ехавший впереди отряда поручик Трубников увидел впереди высокую сопку и спросил посланника Тарзакою, говорившего немного по-русски, что это за горы начинаются.
- Не есть горы... Это Голма Толгой...
- Что сие означает?
- По-русски Толгой будет "голова". Давно было... Богатырь Саптаркой нес эту Голму Толгой от Хамар Дабана с сыном своим на носилках, чтобы запрудить Иртыш. Ночью сын переспал с женой и не смог поднять носилки... Саптаркой убил сына и невестку, а Толгой осталась в степи...
- Когда же горы Хамар Дабан будут? - спросил Трубников.
- День пути хорошо ехать - горы будут, - ответил Ерке Тарзакой и вдруг, встав в стременах, указал плеткой на запад. Там из лощины выкатилась лавина конников и, ширясь и взбивая снежную пыль, неслась в их сторону.
- Ваши люди? - тревожно спросил Трубников.
- Нет... Кайсаки...
- Ружья к бою! Сыпь на полку!.. Сомкнись! - скомандовал поручик Трубников драгунам.
Пока готовились к стрельбе, лавина обогнула их с флангов и сомкнулась в кольцо, все сужающееся в живой круговерти лучников - по десять на одного.
- Эй, русский, не стреляй! Или всех уьем! - крикнул один из всадников, приблизясь саженой на двадцать. - Отдай наших врагов! Трубников прокричал в ответ:
- Я его царского величества поручик Трубников, еду послом с полной мочью к контайше и вам меня задерживать не надлежит. Следом идет великое российское войско и побьет вас, ежели вы нам противность учините!
- Поручик, твой войско далеко, у Ямыша. Знаем... Отдай ружья и иди к Хаип-хану нашему. Будешь драться, всех стреляем... Думай скорей!
Трубников оглядел противника и понял, что не совладать. сотен пять будет.
Ерке Тарзакой сказал ему, что лучше сдаться. Контайша обменяет их на пленных, а русских они не тронут, ибо не в войне с ними.
Поручик повесил на конец шпаги белый шарф, приказал драгунам сдавать оружие и выехал вперед.

Глава 45

В последний день года синеватой овцы* правитель Джунгарии Цеван-Рабдан, отитулованный всеведущим гэгэном - Далай-ламой - как Эрдени-Жырукту-Батыр-контайша, благодетельствовал своим присутствием праздник Цагаан-Сар по случаю наступающего нового года, года красной обезьяны.

А накануне Цагаан-Сара, когда на исходе был месяц зайца**, в день битуун, во всех юртах его подданные от арата до зайсанга наводили порядок, вытряхивали мусор, убирали грязь, накопившуюся за год, чистили одежду, возжигали лампы перед буддийскими божествами и совершали возлияние молока из цацала (ложки с девятью углублениями) хозяйке очага и духам Неба и Земли.

Сам контайша вступил в шестидесятый год своей жизни, что находится под покровительством мэнгэ - девяти цветных "родимых пятен" - поэтому он лично побрызгал молоком из девяти ямок цацала перед золотой фигуркой Будды в своей юрте. Он сидел на высоких войлоках и наблюдал с полуулыбкой Будды в окружении именитых зайсангов за ритуальной пляской рогатых масок и думал о том, что этот год должен стать свершением его многолетних помыслов. Пора вернуть все, что потерял его бездарный дядя Галдан-Бошокту-хан. Бошокту - благословенный таким духовным званием наградил его Далай-лама. А следовало бы назвать кровавый. Хотя и справедливо отомстил Цицину и Батору за убийство своего брата Сэнгэ, отца его, Цеван-Рабдана, но тут же объявил себя ханом Джунгарии и отравил брата Цевана Сонома-Рабдана, которому надлежало быть правителем.

Сам Цеван чудом уцелел и бежал в Поднебесную под покровительство императора Канси. И не без его помощи на тридцать шестом году его правления, в год красной мыши*, утвердился он, Цеван-Рабдан, в управлении над Джунгарией после самоубийства дяди, разгромленного в Халхе войсками Канси.

Но чтобы показать, что он, Цеван-Рабдан, - правитель, а не простой арат, лишь через год отдал он прах дяди в Пекин, хотя император и требовал тело заклятого врага своего немедля. Да не было тогда силы отмахнуться от императора, и прах Галдана был выставлен в воротах Пекина...

А еще через год пришлось отправить в Пекин и дочь Галдана, чтобы добыть расположение императора, и с надеждой на помощь в войне с казахским ханом Тауке, коварным, неблагодарным псом. Он, Цеван-Рабдан, помог освободить из Тибета его сына, посланного в подарок Далай-ламе, и послал его с пятью сотнями людей к Тауке для сбережения, а тот всех людей убил, да убил после того множество людей Урхедей-Батур-Тайджи... И что совсем взбесило и сделало казахов вечными его врагами, это то, что Тауке напал на караван, с которым ехала с берегов Волги невеста его, Цевана, дочь Аюки-хана, подданного русского царя.

Немало трудов в эти восемнадцать лет правления потратил он, чтобы вернуть могущество Джунгарии. И ныне, слава Небу, на западе и севере казахов Церен-Дондоб прижал, и те мечтают о помощи русского царя. Но Гагарин пословался с ним, контайшой, и посол Иван Чередов передал, что царь будет жить с ним в мире. На севере и востоке теленгутские князья покорены и сдались в подданство его, контайши. В Халхе взяты пять крепостей, однако халхский правитель Чжебзун-дамба-Хутухта повернулся к Китаю, и Канси поднял войска маньчжуров из Су-Чжоу и остановил пока его, контайши, войска.

Но Цеван больше не намерен слушать окрики и выговоры из Пекина, подобно последнему, когда джунгары взяли караван, шедший в Турфан. Этот выговор императора привел в ярость его, и он двинул войска в Халху. И новый год должен решить все, война с Китаем неизбежна.

Однако прежде надо взять Тибет, дабы духовная власть вела бы их к созданию империи, подобной империи Чингиз-хана. Тибетского Лабцан-хана он сожжет, как сжег его наследника, своего зятя, меж двумя котлами, уличив в чародействе.

Двоюродный брат его, контайши, Церен-Дондоб готов уже вести войска в Тибет и взять его столицу... Однако почему же он не прибыл на праздник Цагаан-Сар? Непонятно...

Из задумчивости его вывел раскатистый звук труб, взметнувшихся во всю свою длину к небу. Ударили бубны и медные тарелки, и сын Галдан-Церен помог отцу подняться. Они встали в окружении зайсангов во главе процессии и под шастиры* лам и грохот бубнов направились к высокому стогу из камыша, стоявшему чуть поодаль в степи.

Люди, во множестве следившие за церемонией, двинулись следом. Те, кто сидел на верблюдах по пять-шесть человек, чтобы лучше видеть, соскакивали на землю и бежали пообочь.

Перед стогом остановились. В пустоте стога был насыпан порошок, и старший лама кинул туда факел. Стог вспыхнул, и контайша выстрелил из лука на восток в сторону Китая, и следом пустили стрелы в ту же сторону стоявшие рядом. Раздались выстрелы из ружей. Люди стали кидать камни, палки, комья земли к востоку же, моля духов Неба и Земли о победе над проклятыми китайцами.

После шествия зайсанги праздновали в юрте контайши. Было жарко натоплено, харачи - дымник - закрыт, и все сняли ватные халаты и надели поверх кийликов* шелковые, китайские, и расселись вокруг яств, поджав кривые, как у всех калмыков, ноги (в младенчестве между ногами укреплялась особого

рода коробка цорго, чтоб лучше сидели на лошадях). Помолясь, принялись есть бешбармак, с которым были поданы кубики разноцветного масла: красные, вишневые, желтые... Пили араку.

Когда подали бозо* и сыр к чаю, в юрту вошел Церен-Дондоб, поклонился и от двери громко воскликнул:

- Русские идут войной!

Контайша вздрогнул, сжал ладонью клинышек своей реденькой бороды и, сверкнув глазами, процедил:

- Говори!

Церен-Дондоб (русские называли его Черен-Дондук) рассказал о том, как приезжали от посланцев за лошадьми и верблюдами и говорили, что русские солдаты заложили крепость у Ямыш-озера и намерены идти в земли контайши к городу Яркенду.

- Нет! - вскочил в ярости контайша. - Князь Гагарин обещал жить со мной в мире!

- Эрдени-Жырукту! Я всегда говорил, что русским нельзя верить. Гагарин обманул тебя. У подполковника, что ведет отряд, есть особый указ царя, дабы идти в твои земли, забрать золото и поставить свои крепости...

- Нет! Мы не можем воевать со всеми сторонами света. Я хотел послать тебя в Тибет. Сколько русского войска у Ямышева?

- Вчетверо меньше, нежели воинов в моих улусах... Скажи, я уничтожу их, потом пойду в Тибет и убью Лабдзан-хана!

- Надо пословаться с русским войском, сказать, что это наши земли и зачем идут...

- И без того наши послы у них были и о том подполковнику говорили, что наши земли. Однако те обманно говорили, что идут искать руды, а не воевать. Но сами иных наших послов у себя задержали, а других убили, говоря, будто отпустили домой. Послы наши домой не пришли! Пока не прислал царь большое войско, дай мне прогнать их с наших земель!..

- Ежели озлобим царя, он может стать вместе с Китаем или кайсаками, - вступил в разговор Галдан-Церен.

- Нет! - возразил Церен-Дондоб и залпом выпил чашку араки. - Русские с Хаип-ханом давно враги. Люди Хаип-хана жгут их деревни, берут русских в плен... С Китаем русские договориться не успеют... Скажи, я прогоню русских, возьму Тибет и разобью Китай!

Контайша остановил его жестом и надолго задумался. Он знал, что его двоюродный брат терпеть не может русских, прозванных за изворотливость и смелость халхасцами "лоча", что значит "черт". Церен-Дондоб - смелый воин, однако нельзя воевать сразу со всеми. Но он прав, что нельзя пускать в свои земли. Не он пошел в русские земли, но они в его... Хотя эти же земли считают своими не только русские, но и кайсаки... С кайсаками сладить можно, но царь... Однако и у царя в Сибири войска мало, сам он воюет с сильным северным царем, и ему войска, пожалуй, взять неоткуда. Когда они разорили Кузнецкий острог, большой войны с русскими не было... Да отведи и сейчас, Великий Будда, большую войну с русскими!..

- Так идти мне на русских? - в нетерпении прервал его молчание Церен-Дондоб.

- Дже,- твёрдо ответил контайша.

Глава 46

Января 21 дня 1716 года подполковник Бухолц получил из правительствующего Сената указ, посланный из Санкт-Петербурга сентября 25 дня, который поверг его в недоумение - для чего сие надобно! Предписывалось подать за своей рукой ведение и прислать в Сенат с нарочным курьером, сколько у него из доходов Сибирской канцелярии принято к делу из припасов и сколько принято на амуницию и жалованье. Белено было составить ведение и в оном описать все, что в полках есть налицо и с указанием цены.

Откуда ему знать цены! Что они там, с ума походили? Отчего о том не у губернатора Гагарина, а у него справляются, не в канцелярии ли знать, сколько чего стоит?

Ругался Иван Дмитриевич, но писать надо было, и приказал ротным каптенармусам подать ему реестры всех вещей, что приняты были перед походом. Поручику Каландеру также сказал, чтоб подал такое ж ведение по артиллерийским припасам.

Через неделю подобные реестры были поданы, и Бухолц с утра засел с полковым писарем за составление единого ведения, но пополудни прервался. Доложили, что пришли какие-то калмыки и дожидаются у рогаток.

Бухолц приказал денщику позвать толмача Богдана Берникова и оставленного в аманатах Бакши Аксубина и направился к неожиданным гостям.

У караула при въезде в крепость стояли десять груженных верблюдов и несколько всадников.

К подошедшему Бухолцу направился калмык, по всему старший из прибывших, поклонился слегка, приложив руку к груди, и заговорил по-своему.

- Великий воин контайши Эрдерни-Жырукту зайсанг Черен-Дондук шлет тебе поклон, подполковник, - перевел Берников.

- Черен-Дондук, - продолжал калмык, - послал меня, Санджиба, с подарками тебе, полковнику, и для торгу, чтобы быть с тобой в мире...

- Весьма рад любезностям Черен-Дондука и сам в мире с ним быть желаю, понеже государь мой Петр Алексеевич с контайшой всегда пословались и жили в мире.

После этих слов Санджиб подошел к Ивану Дмитриевичу, и они похорошевались, положив руки на плечи друг другу.

Стоявший рядом Бакши Аксубин что-то спросил Санджиба по-калмыцки. Тот ответил. Иван Дмитриевич насторожился и спросил Берникова, о чем говорили. Но, заметив волнение подполковника, Аксубин сам подошел к нему и сказал:

- Я узнал о твоём посольстве, в улус Черен-Дондука они не заходили.

- Ладно, ступай. Здесь Богдан один справится... По знаку Санджиба его люди стали снимать тюки.

- Чем торговать хочешь? - спросил Бухолц.

- Привез мал-мало баранины, араки, бозго, горчицу... Коли хорошо купишь, еще приедем... А зайсанг тебе от себя прислал перстень с камнем, - подал он Бухолцу перстень с рубином.

- Благодарствую премного, - улыбнулся Бухолц. - Не ведаю только, что от себя Черен-Дондуку послать... У нас купить что хочешь ли?

- Коли возможно, ружья продай, да пороху...

Бухолц с сожалением развел руками:

- Ружей свободных нету, только при солдатах... И пороху тоже мало, однако с пуд за дружество зайсангу могу уступить.

- Можно ли смотреть твои строения, подполковник?

- Пойдем, покажу...

Они пошли к крепости.

- Вон там, - показал Бухолц налево, - драгуны стоят и для лошадей загон...

Подойдя к землянкам, сказал:

- Тут солдатское жильё...

Когда вошли за стены крепости, Бухолц показал церковную палатку.

- Здесь только церковь походная для молений Богу, жильё нету...

Санджиб подошел к палисаду, поглядел в бойницу, пощелкал языком, подошел к рогаткам со стороны обрывистого берега Иртыша, где стены не было, прошелся вдоль них, поглядывая вниз на вытасенные на берег дощаники, и спросил:

- Сколько воинов надо иметь, чтобы держать такую крепость?

- С тысячу...

- У тебя сколько солдат?

- Чтоб удержать сию крепость, хватит, - уклончиво ответил Бухолц.

- Пушки покажешь, подполковник?

- Покажу.

Бухолц привел Санджиба на артиллерийский двор, бывший за стеной в сажнях пятидесяти от землянок. Оглядев двор, остался доволен - молодец поручик Каландер. В надлежащем виде содержит пушки. Весь двор от снега очищен, жерла пушек закрыты парусиной.

Санджиб переходил от одной пушки к другой, склонялся, будто прицеливался, и спрашивал, что за пушка. Иван Дмитриевич объяснял - эта шестифунтовая, эта трехфунтовая

- Ай-ай, много пушек... Зачем много, полковник?

- Оборону держать, казачьей орды людей много рядом ходит.

- Стрелять можно?

Иван Дмитриевич подозвал Каландера и сказал:

- Пальни вхолостой из трехфунтовки.

Каландер ловко засыпал из шуфла порох, запыхнул тряпьем и приложил пальник к запалу.

Громыхнул выстрел. Санджиб покачал головой - громко, мол.

Бухолц засмеялся и пригласил гостя на ужин в свою избу.

Утром Санджиб уехал вместе со своими спутниками, пообещав пригнать овец и привезти больше кумысу и араки, которые весьма полюбились солдатам. Только недовольны были, что платить нечем - жалование давно не плачено.

Бухолц успокоил солдат, сказал, что недели две тому послал он курьера от себя к губернатору, чтобы скорее присылал жалованье, и оно скоро будет...

Курьером тем был солдат Лычагин.

Глава 47

Солдат Першин сидит на нарах в землянке у маленького оконца, закрытого куском льда и зашивает рукавицу, готовясь заступить старшим в караул у пресного озера, у одного из трех табунов, в которых были все драгунские кони.

Вошел с мешком Митька Резаной, который вставал в караул с Першиным, и стал перекладывать полученный у каптенармуса провиант в солдатские сумки.

- Масло коровье дал?

- Получил. Кого меняем-то?

- Не ведаю.

- Петр, пошто мы ходим коней сих караулить, че драгунов мало?

- То не наше дело, - снимая с подымка кафтан, сказал Першин, - чтоб служба медом не казалась! Вам волю дам, дак и на солдата походить не будете. Вот те, Митрий, все нейметя. Ведь секли тебя за водку... Мало? А ты че утворил - накупил араки у калмыков и упился. Хорошо хоть из офицеров никто не видал. Кабы не я, так ведь попал бы под аркебузирование. Подполковник в сих делах тверд и слов на ветер не бросает...

- Спасибо те, Петр Михалыч, благодетель ты мой! - ерничая, закричал Митька. - Осточертел ты мне, спаситель! Че ты ходишь за мной?... Из-за тебя пожалуй, весны не дождусь, уйду к дьяволу отсюда.

- Куды пойдешь-то, сколь говорить! Опять в кандалы?... А тут вернешься, вольным будешь, дурак!

- Такой уж уродился, сверху не закрасишь! Вольным... Что солдат, что арестант - одно житье. Вот сейчас иди на морозе стоять, че доброго? Давно ли стояли!..

- В тулупе не замерзнешь... Все лучше, чем пятки бить на плацу. Лядунку-то взял?

- Взял, взял!

Они пришли на конный двор и стали седлать коней. От гауптвахты подошел поручик Княгинкин и, обращаясь к Першину, сказал:

- Смотрите, чтоб ни одна лошадь не ушла! Прошлая, смена пять голов не досчитала. Ежели упустите, хоть одну, пеняйте на себя!

- Доглядим, господин поручик, - успокоил Княгинкина Першин и крикнул зло, ударив по морде мерина, то и дело обнюхивавшего его шапку:

- Поше, падла!

Они ехали к табуну самому ближайшему из трех по изрытое копытами снегу и долго молчали.

- Никак к ночи-то снег будет, - не выдержал наконец Митька и повернулся к помрачневшему с самого начала дороги Першину, - челюсть заныла... Она у меня в драке ломана, на непогоду всегда ноет... Че молчишь-то? Надулся, как мышь на крупу!

- Тоска накатила, Митрий, на душе неспокойно... Не вернусь я с сего походу, вон и конь обнюхал-плохая примета... Ежели что, дай знать женке...

- Да ладно те, Петр Михалыч, закудахта, как старая бабка! Мерин-от голодный, вот и вынюхивал, не дашь ли чего.

Вишь, все хвосты друг другу с голоду-то пообгрызали...

Першин ничего не сказал, так молча и доехал до землянки, сделанной на озере у самого истока речки Преснухи.

Сюда пригоняли пастухи из драгун табун к ночи на водопой и ночевку.

В маленькой землянке, где караульные и пастухи могли спрятаться от мороза, сейчас никого не

было, Першин позвал Митьку:

- Пойдем, воды приготовим.

Вдоль берега озера саженой на тридцать тянулся ледяном желоб-канавка, куда из проруби озера наливали воду для лошадей. Першин с Митькой отбили с боков в желобе острые наросты наледи - следы уровня ранее налитой и смерзшейся воды - и стали наполнять желоб.

- Не рано льем, смерзнется, - сказал Митька.

- Не замерзнет, должны вот-вот пригнать... Вишь завьюживает. Правду твоя скула говорила...

- А то...

Першин оказался прав, не прошло и часа, как табун пригнали. Лошади, тесня друг друга, тянулись мордами с налипшими комочками снега к воде. Напившись, привычно грудились на утоптанной поляне возле самых кустов у речки Преснухи.

- Все тут? - спросил Першин у пригнавших табун.

- Все на месте, бывайте! Мы поехали, ишь как крутит... Вам седня можно спокойно спать. В буран их куда черт не понесет.

Драгуны уехали.

Першин сказал:

- Митрий, я пойду пригляжу покуда... А ты кашу сваргань. Не то задует, так наглотаешься дымом.

Митька прислонил фузею к стене, развел в углу землянки на камнях костерок, повесил над ним медный котелок с водой, вытащил из волокового оконца над дверью затычку из сухой травы и улегся на нары. Дым наполнил землянку и колыхался нижним слоем у самой груди. Выло тихо. Лишь потрескивал костерок. Когда вода закипела, Митька засыпал пшено и помешал своей деревянной ложкой. И снова погрузился в приятную полудрему, прерывая ее, чтобы помешать кашу. Когда каша сварилась, выглянул в непроглядную темень и позвал Першина. Тот откликнулся и, войдя в землянку, откинул на спину заснеженный башлык кафтана.

- Ох и закручивает! Нападает снегу, бедным лошадам корм-от добывать как! Они съели кашу прямо из котелка и Митька предложил:

- Выпьем по чарке?

- Оставь на завтра, намерзнется, тогда... Я щас сполосну котелок да чайку попьем.

Петр вышел на улицу и вернулся с котелком воды, подобрал сучьев в костерок и прилег рядом с Митькой.

- Сходил бы, Митрий, глянул на коней.

- Че на них глядеть? Стоят, поди... Конь не кошка, по ночам не бегат.

- Мало ли, зверь спугнет...

- В такую погоду все звери в ухоронке сидят, как мы с тобой

- Сходи, сходи, погляди!

- Ну, Михалыч, как репей, пристал! Попью чаю и схожу. Напившись чаю, Митька потянулся и сказал:

- Правда твоя, Михалыч, в карауле, однако, лучше, хочешь спи, хочешь нет. В крепости, чай, тапту отбили, а мы тут сами себе хозяева, - и, зевнув, добавил: - Однако и нам пора спать. Пойду гляну коников, да будем укладываться.

Выйдя наружу, Митька накинул на голову башлык постоял, привыкая к темноте. В двух шагах ничего не было видно. Буран зарядил, похоже, надолго. Он пошел по направлению к табуну. Кони мирно стояли, опустив головы, изредка передергивали кожей, сбрасывали налипший снег. Митька повернул было назад, как вдруг стоявший с краю жеребец вскинул голову и пронзительно заржал. Митька насторожился, скинул башлык и прислушался. Но кроме шума ветра ничего не было слышно. Он подошел к жеребцу, похлопал его по шее и, преодолевая внезапно накативший страх, сжал эфес палаша и пожалел, что оставил фузею в землянке.

- Митре-е-ей! - услышал он вдруг пронзительный крик Першина, тут же осекшийся, и почувал, как вдруг весь табун встрепенулся. Кони затоптались на месте, как бывает перед тем, как их собираются перегонять, и, подталкиваемый страхом, встал за жеребца, ближе к табуну. И тут же услышал конский топот: совсем рядом, так, что различимы были высокая шапка и лук за спиной, проехал рысью всадник, следом другой, третий...

"Калмыки!" - мелькнула мысль, и Митька, пригнувшись, кинулся внутрь уже тронувшегося табуна, соображая, что делать. Сначала схватил за гриву подвернувшегося коня и хотел вскочить на него, но

сообразил, что могут заметить, и побежал рядом, держась за гриву правой рукой. Затем изловчился, схватил левой рукой гриву скакавшего рядом коня и повис, подогнув ноги в коленях.

Коней угоняли от реки в степь. Руки скоро онемели, и, когда ноги зацепились за куст, Митька разжал пальцы, упал на снег, перекувырнулся, обхватил голову руками и нырнул под куст, молясь Богу, чтоб пронесло. Казалось, никогда не кончится этот страшный топот копыт. Когда он наконец внезапно оборвался, Митька приподнял голову и тут же опять уткнулся лицом в снег: рядом проскакали угонщики. Наконец стало совсем тихо.

Митька вскочил и побежал сначала в сторону крепости через степь по снегу, но, сообразив, что может сбиться в темноте с пути или наткнуться на калмыков, повернул по набитому табуном следу к Преснухе. На реке взбежал на лед и рванул вдоль берега к крепости. Только тут заметил, что потерял шапку. Накинул башлык, но скоро вспотел и опять сбросил его, расстегнул на груди кафтан.

"Ладно хоть ветер в спину", - думал Митька, стараясь бежать равномерно. Вскоре он оказался перед бугром, за которым начинались рогатки.

Упершись в рогатки, пошел осторожно вдоль них к караулке, вглядываясь в темноту. У въезда в крепость никого не было видно. "Спят, раззявы!" - озлился он и застучал ногой в дверь караульной избушки-гауптвахты.

- Кто там? - услышался недовольный голос.

- Вставайте! - заорал Митька и матерно выругался. - Кто начальник караула?

В темноте мелькнули искры от кресала, кто-то запалил трут и возжег сальную свечу.

- Че базлаешь? Я начальный, сержант Урезов.

- Калмыки, господин сержант! Напали, коней увели!

- Какие калмыки? Отколь им взяться, от наших разъездов известий о них не было...

- Говорю, калмыки! Веди к командиру!

- Ну пошли!

Они направились к избе Бухолца. Митька опять побежал, заставив бежать и сержанта.

Разбуженный, Бухолц встретил их в накинутом на плечи мундире. Денщик зажег две свечи.

- Где стоял и с кем?

- При табуне у озера с солдатом Першиным.

- Где оной солдат?

- Не ведаю, убитый аль взят в полон...

- Не может сего быть! - сердито воскликнул Бухолц. - Калмыки не могли напасть. Они обещали быть со мной в мире... Может, это люди казачьей орды?

- По говору и по шапкам - калмыки, - твердо сказал Митька.

- Много их было?

- Не ведаю.

Бухолц задумался. Взгляд его упал на трясущиеся руки Митьки, и он закричал:

- Да ты ж опять пьяный! Бежал с караулу и небылицы плетешь! Сержант, посади его на обвахту!

- Я пьяный? - дрожащим от обиды голосом вскричал Митька. - Сейчас они придут, перережут, как поросят, сонных... Сажай! Попомнишь меня, подполковник!.. Мое дело петушиное - прокричал, а там хоть не рассветай!

Сержант забрал у Митьки палаш и отвел его на гауптвахту, где содержались арестанты.

Иван Дмитриевич, оставшись один, взволнованно заходил по избе. Не могут калмыки напасть! Не верилось... Приветливость Санджиба вспомнилась, да и Трубникова с посланцами послал с уверениями в дружбе... Но и людьми рисковать не стоит, береженого Бог бережет.

Он послал денщика к караулу на въезде и велел немедля перегородить дорогу в крепость рогатками. Второго послал к барабанщику и велел бить по крепости тревогу.

Прибежавшим офицерам Бухолц объяснил причину тревоги и велел строить людей у землянок и зарядить фузеи. Когда солдаты построились, он сказал майору Вельяминову-Зернову:

- Иван Львович, возьми первую роту и поставь на взгорке против входа, подождем с час, и я там же буду...

Он с поручиком Каландером отправился в караульную избушку. Но едва успели присесть, как вбежал стоявший на часах солдат и крикнул:

- Кто-то едет!..

Бухолц с Каландером и вернувшимся с гауптвахты сержантом Урезовым выскочили и встали за угол избушки, вглядываясь в темноту.

- Кони... Вроде без людей, - пробормотал Урезов.
- Может, наш табун гонят. Кричи, - приказал Бухолц часовому.
- Кто идет? - крикнул зычно солдат. Но никто не ответил. Кони приближались. Часовой крикнул еще дважды. Ответа не было.

- Стреляй вверх! - вполголоса приказал Бухолц и вдруг неожиданно совсем рядом услышал насмешливый голос, прямо с другой стороны избушки:

- Эй, русак, выходи пива пить!..

Сержант Урезов выхватил из сумки гранату, запалил трут, прикрываясь полой кафтана, скусил конец зарядной трубки и зажег ее. Широко размахнулся и кинул гранату прямо через избушку на голос. Почти одновременно выстрелил и часовой. В свете вспышки от разрыва гранаты Бухолц успел заметить бьющихся на кольях рогатки, перегородившей дорогу, коней, летящих через их головы всадников и оскал лошадиных морд напиральной и вздыбливающейся лавины.

Они бросились от избушки к построившейся на взгорке роте.

- Первая шеренга, на колена! Прикладывайся, пали! - громко скомандовал майор Вельяминов-Зернов.

Ударил залп первой шеренги. У рогаток кишенье, ржанье и предсмертные всхрипы коней, вопли людей...

Следом выстрелила вторая шеренга и тут же присела, давая обзор третьей. А первая уже заканчивала заряжать. На третий залп в ответ полетели стрелы. Вскрикнул, выронил фузею и схватился за стрелу в груди солдат из середины шеренги, поднявшейся для залпа.

- Пали! - командовал майор Вельяминов-Зернов. Подбежавший к нему Бухолц крикнул:

- Держись, Иван Львович, сейчас подмогу пришлю! Поручик Каландер, беги на артиллерийский двор и бей из пушек, гляди, могут и со степи пойти! Поручик Каландер исчез в темноте.

Бухолц прибежал к стоявшей у его избы второй роте и приказал поручику Княгинкину:

- Поручик, бери всю роту к караульной обвахе, там майор Вельяминов с первой ротой... Пусть он сам идет сюда, а ты бери обе роты под начало с сержантом Урезовым и держаться до смерти! Да пошли вестового к капитану Ступину, пусть ведет своих драгун сюда, ближе к крепости, иначе их там в отдельности перебьют еще... Слышь, у него уже стреляют тоже, торопись! Громыкнули первые выстрелы пушек, за рогатками высветились опрокинутые конусы огня и раздался грохот разрывов бомб. Это вызвало короткое замешательство в рядах калмыков, но затем они еще яростнее кинулись на штурм. Многие соскакивали с коней и пробирались через рогатки к надолбы к караульной гауптвахте, которую только и можно было различить в темноте.

На вспышки фузей в шеренгах летело столько стрел, что майор Вельяминов-Зернов приказал отвести роту саженой на пятнадцать. Подоспевшая рота поручика Княгинкина сбила просочившегося за рогатки противника и повела беспрерывную стрельбу.

Когда майор пришел к командирской избе, Бухолц встретит его на улице у дверей. Только что прибежал от второго табуна чудом спасшийся сержант Островский и сказал, что лезут калмыки со стороны степи к амбарам, и Бухолц послал туда роту с прапорщиком Маремьяниновым.

- Ишь, какое дело, Иван Львович, - хмуро сказал Бухолц. - облапошили меня азиатцы хитрозадые! Кабы не тот солдат. взяли бы нас, как мух сонных... Степан! - крикнул он денщику. входя в избу. - Приведи солдата с гауптвахты, что от озера пришел. Да возьми десяток солдат и приставь караул к аманатам, чтоб не убежали!

- Слушаюсь!..

- Чаю, Иван Львович, круговую оборону придется держать. со всех сторон, видать, обложили... Возьми четвертую роту и отведи к артиллерийскому двору, часом не отбили б его. Сам же ко мне иди, там поручик Каландер один справится. Эх, писал ведь, что офицеров нехватка, а сейчас хоть на части рвись!

- Иван Дмитрич, никак и в крепости стрельба, там кто у нас?

- Полурота с сержантом. Продержатся покуда за стенами сейчас главное - с поля отбить...

Майор Вельяминов-Зернов ушел. Привели Митьку. Бухолц подошел к нему и сказал:

- Прости меня, братец, что не поверил... Обманули меня калмыки, мирными прикинулись!

- Ладно, ваше высокоблагородие, главное, что врасплох не взяли...

- Да, да, спасибо! Молодец! Вот выпей чарку, отобьемся -награжу!

Митька выпидллопросил:

- Мне бы палаш и фузею.

- Конечно, конечно! Фузей, пожалуй, к утру будет много свободных, - мрачно сказал он и добавил:
- А ты куда при мне побудь, вестовым...

Иван Дмитриевич вышел на улицу и прислушался. Стрельба не утихала. Бесперывно грохотали пушки. Молодец, Каландер! При свете факела посмотрел на часы. Прошло уже два часа, а казалось, что все только началось. Послышался крик:

- Где подполковник?

- Кто таков, чего надо?

- Солдат Игнатьев, ваше высокоблагородие, от поручика Княгинкина. Заряды к фузеям выходят, просил прислать!

- Каптенармус, отправь патроны!

- Слушаюсь!

Подбежал от артиллерийского двора майор Вельяминов-Зернов.

- Как там?

- Ниче, поручик пороху не жалеет! "Порох!"-мелькнуло в голове Ивана Дмитриевича, и спина его похолодела.

- Господин майор, Иван Львович! Порох! Пороховая казна! - в отчаянии воскликнул Бухолц. -
Вовсе из головы вылетело! Голубчик, бери роту и любой ценой перевези порох с дощаника сюда, пока не рассвело... Без него пропадем! Ты ж, - обратился он к Митьке,- ступай с майором, нет, поначалу попробуй у драгун добыть сани, чтоб было куда порох с дощаника грузить... - Господин подполковник, крепость взяли! - подбежал запыхавшийся капрал Ботвин. - Выжали нас за стену... Сержант их сюда из ворот не пускает, стрельбой держит...

- Как взяли?

- От Иртыша с обрыву полезли через рогатки, как мураши, не смогли удержать... А оружие у них копыя и палки с ножами на конце...

- Иван Львович, поспеши, голубчик. Калмыки шли к стенам через Иртыш, могли увидеть дощаник. Ежели так, отбей и держись до подкрепления. Я ж с двумя ротами пойду брать стены...

Солдат Балашов Степан заступил в полночь на караул у дощаника с пороховой казной. То ли от холода и ледяного ветра, от которого он прятался у борта дощаника, то ли оттого, что хотелось спать, но ему казалось, что он давно отстоял положенные часы и клял сержанта Урезова, который вместо того, чтобы исполнить положенный рунд*, дрыхнет в тепле. А тут лишь снег, гонимый ветром по льду, да стужа.

Неожиданно он услышал со стороны крепости, вовсе отсюда невидимой, дробный глухой треск и ясно различимые удары - будто по бочке пустой били. Балашов в недоумении насторожился и вдруг разглядел темные, бесшумно двигавшиеся мимо него к крепости тени.

- Стой! Кто идет? - крикнул он. Порыв ветра ударил ему в лицо снежной крупой. Он крикнул еще два раза, как учили, но тени продолжали двигаться мимо. Приложился и спустил курок, но выстрела не последовало. Он лихорадочно открыл полку фузеи, обдул, насыпал из лядунки свежего пороху и, взведя курок, вновь спустил его. Ударил кремень, высек искру, но выстрела опять не было. Балашов чертыхнулся, попробовал выстрелить еще раз, но опять не вышло. Между тем тени исчезли.

Тут только до него дошло, что за удары и треск слышались из крепости. Он ясно увидел вспышки разрывов, будто кто возжигал свечу и тут же гасил ее. Без сомнения, в крепости шел бой.

Сообразив это, Балашов засомневался: что делать. Стоять дальше - околеешь от холода, уйти - по головке не поглядят за оставление поста.

Прошло еще с час, терпеть уже было не вмоготу, Балашов потрусил уже к крепости, как впереди вновь замаячили тени. Он отбежал к дощанику и, прижавшись к борту, крикнул:

- Кто идет?

- Свои! Майор Вельяминов! - услышал он, облегченно вздохнул и перекрестился.

- Кто на часах?

- Солдат Балашов с первой роты.

- Помогай выносить порох на лед! На крепость напал неприятель... Тут никого не видел?

- Шли мимо, господин майор... Согласно артикулу кричал трижды - не услышали три раза стрелял - три раза осечка, виноват!

- Ты, Балашов, в рубашке родился! Бог оградил тебя да и нас тоже всех... Ежели б выстрелил, забрали бы калмыки весь порох, без него мы - пропали! Слышь, как в крепости палят?..

Когда бочонки с порохом были уложены на льду, подъехал Митька на лошади.

- Господин майор, одну лошадь токмо добыл и то с-под самого носа у калмыков, едва увели...

Сани быстро загрузили, остальные бочонки разобрали солдаты и понесли их к крепости, стрельба у которой стала еще сильнее. "Кабы не буран, так быть бы нам без пороховой казны", - подумал майор Вельяминов-Зернов.

Десятка два солдат шли впереди с фузеями наготове, вроде авангарда. Но опасение - наткнуться внезапно на неприятеля, -слава богу, не совершилось,

Лишь когда уже поднимались на берег Иртыша, по льду в их сторону побежала разрозненная толпа калмыков. Майор Вельяминов быстро построил всех, кто был без груза, и скомандовал залп. В темноте слышались стоны, крики и, к удивлению майора, неприятель развернулся и кинулся прочь, оставляя на льду убитых и раненых. Он не знал, что это были остатки только что выбитых Бухолцем из-за стен крепости калмыков. Едва Вельяминов-Зернов ушел к дощанику с пороховой казной, подполковник Бухолц со всеми не занятыми в бою солдатами направился ко входу в крепость, где его встретил командовавший полуротой сержант Максим Потапов.

За стеной слышались радостные воинственные возгласы калмыков. В проеме стены, где должны были быть ворота, мелькали факелы. Внутри крепости кроме палаточной церкви, ничего не было и мнившим себя победителями пооживиться особо было нечем. А когда они пытались лезть, через проем пули и гранаты загоняли их обратно за стены.

- Как же, сержант отдали! - с досадой сказал Бухолц Потапову.

- С берегу поналезли, где стены нет, не удержали...Послал к поручику Каландеру, чтоб пушками спробовал прогнать.

Но посланный солдат вернулся и доложил, что поручик Каландер говорит, что из пушек во двор не попасть, понеже стены близко, из мортир опасается по своим в темноте ударить...

- Ладно, без мортир, может, обойдемся, -сказал Бухолц и крикнул: - Сержант, гренадеров и солдат, кои гранаты метать умеют, ко мне!

Когда гранатометчики были собраны. Он объяснил сержанту, как мыслит ворваться внутрь с меньшими потерями.

Рота, поставленная напротив проема открыла непрерывную пошереножную пальбу так, что из проема никто не мог просунуться. Вторая рота с гранатометчиками поднялась в это время к стенам по обе стороны от проема, сержант Потапов, как условились, зажег факел, и Бухолц скомандовал:

- Прекратить пальбу!

А когда через проем по команде сержанта полетели гранаты внутрь крепости и она озарилась вспышками разрывов, крикнул:

- В штыки, братцы! Навались!

И, выхватив шпагу, побежал к воротам, куда уже валила рота с Потаповым.

Вбежав внутрь крепости, Иван Дмитриевич в одно мгновение окинул взглядом двор.

В середине гигантским костром полыхала палаточная церковь, и все вокруг было хорошо видно. Гранаты сделали свое дело. Ворвавшиеся солдаты очистили уже половину крепостного двора от ошеломленного неприятеля и теснили его к берегу Иртыша, где не было стены. У рогаток было тесно от калмыцких копий и ножей на коротких палках. Хорошо бы ударить по толпе залпом, но свои мешают. Да и кто тут будет слушать команду. Солдаты яростно сошлись в рукопашной, кололи штыками, рубили палаши, шаг за шагом очищая крепость.

Из темноты от стены откуда-то выскочил калмык и замахнулся на Бухолца копьём. Стоявший рядом денщик Степан махнул снизу вверх палашиком, отбил копьё и пронзил нападавшего в живот.

У церкви Бухолц заметил отца Василия с палашиком в руке. Полотнище уже все сгорело и теперь догорал лишь остов. Прикрываясь рясой, он нырнул внутрь догорающей церкви и выскочил обратно с иконой в руках.

- Цела икона, солдаты; -басом крикнул отец Василий на весь двор.- Не взял огонь Николая угодника!.. Бей супостатов!..

Солдаты еще яростнее заработали штыками, и неприятель не выдержал и побежал за рогатки. Солдаты грянули "ура " и, подбежав к обрыву стали стрелять вниз, где катились на лед Иртыша мертвые и живые...

Остов церкви рухнул и догорел. Все вокруг погрузилось во тьму.

Иван Дмитриевич, отдышавшись, пошел к своей избе, то и дело спотыкаясь об убитых. Заметил с облегчением, что небо на востоке посветлело. Начался рассвет.

Предводитель десятитысячного войска Церен-Дондоб хмурый и злой ходил по своей юрте, поставленной недалеко от "крепости у озера Пресного... Зайсанги* Басан-Церен и Духар опасливо и виновато-преданно смотрели на него. Духар, разводя руками, говорил:

- Тайджи, мои люди все караулы сняли, коней угнали тихо. Но русаки не спали... Мои люди дерутся, как тигры!.. Но у русских пушки, многие мои люди не слышали их грома и весьма боятся. Однако Санджиб взял крепость, и утром со стен мы перебьем всех пушкарей и к полудню покончим с русскими!..

С последними словами в юрту вбежал гонец, упал на четвереньки и коснулся лбом сапог Церен-Дондоба.

- Тайджи, русаки отбили стены обратно... Санджиб-хан убит... Даржа просит помощи...

Церен-Дондоб в ярости хлестанул гонца плеткой и закричал

Басан-Церену и Духару: - Десять тысяч лучших моих воинов не могут победить кучку слепых русаков!

- Осмелюсь сказать, тайджи, мы не знаем, сколько у русских людей. И у них пушки...

- Надо, чтобы пушки замолчали! - топнул ногой Церен-Дондоб.

- Цагалук рвется непрерывно к пушкам, однако и за рогатки пробиться не может. Много людей падает от ружейного огня...

- Пушки стреляют порохом, надо захватить порох, и пушки замолчат!.. Где у них порох?

- Санджиб не узнал...

- Привести сюда ясыря!

Через некоторое время в юрту втолкнули Петра Першина

со связанными сзади руками. Через толмача Церен-Дондоб спросил его:

- Куда идет ваше войско?

- К городу Еркеню за золотым песком...

- Сколько людей в войске?

- Шесть тысяч... - не сразу ответил Першин.

- Врешь! - вскинулся Церен-Дондоб и ударил Петра по лицу плеткой.

- Шесть тысяч, - упрямо повторил Першин.

- Где лежит порох?

- Где, не ведаю, - ответил Першин, - простым солдатам знать не положено...

По нетерпеливому знаку Церен-Дондоба его телохранители сорвали с Петра кафтан, камзол, сбили с ног и стали хлестать

плетью поочередно с двух сторон.

- Где порох?

- Не ведаю...

Ударов с тридцать стерпел Петр Михайлов сын Першин, но о дощанике не обмолвился.

Тогда по приказу Церен-Дондоба бившие схватили его за руки и за ноги и подняли над горевшим посреди юрты костерком. Когда рубашка на груди потемнела от пламени, Першин дико закричал и забился всем телом. "Господи, смилуйся, дай силы вытерпеть муку... - мелькали мысли. - Пропадут товарищи без пороха..." А изо рта сам собой вырвался крик:

- Скажу, скажу!..

- Где?

- Везите к крепости... Покажу... - прошептал Першин. Ею кинули на живот поперек лошади к одному из телохранителей Церен-Дондоба, и, когда привезли к крепости, над степью, чуть оторвавшись краешком от земли, поднимался малиновый круг солнца.

Першин сотворил Иисусову молитву и, оглядывая результаты боя и крепость, старался не смотреть в сторону Иртыша, где стоял дощаник с порохом. "Устояли, слава богу!" - порадовался он.

- Показывай! - приказал Церен-Дондоб.

- Не ведаю где, солдату знать не положено... Церен-Дондоб взвизгнул от ярости и стал хлестать Першина плеткой. По его приказу пленного отволокли к почти полностью вырубленному колку и, приподняв, подвесили к стволу тонкой березы за руки. Под ногами развели костер, и опять дикая боль исторгла крик:

- В амбарах! В амбарах!..

- Тайджи, я знаю те амбары, - обрадованно воскликнул Духар, ездивший с Санджибом на разведку в крепость.

- В амбарах!.. В амбарах! - продолжал кричать Першин, но его не снимали. Скоро он перешел на шепот, твердя одно и то же, а когда затих в беспамятстве, Церен-Дондоб выхватил у одного из своих воинов копьё и пронзил им солдата насквозь. Ощерясь, приказал Басан-Церену и Духару:

- Вы возьмете амбары!

Когда совсем рассвело, калмыки отступили и встали в полуверсте вокруг крепости. Лишь отдельные группки их вылетали на конях к рогаткам, выпускали стрелы и скакали обратно.

Иван Дмитриевич совершал обход по всем самым горячим местам. Фузеи и пушки замолчали, и в тишине все, что было ночью, казалось бы кошмарным сном, если бы не убитые, которыми были устланы рогатки, особенно перед караульной гауптвахтой. Да, тут у поручика Княгинкина и капитана Ступина было жарче, пожалуй, всех...

Буран кончился еще-ночью, и сейчас свежий снег алел у рогаток от крови. Трупы людей и животных образовали целый вал. Некоторые из лошадей, налетевших на рогаточные железные копыя, бились в предсмертной агонии... Совершив обход, созвал офицеров на военный совет.

- Господа офицеры, злоковарное нападение, учиненное противником, слава богу, нами отбито. Однако ожидаю, что в скором времени опять будут атаковать... Посему надлежит нам держаться всеми силами, дабы не учинилась конфузия и не утратился интерес нашего царского величества. Солдат покуда держать на позиции в полной готовности и выдать немедля им сухим пайком. Капитан Ступин, тебе пуще всего беречь дощаники, что в устье Преснухи. Чаю, надобно против дощаников сделать ретрашмент и не давать оные дощаники неприятелю повредить... У рогаток копать шанцы и апроши. Поручик Каландер, некоторое число пушек поставь в крепости на валу, сколько, усмотря сам...

- Раненых надо в отдельные землянки перевести и держать возле них смотрителей, кои в фельдшерстве понимают, - сказал Вельяминов-Зернов. - На перевязки пустить тонкий холст.

- Порох, господин майор, - продолжал Бухолц, - покуда перенести в крепость за стены, после надобно вырыть погреб... К вечеру подать всем сведения о потерях в ротах...

Снаружи снова затрещали выстрелы, грохнули пушки.

- По местам, господа! Опять пошли!..

Офицеры убежали к ротам. Иван Дмитриевич с вестовым и денщиками вышел из избы. Отсюда, с возвышения, обозревалось почти все вокруг. Лишь за крепостными стенами не видно было, что делалось.

Бросилось в глаза, что большие силы противника устремились к амбарам. Бежали густо, и пушки Каландера производили изрядное опустошение.

- Ваше высокоблагородь! Глядите, че творят! - со смехом показал рукой денщик Степан.

Калмыки решили бороться как-то с досаждавшими им бомбами. Увидев возле себя вращающуюся бомбу, они стали подбегать к ней и колоть ее копыями. Уже несколько взрывов разметало подобных смельчаков. Тогда калмыки решили действовать по-другому: как только бомба падала, на нее набрасывали войлочную кошму, а сверху наваливалось человек десять-пятнадцать, чтобы не дать выйти наружу убийственной силе. Но и это не помогало. Кучу малу раскидывало взрывом. И лишь наученные таким образом, нападавшие стали при виде бомб разбегаться и падать на землю.

Однако как ни били пушки, как ни палила рота прапорщика Маремьянинова, неприятельский людской вал подкатывался к рогаткам. Вот уж иные калмыки и на рогатках и по трупам своих перелезли и - к амбарам, к амбарам...

"Провиант решили отбить", - подумал Бухолц и послал в помощь Маремьянинову одну из бывших при нем резервных рот. Но помощь не успела. Солдаты Маремьянинова под градом стрел учинили ретираду, и пришедшая рота ввязалась в рукопашный бой, лишённая выгоды залпового огня. А калмыки напирали, отесняя солдат. Вот уже победные раздались вопли - амбары были ими взяты, - а они по-прежнему атаковали.

Иван Дмитриевич вывел последнюю роту и ударил залпами во фланг, остудив воинственный пыл нападавших. Но когда повел было их на штурм амбаров, был встречен не только тучей стрел, но и плотной ружейной пальбой. Пришлось отступить, оставив на поле боя несколько десятков солдат.

Он послал вестового к поручику Каландеру и велел ему выкурить засевших в амбарах.

Калмыки между тем в поисках пороха выносили кули и мешки с мукой из амбаров, складывали их стеной и стреляли из-за них. Не найдя пороха, Духар решил сделать из амбаров маленькую крепость и велел прорубить в их стенах бойницы, через которые открыли по русакам стрельбу.

Иные стрелы долетали почти до избы Бухолца. А из ближнего к артиллерийскому двору амбара открыли ружейную пальбу по пушкарям.

Со стороны же поля артиллерийский двор атаковали конные калмыки, и Каландер большинством пушек стал отбиваться от них. Получив приказ бить по амбарам, он крикнул наиболее толковому из пушкарей:

- Широков, заряжай мортиру, бей по амбарам!

Пушкарь засыпал из шuffла порох, зарядил пудовой бомбой, и мортира ухнула. Широков поглядел в сторону амбаров и с досадой крикнул: бомба упала далеко в поле. Он зарядил второй раз, сменил прицел, но опять вышел перелет.

Еще несколько раз менял Широков прицел, но угодить в амбар пушкари так и не смогли, хоть и взмокли. Опять вестовой от Бухолца прибежал к Каландеру.

- Подполковник недоволен, что не можете угодить в амбары!

Конная атака была отбита, и Каландер занялся амбарами. После двух выстрелов он приказал Широкову:

- Подвысь ствол! Меньше, меньше... Вот так! Заряжай! Пали!

Бомба угодила в укрытие из мешков с мукой, и в воздухе повисло белое мучное облако. Калмыки кинулись от мешков в амбары.

- Так, уменьши заряд... Пали! - командовал Каландер.

Но и под его началом далеко не сразу бомба разорвалась совсем рядом с амбаром и разворотила угол.

Увидев выбегающих из амбара калмыков, подполковник Бухолц скомандовал штурм, и через четверть часа неприятель был выбит за рогатки.

От остальных мест также был отбит, и, отступив, не предпринимал больше попыток нападения. Появились юрты, костры...

Бухолц приказал поставить усиленные караулы, остальным отдыхать. Посмотрел на часы. Бой продолжался двенадцать часов.

Глава 49

В крепости шла непрерывная трудная работа. Рыли апроши почти вдоль всех рогаток, насыпали ретрашемент на берегу Преснухи возле дощаников, рыли пороховой погреб за стенами крепости, драгуны, ушедшие с левого берега Преснухи, ладили недостающие землянки, хоронили убитых.

Отец Василий отслужил по убиенным заупокойную литургию, и засыпали покойных в братских могилах за артиллерийским двором. Окоченевшие же трупы калмыков так и остались лежать в степи и на рогатках. Как объяснили аманаты Бухолцу, что то естьв обычае их, калмыков, - оставлять умерших в поле, не закапывая.

За прошедшие две недели лишь однажды неприятель серьезно атаковал днем, намереваясь опять, как и в ночь нападения, завладеть крепостью со стороны Иртыша. Пушки здесь осажденным помочь не могли, и калмыки полезли на штурм, карабкаясь по крутому берегу. Однако им не удалось подняться даже до рогаток. Гренадеры забросали неприятеля гранатами, а залпы фузейного огня довершили дело. К тому же склон берега был ночью полит водой, и взобраться на него было непросто.

Двух курьеров посылал Бухолц ночами, но обоих схватили калмыки. Голову первого курьера возили вокруг крепости на копье, а второго показали связанным, насмехаясь над осажденными.

А однажды с белой тряпкой на копье к въезду в крепость приехал от калмыков всадник с письмом от Церен-Дондоба и остался ждать ответ.

Бухолц подал письмо Богдану Берникову, тот посмотрел его и сказал:

- Иные слова по-ихнему не разберу... С голосу толмачить могу, понимаю, а тут пусть Аксубин пособит.

Привели Бакши Аксубина и вдвоем они перевели письмо. Берников стал читать его Бухолцу и собравшимся офицерам:

- "Чирин-Дондук господину полковнику послал письмо. Наперед сего контайша с великим государем жили в совете и пословались, и преж сего русские люди езживали, а города не страивали.

Война-де стала, что указу государева нету о строении, и город-де построен ложными словами. И прежде сего контайша жил с великим государем в совете.

И будет-де война, и я-де буду жить кругом города и людей твоих никуда не пушу, зиму зимовать и лето с весны и до осени со всем житьем буду жить здесь и воеватца. И запасы твои все издержатца, и будете голодны, и город-де возьму.

И будет-де ты не будешь с войною, и ты-де съезжай с места. И как прежде сего жили, так будем и ныне жить и торговатца, и станем жить в совете и любви, ежели с места съедешь. И будет-де ты войною будешь, и ты-де против сего писма дай отповедь..."

Бухолц встал, прошелся по избе, заложив руки за спину, и сказал:

- Переводи, что я говорить буду, после запишете с Аксубиным... И, повернувшись к калмыцкому гонцу, сказал:

- Передай ты Черен-Дондуку, что я прислан по указу его царского величества, дабы не токмо сию, но еще и другие крепости построить по реке Иртышу, ибо сии земли всегда Российскому государству подвластны. Однако чрез то я не намерен нарушать мир с контайшою, но послан искать рудокопных мест, наипаче может оттого соседственное дружество и купечество между подданными обеих сторон больше укрепляться и распространяться...

Калмык, склонив голову к Берникову, слушал, слегка кивая головой. Подойдя к нему, Бухолц возвысил голос и сердито продолжал:

- Еще передай, что я не обик бояться угроз, и будучи снабжен довольным числом съестных припасов, могу переждать без нужды до того времени, пока не придет на вспоможение мне из Тобольска большое войско, куда я уже писал! Тогда увидит Черен-Дондук, может ли он препятствовать намерениям его величества!

Подождав, когда Берников переведет, Иван Дмитриевич закончил:

- Посему советую Черен-Дондуку, чтоб он сам отступил назад, ибо отступ его будет единое средство к восстановлению тишины и мира. Иначе силой российского оружия будет разгромлен!

Пока Берников записывал сказанное, переводя, Бухолц усадил гонца за стол, налил ему и себе вина, отпил глоток и жестом пригласил выпить. Гонец выпил. Бухолц ласково сказал ему:

- Скажи Черен-Дондуку, что контайше с великим государем лучше в подданстве быть, яко сродственник его Аюка-хан на волжских российских землях служит... Чаю, с Китаем у него дела худые, Россия ему может в том вспоможение оказать... Да и сии войска, что вокруг крепости нашей, для войны с Китаем, поди, нужны... Много ли тут войска с Черен-Дондуком?

- Много... Много...

- Так ли уж много? Поди тысяч пять, не более?

- Не знаю сколько, тайджи знает, сколько... - уклончиво ответил гонец.

Поняв, что у гонца ничего не выведать, Бухолц замолчал. Берников вскоре подал письмо, Бухолц подписал, вручил его гонцу и приказал проводить его сержанту Урезову до выхода из городка.

- Иван Львович, - обратился он к Вельяминову-Зернову, - сколько провианту осталось, посчитал ли каптенармус?

- Я помогал, - ответил Вельяминов-Зернов. - Муки и сухарей потеряно из-за неприятельских действий с треть, круп осталось четей семь сот, почитай, половину унесли да попортили, вина ведер пятьсот потеряно же. Мясо и сало месяца на три растянуть можно... Посему, полагаю, надлежит порции всем сбавить, хлеба на четверть от прежнего, ветчины и масла на треть...

- Объявить о том в ротах, - токмо в караулы идущим и на часы давать полный рацион... Далее видно будет... Господа офицеры, надлежит всем думать, коим образом дать весть о нашем положении в Тобольск губернатору...

- Иван Дмитрич, чаю, лучше посылать охотников, кои сами пожелают, ибо без коня идти трудно, - сказал Вельяминов-Зернов. - Ладно, пусть идут охотники, - согласился Бухолц.

После объявления о желающих идти курьером в Тобольск Митька ходил три дня в раздумий. По доброй воле пошел вчера ночью вниз по берегу Иртыша незнакомый ему солдат из третьей роты. Но едва рассвело, калмыки провезли его со связанными руками на лошади вокруг крепости. И охотников больше не находилось.

Одиноко и тоскливо было Митьке после отъезда Лычагина и гибели Першина.

"Дожили, что и ножки съежили", - сердито думал он, злясь неведомо на кого. И, изнывая от одиночества - ни с кем как-то не сошелся более, - пришел однажды утром к Бухолцу. И вызвался пробраться в Тобольск.

- Как же ты намерен пройти, коли всех до того поймали? -спросил Бухолц.

-Все шли вниз по Иртышу, а я опробую тем же путем, каким спасся: ночью подымусь вверх по Преснухе к их лагерю, добуду коня, уеду в степь, а после на Тобольск двину...

- Ну, Резанов, коли доберешься, быть тебе сержантом. В том даю слово мое шляхетское! Получай провиант, какой надобен, и ступай с богом!

Митька собрался днем, а с шести часов до полуночи отсыпался. Кроме солдатской сумки, набил торбу салом и сухарями - путь неблизкий. В глухой тьме спустился к Преснухе. где во льду стояли вмерзшие дощаники, а между ними были проруби, откуда брали воду. На другом берегу сразу начинались рогатки и надолбы. Он прополз между ними, держа в правой руке заряженную фузею, приостановился прислушиваясь. На счастье, шел снег, и метелило почти как в ту ночь, когда он пробирался в крепость. До ближних кустов, что росли вдоль берега, было саженой двести, и он прополз этот путь, чтобы быть незамеченным, и только за кустами встал и, пригибаясь, пошел вверх по реке. Пройдя с полверсты, замер: рядом горели огни сторожевых костров, зажженных возле табуна. Но охранников было много, и Митька решил не рисковать, прополз мимо.

У озера никого не было, и Митька свернул к Иртышу и по левому его берегу пошел вниз по течению. Решил добираться без коня. Шел всю ночь, а едва забрезжил рассвет, перешел на правый берег и подремал часа три на дне оврага, настелив на снегу веток, и вновь пошел дальше, стараясь идти кустами или редко попадавшимися колками.

Одну из многих излучин, самую большую из встречавшихся до этого, решил миновать полем и едва вышел из кустов, как нырнул в них обратно: вдоль Иртыша двигался отряд конных всадников и санный обоз. Всмотревшись, увидел, что это были не калмыки, а казаки. Выскочил из кустов и побежал к ним, махая руками.

- Стойте, братцы, стойте!

- Откуда, служивый? - спросил его сидевший на коне чернобородый всадник.

- Из Ямышевской крепости, от подполковника Бухолца... А вы кто такие?

- Я Василий Чередов... Едем к контайше с посольством от губернатора,

- Остерегайтесь, братцы: Черен-Дондук воюет множеством людей крепость нашу, может и вас в полон взять.

- Как воюет! - слез с коня Чередов. - Гагарин старался с контайшой в мире быть...Рассказывай!

Митька рассказал о нападении.

- Да-а, вот дела, - задумчиво сказал Василий Чередов и обратился к стоявшему рядом Этигеру: - Тимофей Дмитрич, чаю. нам все одно надо далее ехать к контайше... Не тронут, поди... А ты, служивый, бери коня и скачи к губернатору. Токмо остерегайся разъездов калмыцких. Два видали... Гли-ко, не сказали нам, что Черен-Дондук воюет Ямышевскую крепость. Поди, Черен-Дондук нас уж поджидает... Езжай, служивый, передай губернатору Матвею Петровичу, что мы к контайше идем...

- Мне бы еще солдатский кафтан сменить, дабы менее приметным быть для калмыков.

- Возьми тулуп поверх, самый раз будет.

- И чарочку для сугрева, намерзся... Нашлась и чарочка, и Митька, радуясь, что все так удачно вышло, поехал вперед.

Ночью осмелился развести костерок в глубокой промоине на берегу Иртыша, попил чаю и до рассвета снова тронулся в путь.

К полудню проехал Толоконный Яр и только подумал, что еще немного и далее калмыков уж можно будет не опасаться, как вот они, калмыки, и явились. С десятков всадников неслись ему наперерез по луговине. Митька стегнул кобылу и с досадой отметил: "Слабовата..."

Сорвал с плеча фузею, пальнул в сторону догонявших и погнал к берегу Иртыша. Но доскакать не успел, его догоняли. Выхватив палаш, он успел еще перерубить накиннутый аркан, но тут же вторым арканом был выдернут из седла.

Глава 50

Илья Лычагин сопровождал денежную казну с солдатами капитана Бекишева, которую везли комиссары для выплаты жалования в полках Бухолца. Всего было послано двадцать тысяч рублей.

В караване было около семисот человек. Из них - рота новобранцев, остальные - торговые люди, посланные для торгу в контайшинных землях губернатором Гагариным.

Кроме солдат, сопровождавших провиант и казну, ехали и шведы: капитан Симе, поручик Дебиш, штык-юнкер Ренот и пастор. Ехала с женой Симса и Настя, уговорившая взять ее хотя 1 бы до Ямышева, в надежде свидеться с Каландером.

Едва караван миновал Железинку, а уж лазутчики Церен-Дондоба обнаружили его, и скоро все знали о помощи, идущей к Бухолцу.

Церен-Дондоб снял от крепости около трех тысяч своих воинов и в пятидесяти двух верстах от Корякова Яра возле урочища Последние Рыжки подошел к русским ранним мартовским утром, намереваясь напасть внезапно на растянувшийся почти на полверсты караван. Однако конные разъезды из тарских казаков, посланные Бекишевым вперед, им взять не удалось, и один из них предупредил о нападении. Обоз прижался к крутому берегу Иртыша, отгородясь от степи санными возами с мукой, меховой рухлядью и прочими товарами и провиантом.

Конная атака на санную крепость с ходу не удалась. Бесперывными залпами из фузей и двух пушек, бивших в упор, от грохота которых лошади калмыков взвизывались на дыбы и шарахались в стороны, солдаты и казаки отбили ее.

Тогда калмыки спешили и, прячась за трупы сородичей и коней, поползли к саням.

Поднявшееся утреннее солнце било окруженным в глаза, мешая стрелять. Разрывы ядер и бомб чернили снег вывороченной мерзлой землей. В безветрии висело радужно-искристое марево, из-за него, будто из ниоткуда, стаями вылетали стрелы, досаждавшие больше не солдатам, укрытым за возами, а тем, кто был сзади них на открытом берегу.

Но вот уж калмыки у возов и лезут вперед, размахивая саблями, колют копьями... Солдаты выхватили палаши, казаки сабли, и пошла рубка. У Лычагина от удара по копыю метившего в него калмыка сломался палаш. Он выбежал из свалки, выхватил из рук падавшего со стрелой в груди купца оглоблю, с ревом подскочил к саням, на которые уже вскарабкались калмыки, и пошел крестить так, что врагов будто ветром сдуло. Взял у раненого солдата фузею и опять ринулся в гущу боя, где калмыки напирала сильнее, работая штыком и прикладом.

Шведы бились вместе с остальными. Лишь пастор Магнус Албек, держа обеими руками крест, молился, присев за возком, в котором пребывала в полубеспамятстве от страха жена капитана Симса Кристина. Настя же перебежала от одного раненого к другому, помогала вынимать стрелы, перевязывала раны... Через полчаса и пешая атака была отбита.

Цагалук, командовавший калмыками, прислал гонца с повелением сдаться. Но капитан Бекишев ответил, что они идут торговать с контайшой, дабы быть с ним в мире, что придет от Ямышева подполковник Бухолц с войском и побьет калмыков. Потому он, Бекишев, и не сдастся.

На это гонец с усмешкой отвечал, что войско Бухолца давно побито, что они могут показать пленных из отряда Бухолца, а крепость-де взята.

Когда пленных, и правда, показали, Лычагин узнал в одном Митьку.

Бекишев призадумался, подошел к капитану Симсу и сказал:

- Неведомо, отобьемся ли... Казну бы сохранить и дать знать о войне губернатору Гагарину. Я учиню ложную атаку, а ты с двумя десятками солдат возьми лошадей, денежную казну и попробуй уйти по Иртышу, под берегом прячься.

Капитан Симе согласно кивнул, рассказал о предложении капитана Бекишева своим соотечественникам, и те решили попробовать уйти.

Навьюченные мешками с казной лошади тронулись вниз по крутому берегу, а Бекишев открыл огонь из пушек и пустил сотню драгун и казаков на противника, отвлекая внимание от спустившегося на лед Иртыша отряда капитана Симса, с которым уходил Лычагин.

Пройдя версты две вдоль крутого берега, увидели глубокий овраг, разрезавший берег реки почти до самой воды, поднялись по нему наверх и поехали полем, стараясь выйти на путь, которым шел недавно караван. Однако едва вышли на набитую дорогу, как из колка выскочили на конях сотни три калмыков и окружили их.

Капитан Симе выскочил из саней с обнаженной шпагой, призывая дать бой, заколол подбежавшего к нему калмыка, ловко отбил сабельный удар, пронзил второго и тут же был убит брошенным с коня копьём.

Увидев смерть мужа, Кристина дико закричала и рванулась к нему, но поручик Дебиш удержал ее, выхватил белый платок и замахал им.

- Мы, подданные его величества короля Швеции, сдаемся на милость контайши...

Лычагин погнал коня, пытаясь прорваться, но был схвачен и связан.

Весь их полоненный отрядик провели перед санным редутом Бекишева, где только что была отбита очередная атака, и повезли к Ямышеву.

Бой же у Корякова Яра продолжался весь день, и лишь к вечеру, израсходовав почти все заряды, когда калмыки полезли и от Иртыша, окруженные сдались.

Настя досталась при дележе взятых у Корякова Яра полоняников самому Цагалуку. Он сам ее выбрал, когда пленных выставили перед зайсангами. Взял за подбородок, открыл зубы, будто лошадь смотрел, охлопал всю и, удовлетворенно цокнув языком, попросил Церен-Дондоба отдать ему полонянку работницей в свои аймак.

А когда привел к себе в юрту, стоявшую рядом с пресным озером, накормил ее, отослал слугу и, ласково шурясь, заговорил:

- Ты добрый девка, жена мне будешь... Встал к Насте поближе, тронул жирным пальцем за шею. Она отпрянула и сказала испуганно:

- Нет, нет ...У меня муж есть. ..Бог накажет...

- Твой бог здесь нет, здесь мой бог... - ощерился Цагалук и, сопя, сорвал с нее сарафан. - Третья жена будешь... Любимый жена будешь. И обручем рук сдавил стан.

- Ладно, ладно, - сдавленно проговорила Настя. Когда ж Цагалук стал снимать с себя халат, кинулась к выходу, схватив на ходу свой полушубок, нырнула под дверной войлок и проскочила мимо стоявшего с копьём калмыка.

Цагалук громко крикнул, и стоявший у юрты калмык бросился за ней. И тут же в помощь ему спешили со всех сторон другие. Убегать ей можно было лишь в сторону озера. Она вбежала на лед, кинулась вдоль берега. Но путь был уже отсечен. Побежала от берега, наткнулась на прорубь и, чувствуя за спиной дыхание преследователей, перекрестилась и прыгала в воду, услышав напоследок, как хрустнул тонкий ледяной затяг проруби. Подбежавшие увидели лишь черную взволнованную воду да покачивающиеся на ней прозрачные пластинки льда.

Глава 51

Контайша Цеван-Рабдан весь день был столь суров, что никто не смел войти в его юрту. Ни Галдан-Церен, наследник, сын первой жены Тюпту Араптан, ни самые именитые зайсанги не смели войти к недовольному Эрдени Жырукту и ожидали, когда выйдет из юрты успокоительница владыки, вторая жена, любимая жена Сёдерган, дочь Аюки-хана. Это из-за нее когда-то начал войну с казахами контайша...

Ныне ж было от чего помутиться его душе: уже месяц змеи* уходит, а вестей от Церен-Дондоба о победе над русскими нет. Со всех сторон обступили враги его страну. Сибирский князь Гагарин и тот посмел обмануть его, ударил, стал врагом, когда хошоуты противятся его власти. Их правитель Чжебзун-Дамба-Хутухта призвал в помощь маньчжуров и китайцев, и те идут на город Турфан... Как нужен там ныне Церен-Дондоб, а ему приходится стоять без пользы у Ямышева.

Наконец Седерган вышла и слегка кивнула Галдан-Церену. Тот вошел в юрту, почтительно поклонился.

- Что ты мне хотел сказать, сын?

- Твой брат Дондоб с людьми своими проводил к тебе русское посольство... Русские принесли подарки, прося принять их. Говорят, что Гагарин послал караван в твои земли для торгов и хочет жить с тобою в мире...

- Брат мой что передал? Взял крепость?

- Нет, отец. Он взял караван русских...

- Я не хочу видеть никаких русских послов! Гагарин обманул меня, начал войну!.. Знают ли русские послы, что взят караван?

- Нет, они взяты раньше... Отец, прими их, если царь пошлет большое войско, нам не устоять против стольких врагов! Надо нам с царем быть в мире.

- Не я пришел в его земли, он пришел в мои земли, он держит моих послов...

- Прими русских, отец!

- Ладно, пусть идут! - раздраженно согласился контайша.

Когда Цеван-Рабдан оделся в парадные одежды, Галдан-Церен велел позвать Василия Чередова. Через некоторое время дверной войлок приподнялся, и в юрту вошел Чередов. Снял шапку и, не дойдя до контайши трех шагов, остановился и торжественно сказал:

- Великого государя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца и многих государств и земель обладателя, его царского пресветлого величества губернатор Сибири князь Матвей Петрович Гагарин изволил прислать меня, Василия Чередова, к вам, владетельному калмыцкому контайше Эрдени Журюкту, свою грамоту...

Поклонившись в пояс, Чередов подал контайше грамоту. Тот правой рукой взял ее и передал Галдан-Церену.

- Его царского величества губернатор Сибири князь Матвей Петрович Гагарин, - продолжил Чередов, - повелел мне объявить вам, контайше, свою милость и велел сказать, что желает жить в мире и торговать, и изволил послать к вам разные вещи.

Он дал знак рукой, и к контайше его, Чередова, люди подходили и складывали у ног подарки: связки бобровых шкурок, соболей, выдр, два больших зеркала, зрительную трубку, зажигательное стекло... Контайша равнодушно взирал на богатые подарки, и, лишь когда подошедший из казаков поднес двух охотничьих кречетов, он оживился, поставил одного из них себе на локоть, полюбовался, и, отдав, вновь нахмурился, и спросил Чередова:

- Как здоровье его царского величества?

- О его пресветлом царском величестве надлежит говорить стоя и без шапки, - сказал Василий Чередов согласно данной ему Гагариным инструкции.

Толмач еще не успел перевести, как контайша в гневе вскочил и заорал, мелко тряся клинышком бороды:

- В своем доме я буду поступать по нашему обычаю!.. Царского указа строить крепости не было, те земли мои! Губернатор своевольно поставил крепость у Ямышева!.. Я возьму и сожгу ее! И вас убью!..

- Коли учинится с твоей стороны наше убийство, то и впрямь война с тобой будет, - спокойно глядя в разъяренные глаза владыки, сказал Чередов, - и ты узнаешь, сколь сильное войско имеет его царское величество. А подполковник Бухолц послан его царским величеством для отыскания рудных мест, а не для войны. И надлежит тебе посему отойти от крепости и помешки в тех его делах не чинить...

Контайша резко махнул рукой, приказывая увести посланцев, и тех взяли под караул.

Глава 52

Пятый день Илья Лычагин был в бегах. Он намеревался пробраться к Иртышу и по берегу выйти к Ямышеву или связать плот, ежели Иртыш вскрылся, и плыть водой.

За месяц это уже был третий его побег от хозяина своего, зайсанга Басана, которому он достался при дележе полоняников, взятых у Корякова Яра. На чужбине оно, словно в домовине.

Дважды его ловили в первый же день и в последний раз всыпали тридцать плетей, и несколько раз ударили палкой, которой ломают сучья для очага (русские полоняники называют ее дровоколотной палкой). К этому побегу он готовился лучше. Копил сухари из лепешек, а в ночь побега украл сушеного мяса и сыру и бежал, прихватив и нож.

Оставшуюся еду можно было еще растянуть на неделю. А до Иртыша, по его подсчетам, осталось идти дня два. Шел он больше ночью по звездам, а днем отсыпался в какой-нибудь ложбинке на сухой траве под уже изрядно пригревавшим солнцем.

Сегодня же решил идти и днем, чтобы миновать скорее степь, где во всем окоеме не было видно ни кустика. Лишь изредка гладь равнины прерывали кочковатая сыпь заболоти да проплешины солончаков. Шагая, он вертел в разные стороны головой, опасаясь погони, хотя в душе надеялся, что ушел уже далеко и, может, искать его перестали. Утомившись, он собрал охапку сухого курая и лег на него. Отломил кусочек овечьего сыру, и долго жевал, и глотал небольшими частями.

Отдохнув, встал и тут же упал ничком: в полуверсте сзади ехали рысцей конные калмыки. Раздался гик, Лычагин, поняв, что его заметили, вскочил и изо всех сил побежал к видневшемуся рядом солончаку.

Калмыки поскакали к нему, настегивая плетками коней. Илья добежал до солончака и полез, утопая в грязи, в середину его, в душе понимая, что опять попался. Грязь доходила до самого верха голенищ сапог, но ниже не проваливался - держала мерзлота.

Солончак был небольшой: в ширину шагов сто да в длину двести. Калмыки окружили его, не решаясь или не желая лезть в грязь.

- Русак, иди, - поманил его один кнутовищем.

Лычагин отрицательно замотал головой. Тогда двое калмыков подняли луки и пустили в него стрелы. Одна стрела просвистела над ухом, вторая пробила штаны выше колен и зацепила кожу.

- Иди! - опять сказал калмык, знавший несколько слов по-русски.

"Убьют, гады," - с тоской подумал Илья и полез из солончака. Едва ступил на твердую землю, как к нему подлетел конный калмык и ударил плашмя саблей по голове.

Шапка слетела, Лычагин сел, обхватив голову руками, а вокруг него захороволили пятеро конных, стегая плетями. Когда же он упал ничком, его посадили на лошадь, стянули ноги веревкой под брюхом лошади и повезли в улус Басана.

Басан-Церен был весьма доволен, что пленного поймали, и решил для острастки другим засечь его публично.

Двести плетей вынес Илья Андреев сын Лычагин, другие б уже Богу душу отдали, а он и памяти не лишился. Тогда слуги положили его руки между двумя камнями, и сам хозяин взял дровоколотную палку и подошел к Лычагину.

"Ломать хочет..." - зашептало в кучке собранных полоняников. Но неожиданно Басана остановил приехавший в гости и наблюдавший за наказанием его брат Духар.

- Басан, отдай его мне. Русак - сильный работник. Мертвый русак - плохой работник. Мой улус далеко, от меня не убежит... Басан-Церен задумался на миг, отбросил палку и сказал:

- Бери, Духар!

Шесть дней вез Лычагина к себе Духар с каждым днем все дальше и дальше от Иртыша, по которому куда легче можно было добраться до своих. На седьмой день, когда показались вдали горы, приехали в его юрты, стоявшие в урочище Девяти бугров.

Вечером в юрте, где ночевали работные полоняники, к великому изумлению, Лычагин встретил Митьку Резаного. Оба страшно обрадовались друг другу, кинулись в расспросы.

- Не слыхал ли че, как там наши у Ямышева?

- Две недели тому, на Пасху, еще стояли, а ныне не ведаю, -ответил Митька.

- Как далее жить думаешь?

- Как и ранее жил... Бежать хочу, - прошептал Митька. -Иртыш, поди, открылся... А ты че думаешь?

- Я тоже побегу, как оклемаюсь малость...

- Айда со мной!

- Ногу мне стрелой зацепило, без лошади не убежишь, да и провианту нет... А коли поймают, пожалуй, убьют - столь бегал уже...

- У меня все припасено: и провиант, и нож, и даже лук старый наладил и припрятал... И лошадь добудем!

- Как? - заинтересовался Илья, и глаза его блеснули от новой надежды.

- Скоро пошлют меня дрова ломать, с верст десять в урочище... А в верстах двух от юрт этих есть место, где кусты растут. Ты в тех кустах схоронишься. Утром я на телеге подъеду, бросим ее в кустах, а сами пойдем к Иртышу...

Все сошлось как нельзя лучше. Они ушли незамеченными и степь прошли, не наткнувшись ни на одного калмыка, хотя пробирались десять дней до Иртыша, который давно уже очистился ото льда.

Лошаденка, неказистая на вид, оказалась ходкой, терпеливой и везла на себе двоих, будто одного. Благо, что корм был прямо под ногами - тянулись к апрельскому солнцу ярко-зеленые степные травы.

На третий день пути по берегу пришлось сделать на полдня остановку. Провиант вышел и решили добыть рыбки. Лычагин сплел из тальника морду, перегородили небольшую протоку и столько наботали в морду рыбы, что объелись до икоты. Отобрали нельмы пожирнее, набили торбу, а мелочь на таловых куканах приладили на шею лошади, чтоб на ходу вялилась, и поехали дальше.

- Что, Илья, скоро ли Ямыш-озеро будет? - спросил Митька, сидевший за спиной Лычагина. - Не пора ли вправо в степь брать, калмыки-то, чай, под крепостью еще... Напороться можно...

- Еще дня три можно ехать покуда. По рассказам знаю, что от Качиры, где камень кончается, ежели отсюда ехать, дней пять, а перед Ямышем будет Черная речка, от той речки и свернем...

Но долго ехать вдоль берега им не пришлось. За очередной излучкой путь преградила протока, далеко вдававшаяся в степь, за ней виделось еще несколько протоков. Стали объезжать и наткнулись на разъезд калмыков Церен-Дондоба.

- Гони к реке! - крикнул Митька Лычагину и, схватив его под мышки, плотно прижался к спине, Илья развернул лошадь и погнал к Иртышу.

- В воду, в воду гони! - кричал Митька. - На тот берег поплывем.

Погоня настигала. Однако Иртыш был уже рядом. У воды лошадь замаялась, но, подстегнутая, сначала осторожно ступила, нащупывая дно, а затем разом ухнула в воду.

С берега полетели стрелы, Митька охнул и повалился боком в воду. Лычагин, держась за повод, перевалился за лошадь и, пряча голову за гривой, поплыл с ней, сносимый течением. Митьки на воде не было.

Тело пронзило до костей ледяным холодом, и подумалось с тоской, что, пожалуй, до другого берега не доплыть, слишком широк Иртыш в половодье. А кобылка, будто почуяв его опасения, потянула к ближайшему берегу. Протока исчезла за поворотом, и Лычагин стал подгрести одной рукой к берегу. "Один, может, уйду", - мелькнула мысль.

Но тут случилось неожиданное. Едва почуяв твердую почву под копытами, кобылка так рванулась, что онемевшие пальцы не удержали скользкий повод, и кобылка побежала в степь.

Крича, Илья пытался догнать ее, но, пробежав с полверсты, упал ничком в изнеможении.

А когда, отдышавшись, поднял голову, увидел скачущих к нему всадников. "Господи, да что же это! - в отчаянии подумал он. - Опять попался..." И сжался в комок, готовый принять побои.

Глава 53

Когда плененных у Корякова Яра провели в виду защитников Ямышевской крепости под сильной охраной с торжеством и насмешками, Бухолц понял, что помощи в скором времени ждать неоткуда. Будь кони целы, попробовали бы отбить плененных, а так, пеших, в снегу сомнут разом. И хотя провианта было еще достаточно, уже о том, чтобы двигаться дальше, он и думать перестал. Главное теперь было - устоять и хотя бы отогнать осадивших калмыков с губернаторской помощью. Да как передать ему о их положении?

Церен-Дондоб после взятия каравана с провиантом и казной вновь присылал человека своего с предложением сдать или убрать крепость и уйти, иначе грозил уморить голодом. Бухолц отвечал как и в первый раз.

Угроз врага он не боялся. Да и те сами поняли, что атакать крепость им не взять, и не совались. Только однажды, сразу после того, как провели под стенами курьера Дмитрия Резанова, бросились было на штурм, желая сжечь дощаники, стоявшие на Преснухе. Однако сержант Андреян Урезов приказал перед тем полить борта дощаников водой, и стрелы с огнем, которые метали калмыки, впивались в обледенелые борта и не причиняли вреда.

Но с той поры минуло уже почти две недели, и Бухолц иной раз сожалел, что противник не атакует, ибо увидел главного врага, что поселился в крепости, - уныние.

Солдаты ходили хмурые, на многих лицах - безнадежность. Каждую почти ночь кто-нибудь из солдат дезертировал. Но все дезертиры попадались калмыкам, и те показывали их осажденным с завидной регулярностью, почитая за курьеров.

Бухолц приказал офицерам строго выполнять положенные службой рунды, требовать от солдат соблюдения артикулных правил и следить, чтоб в безделье не пребывали, оружие в исправности бы держали. Сержанты Урезов и Островский доложили, что среди солдат ропот, что-де таким малым числом идти в столь дальние места не следовало и что, говорят, надо бы возвращаться.

К тому же среди защитников крепости появилась болезнь скорбут. Многие ходили с красными воспаленными деснами, с шатающимися зубами. А иные и вовсе выплевывали зубы, неосторожно куснув сухарь или корку хлеба. Солдаты мечтали о луковице и репе и ждали весны, рассчитывая хоть кислицы добыть.

А в апреле новая напасть открылась. Трупы калмыков и лошадей, остававшиеся до того под снежным покровом меж рогаток и вокруг почти всей крепости, оттаяли и стали разлагаться, распространяя зловоние, от которого в какой-то мере можно было укрыться лишь в землянках. По крепости же ходили, прикрывшись тряпицей.

Особенно от тошнотворного запаха страдали часовые. Отстоять два часа у рогаток стало истинным мучением. Профосы не справлялись с уборкой трупов у рогаток, и Бухолц приказал посылать людей из рот, и те несколько дней забрасывали останки землей или закапывали. Калмыки не препятствовали этому делу. Однако полностью истребить запах не удалось. Каждое утро после ревеллии Иван Дмитриевич собирал в своей избе офицеров, давал указания на день, слушал доклады.

Уже давно стало ясно, что курьера послать можно будет только водой, и все ждали вскрытия Иртыша.

Однажды под утро Бухолц проснулся от треска ружейной пальбы. Он принялся одеваться, и тут вошел денщик Степан и, перекрестившись, сказал:

- Иван Дмитрич, слава богу, дождались: проснулся батюшка-Иртыш, лед пошел!

Бухолц тоже перекрестился и облегченно вздохнул. Едва рассвело, собрались офицеры, и все пошли на берег. Лед шел, но еще так плотно, что открытой воды почти не было. В воздухе стоял непрерывный шорох и треск. Огромные полотнища льдин вздымались вдруг отвесно, выпираемые снизу страшной силой, и, блеснув влажной оплавленной изнанкой, падали на другие льдины, громоздились на них, образуя ледяные надолбы и рогатки, которые никому из стоящих на берегу не были страшны, и которым скоро суждено было обратиться в воду.

- Чаю, Иван Дмитриевич, дня через два и лодку можно будет отправлять, - сказал майор Вельяминов-Зернов.

- Только ночью, дабы не перехватили.

- Все одно перенять могут, Иван Дмитрич, - сказал денщик

Степан, сплюнув под ноги кровавую слюну (тоже страдал от скорбута), - можно прямо нонешней ночью отправить на льду... Бухолц вопросительно посмотрел на него. - Лодку надо на льдины поставить, закрыть другими льдинами, будто груда плывет... Когда унесет подальше, сесть в лодку и иди водой.

- А ведь верно! - воскликнул Бухолц. - Вечером получишь чарку от меня к ужину!

Ночью у самого устья Преснухи зацепили баграми проплывавшую мимо большую льдину, втащили на нее лодку. Внутри ее кинули весла, лом, еду для курьеров - двух сильных солдат из первой роты, обложили борта лодки льдинами, сверху навалили так, что лодки не было видно вовсе, оставив лишь небольшую дыру, чтобы можно было вылезти. И, наказав солдатам, чтоб не высывались как можно дольше, оттолкнули льдину от берега. Минута - и, подхваченная течением, она исчезла в темноте.

Три дня Бухолц был в тревоге, с суеверным страхом ожидая увидеть курьеров пойманными у стен крепости, и лишь на четвертый день успокоился, понял, что прошли курьеры, и теперь оставалось только ждать.

И хотя понимал, что ждать придется долго, что немало воды утечет, пока курьеры доберутся до Тобольска да пока соберется помощь. Войска-то готового нет... Но теперь можно хоть солдат подбодрить, обнадежить. С надеждой уйдут уныние и беспросветность.

Однако, с другой стороны, он уже не верил в то, что, ежели ему и пришлют столько же солдат, сколько у него осталось сейчас - полторы тысячи, - можно будет таким числом идти вперед согласно указу. Оттого на душе было неспокойно.

Но вот новая напасть заслонила все раздумья, не напасть цаже - беда.

Пополудни прибежал к нему поручик Каландер и встре-воженно сказал:

- Господин подполковник в крепости моровая язва!

У Бухолца будто оборвалось что внутри.

- Доподлинно ли сие так? - не сразу спросил он.

- Пушкарь Широков видел у двоих солдат, что моровая язва. У него пять лет тому брат помер от язвы, и сам он страдал от сей болезни да излечился...

- Где Широков?

- Со мной прибыл.

- Зови.

Когда Широков вошел, Бухолц спросил:

- Верно ли ты определил, что у солдат моровая язва?

- Кроме нее, нечему быть, ваше высокоблагородь, она... Сам при смерти был от сей болезни и не раз видеть доводилось. В жару лежат... По коже красны пупыри, будто с водой внутри, и зудят, спасу

нет! Как лопнут, колечко тако малиново остается на теле, а вокруг него опять пупыри появляются... Те солдаты падлу третьего дня убирали с рогаток, чаю, она там к ним и прицепилась. Теперь пойдет гулять...

- Ты, господин поручик, сказывал, излечился. Коим образом?

- Прокалывали иглой пупыри-то да сулемой с нашатырем струпя обмывали. Дак не всем и это помогат...

- Можно ли еще чем лечить?

- Дак у нас чем... Разве что табак в вине мочить да прикладывать, другого средства тут не придумаешь. Бухолц вызвал срочно всех офицеров и сказал: - Господа офицеры! В крепости обнаружена моровая язва. Посему всем солдатам, у кого едва появится зуд или жар, немедля тому надлежит отправиться в специальные землянки, где надобно держать больных отдельно от прочих, чтобы пресечь болезни распространение. Больным выдавать табак и водку для лечения...

Но, несмотря на принятые меры, через два дня больных было уже десятка три, а вечером умерли два солдата, что занесли язву в крепость.

Еще через день уже две землянки были полностью забиты больными. Табак, прикладываемый к язвам, мало кому помогал, и с каждым днем умирало большее число заболевших солдат. Через неделю только за один день умерло сразу тридцать человек.

В похоронную команду солдаты шли, как под аркебузи-рование. Да и то: из десяти человек, определенных четыре дня тому в эту команду, ни одного здорового не осталось. Не помогли ни смоленые фартуки и рукавицы, ни лишняя чарка водки на день.

Каждое утро из землянок с больными выносили мертвецов и хоронили в дальнем углу городка в общих могилах.

По утрам офицеры докладывали, что солдаты начинают роптать, что-де завели их сюда без лекарств подыхать, что офицеры небось не болеют, есть чем от хвори оградиться, что многие бегут из крепости, лучше-де быть в полоне, нежели в яме без домовины, будто скотина схороненным...

Больше всех забот прибавилось отцу Василию. Каждый день отправлял он заупокойную литургию, а в иной день и не по одному разу приходилось службу чинить на похоронах. Да ходил к больным и наставлял солдат: "Братия, образ примите злострадания и долготерпения, уповайте на Господа нашего Иисуса Христа, правдою Своею избавит вас, приклонит ухо Свое к вам и спасет..."

А в палатке церковной, заместо сгоревшей при штурме вновь поставленной, уединившись, молил отец Василий за всех недужных каждодневно:

- Нехотяй смерти грешных, пощади и помилуй рабов Твоих из российского воинства, запрети болезни, остави всю страсть и весь недуг...

И хотя никого он не призывал, тянулись к церкви палаточной солдаты и, столпившись у открытого входа, шептали за отцом Василием:

- Огненную болезнь Петровой тещи прикосновением Твоим исцеливый, и ныне люте страждущих рабов Твоих, болезнь милосердием Твоим исцели, здравие им скорее подавая...

Завершали молитву возсыланием Пресвятой Троице славу и заключали громким и согласным аминем.

Но болезнь распространялась с каждым днем все свирепее. В день уже менее полутора десятков и не отходило. Да постольку же бежало из крепости, и гарнизон таял на глазах. Даже табаку уже на всех не хватало. Опасаясь потери офицеров, Бухолц приказал им споласкивать руки водкой, но они отдавали ее солдатам.

Иван Дмитриевич уже изуверился, что можно с мором совладать, и не знал делать. Вернее, знал, да боялся сказать даже себе. Пока однажды, оставшись с ним наедине, майор Вельяминов-Зернов не сказал:

- Иван Дмитрич, помощь, полагаю, придет к нам не ранее как через полдва месяца. За время сие все можем здесь произдохнуть. С моровой язвой шутики плохи!.. Уходить надо...

- Уходить? А за неисполнение указа царского с кого спрос будет?..

- В том Божий промысел, и предвидеть сего невозможно было. Да и ведомо стало мне, что таким числом дойти до Еркети невозможно, о том и я говорить буду. Собери офицерский совет, коли все решат уходить, то сидеть тут нечего. Сам, поди, ведаешь?

На совете решено было уходить через три дня. И закипела работа: грузили на дощаники остатки провианта, амуницию, пушки... Ломали острог крепости, землянки, избу-штаб... Когда доламывали амбары, от калмыков пришел человека поповской рясе.

- Кто таков? - спросил Бухолц.

- Отец Афанасий я, с караваном шел к вам, да был взят у Корякова Яра. А ныне Черен-Дондук отпустил, ибо уход ваш ему в великую радость...

- Кабы не мор, показал бы я ему радость, - сердито сплюнул Иван Дмитриевич и заметил, что слюна красная. Тоже скорбует подкрался.

Последними погрузили больных на отдельный дощаник, которому надлежало идти поодаль от остальных.

И апреля 28 дня восемнадцать дощаников отчалили от берега и, подхваченные течением, поплыли, унося на себе 700 человек, четвертую часть от прибывших осенью к устью Преснухи.

Глава 54

Два дня душа и тело отдыхали. Иван Дмитриевич расслабленно лежал почти все время в каюте своего дощаника, наслаждаясь безопасной тишиной. Калмыки сопровождали по берегу только первый день, а после ушли.

Однако скоро в душе зашевелилась потихоньку тревога, и к вечеру третьего дня навалилась всей тяжестью.

Царский указ не выполнен, и, как ни крути, отвечать ему, от лейб-гвардии капитану подполковнику Ивану Бухолцу. А уж как не любит государь Петр Алексеевич, когда его указы не выполняются, он ведает.

Но разве есть в том его вина? На такие расстояния без коммуникации ходить можно ли! Да и в указе было сказано, чтоб коммуникации не потерять, иметь редуты один от другого ходу не более, как неделю. А от Чернолуцкой слободы в неделю разве дойти, не говоря уж о Таре, водой от нее вон вообще два месяца шли. И не его вина, что сей пункт данной ему в Санкт-Петербурге инструкции не выполнен: ведь губернаторским указом идти ему было велено до Ямышева. А надо было поначалу ставить редуты, как в инструкции говорилось.

Эти мысли ободрили его. Стало быть, ежели поставить до Ямышева крепость, будет хоть что-то сделано, и царский гнев минует его. Но где ставить крепость?

Вспомнились разговоры с Ремезовым перед отплытием, в Таре с полковником Немчиновым, что хорошо бы Барабу прикрыть от казачьей орды, оглядел мысленно весь путь до Ямышева и в конце концов решил, что лучшего места, как и советовали они, чем в устье Оми-реки, не сыскать.

На одной из остановок у Железинки, когда вышли на берег, сказал о своем решении офицерам.

- Место доброе, только о сем надобно губернатору писать, чтоб он то указал, - сказал майор Вельяминов-Зернов.

- Да людей в прибавок получить бы, - добавил поручик Каландер. Бухолц кивнул, соглашаясь. - О том писать буду с места... И вот после недельного пути пришли к устью Оми. Едва причалили к берегу, как солдаты высыпали на ярко-зеленую луговину, пестревшую цветами мать-и-мачехи, медуницы, горлицы, и разбрелись в поисках щавеля. А иные из березового леса, начинавшегося саженьях в пятидесяти от берега, скоро вынесли полные шапки морщинистых грибов.

- Ты чего поганых набрал? - остановил одного солдата поручик Каландер.

- Никак нет, вашбродь! - вытянулся солдат. - Сей гриб съедобный, сморчок зовется! Щас грибного отвара сварганим, а то все каша да каша, приходите отведать, ваше благородие!..

- Ладно, ладно, ступай, - сказал Каландер и пошел осматривать местность.

Часа через два пришел к Бухолцу, который только что подписал письмо князю Гагарину и отправил курьера в Тобольск.

- Иван Дмитрич, - обратился Каландер, - куда нету указа от губернатора, надо, полагаю, для охраны провианта поставить простые редуты. Один вот прямо здесь, - указал он рукой на угол, образованный Иртышом и Омью, - другой сделать на взгорке, огородив оные редуты частоколом.

- А коли губернатор повелит, крепость ставить где думаешь?

- В саженьях пятидесяти, вон там на взгорке у Оми, - показал Каландер и начертил на земле концом шпаги пятиугольник. - Крепость сию надобно ставить более основательно, нежели у Ямышева. Мыслью сделать ее в форме пятиугольника с болверками на углах, на коих установить батареи числом не менее

восьми, дабы все куртины простреливались. Место сие весьма к строению крепости способно. Одну стену можно поставить на крутом берегу Оми, и с сей стороны ров рыть надобности не будет, у остальных четырех стен вырыть ров, перед оным установить надолбы и рогатки...

- Стены каковы думаешь ставить?

- Лесу тут доброго довольно есть, насыплю вал, а по нему поставлю острог: бревна по аршин семи и более можно вкопать... К тому же луговину сию от реки до крепости можно рвом перегородить, весьма способна сия луговина для сохранения коней... В стенах с полуденной стороны на Барабу и на Железинку, а также к Иртышу надлежит выполнить ворота крытые, позднее, по надобности, и в других стенах можно сделать...

- От Оми ворота сразу делать надобно, ибо во всех крепостях водяные ворота имеются...

- Можно сделать...

- Ладно, поручик, ставь покуда редуты, как говорил, и будем ждать указа губернатора.

К его изумлению, ждать пришлось недолго. Не прошло и двух недель, как к устью Оми прибыла партия новонабранных рекрутов и казаков с инструментом и провиантом.

В письме Гагарин писал, чтоб крепость ставили и что будут еще две партии рекрутов. С коими, поставив крепость, надлежит опять же идти к Еркети. Последнее весьма огорчило Ивана Дмитриевича. Решил непременно писать губернатору, что таким числом дойти невозможно, или встретиться с ними поговорить. Но покуда надо было строить крепость.

Работа хоть и шла вовсю, но дел было еще много. Пока же насыпали вал по разметке Каландера, готовили бревна для острога, выбирая самые высокие и прямые березы. Через две недели еще пришли две партии помощников, Строеение крепости пошло заметно скорее. О предстоявшем же походе в ставшую ненавистной степь Иван Дмитриевич старался не думать.

Глава 55

Прошло более двух месяцев со дня отправления денежной казны с караваном к Ямышеву, уж март миновал, а известий ни от капитана Бекишева, ни от самого Бухолца, ни от посольства Василия Чередова и Тимофея Этигерова не было, и губернатор Матвей Петрович Гагарин был в беспокойстве. Не стряслось ли чего? Однако гнал от себя дурные мысли. Посланцы уехали в полном уверении, что государь с контайшой желает быть в мире и китайскому императору ни в чем потакать не намерен.

Да и Василий Чередов послан с полной мочью в том же контайшу уверить и грамоту подать. Бог даст, добудет подполковник эркетское золото.

От одного еще была душа не на месте. Едва Матвей Петрович отправил в Сенат табель о расходах на экспедицию Бухолца, составленную ландрихтером Иваном Чепелевым, как в Тобольск, проездом к Бухолцу, прибыл курьер из Сената. Ларечный Степан упоил его и прочитал указ подполковнику, чтобы он прислал подробную ведомость всего, что с ним отправлено, порознь и с указанием цены.

Понял Матвей Петрович, что с его табелью сравнить хотят, верны ли расходы, им указанные. И посему послал в Сенат еще одно собственноручное ведение о том, что как и прежде из Сибирской канцелярии сбор выделить невозможно, и просил зачесть в недоплату казну, потраченную на Бухолцев поход. Хотя и понимал, что сие вряд ли поможет: круто взялись за него, без Нестерова явно не обошлось.

Ну да ладно, поглядим еще, чья возьмет, господин обер-фискал!

Спасибо благодетелю Алексею Васильевичу Макарову - отвел беду. Ему дал знать, что со смертью обер-коменданта Бибикова опасаться некого...

Заметил Матвей Петрович, что сии дела московские, хоть и важны весьма, но за дальностью ли, со временем от него как бы отдалялись, и чем дальше он жил в столице Сибири, тем более иной раз казалось, что вовсе его не касаются. Только бумаги и напоминали о делах тех...

А трудов было и без того по самую маковку по Сибири. Да и в одном Тобольске хватало. После пожара летнего посад надо было отстраивать. У обер-коменданта Карпова голова шла кругом от просителей: тому лесу надо, тому вспоможение... С ясашным народом же хлопот немало, не только ясак собрать надобно, но и от язычества и магометанства отвратить. В сем деле великие труды свершает владыка Филофей, что принял вновь обширнейшую епархию.

Встревожился не на шутку Матвей Петрович, когда в конце первой недели апреля от воеводы Кузнецкого острога пришло известие, что в стычке у острога взят казаками в полон теленгутский

калмык и оной теленгутский калмык хвастал, смеясь, что-де скоро контайша всех русских побьет, кои на его землях строятся, как побил русского полковника у Ямыш-озера. Воевода спрашивал, сведем ли о том губернатор.

Гагарин успел лишь дать указ в Тару полковнику Немчинову, чтобы тот послал лазутчиков к Ямышеву и узнал все о Бухолце, как прибыли наконец-то курьеры от самого подполковника и поведали обо всем, что делалось в крепости.

"Не может быть, не может быть!" - только и думалось поначалу. Тут же начал выпрашивать у курьеров, не учинилось ли с ихней стороны контайшиним посланцам какого утеснения и обиды, стремясь дойти до причины подобной вражды от контайши.

Но курьеры отвечали, что подполковник обходился с посланцами ласково и для защиты от казачьей орды послал с ними поручика Трубникова и пятьдесят солдат. С приходившими же для торговли калмыками также обходился ласково, все им показывал, однако ж калмыки внезапно ночью напали... А ныне в крепости моровая язва и скорбут...

Матвей Петрович призадумался. Кабы не мор, он был уверен, крепость калмыкам не взять. А ныне надобно посылать помощь без задержки. Но войска готового нет. А покуда соберешь рекрут, не дай бог, перемерут еще в крепости все.

От последней мысли бросило в жар. Коли вся амуниция и пушки попадут к противнику, несдобровать ему. Петр Алексеевич не простит, попадешь в опалу. А главное, свидетелей не будет того, сколько к походу послано провианту и амуниции, сколько денег израсходовано. Попробуй докажи...

Однако ж одними думами и маемой делу не поможешь, и Матвей Петрович велел обер-коменданту Карпову и коменданту Траурнихту объявить наисрочнейший набор рекрут и казаков в помощь подполковнику Бухолцу, в первую очередь, в Тобольске я Таре. Всех послать, кого можно. Во главе отряда приказал быть подполковнику Матигорову и велел ему готовить к отправлению новонабранных рекрут.

Но через две недели, когда стали прибывать уже из уездов рекруты, пришло письмо от подполковника Бухолца от устья Оми, в котором он писал о том, что принужден был оставить крепость, писал, что людей осталось семьсот человек, о том спрашивал, надлежит ли ставить крепость в устье Оми-реки, которую он начал закладывать, просил прислать аптеку и лекарей.

Матвей Петрович вызвал к себе подполковника Матигорова. и сказал ему:

- Пойдешь немедля к Бухолцу, что ставит крепость в устье Оми-реки. Возьмешь всех рекрут, что к сему дню прибыли, и от полковника Немчинова в Таре возьми сотни две казаков и иди с провиантом и строительной снастью к подполковнику. Придя, помогай ему крепость ставить.

Покуда ставите крепость сию, пришлю в дополнение еще рекрут. Летом же возьмешь половину людей, кои к тому времени придут, из новонабранных и отправишься к Ямышеву. Коли калмыки противиться будут сильно, то отступи обратно в крепость в устье Оми или, ежели то возможно будет, между крепостью на устье Оми и Ямыш-озером поставь иную крепость, усмотря место к тому способное, дабы иметь войскам коммуникацию. Коли у сломанной Ямышевской крепости калмыков не будет, возобнови ее.

Подполковнику же Бухолцу передай, что указ его царского величества выполнять надлежит, и чтоб, получа пополнение, готовился б опять к походу, согласно ранее данному мною указу, к Эркети.

Да проведать старайся доподлинно, отчего война с контайшой учинилась, ибо всегда мы старались быть с ним в мире - и торговали, и пословались. Сведай также, коли озможно, что учинилось с посольством Василия Чередова...

Глава 56

Едва царь вышел на палубу своего корабля "Ингермоланд", стоящего на Копенгагенском рейде, как ударили барабаны, и построенная команда замерла, устремляя взор на него. Петр, сутулясь, в морской куртке с широким поясом, при шпаге, подошел к грот-мачте и кивком дал знать, чтоб начинали килевание.

Наказывали матроса, заснувшего на карауле. В исподнем, со связанными руками и ногами, его подволокли к борту, привязали конец пенькового троса, пропущенного под килем, петлей под мышки, другой конец - к ногам и приготовились опускать за борт. Повернув голову к царю, матрос взмолился:

- Смилуйтесь, ваше величество!

- Сие в назидание другим, кто инструкции забывает! Ибо там писано: кто на карауле спящ обрящется, будет трижды проволочен под корабль!

Петр подошел к борту и стал смотреть, как матроса опускают вниз головой в воду. Когда наказуемый исчез под днищем корабля, он медленно пошел к другому борту. И так же медленно подводой протягивали матроса. У грот-мачты постоял минуту, столько же трос не тянули. Едва дошел до другого борта, в тот же миг из воды показалась голова матроса с выпученными в ужасе глазами. Он закашлялся, тело его, приподнятое над водой, судорожно извивалось. Не давая очухаться, Петр дал знак на второе погружение, обрекая провинившегося на смерть.

В другой раз он, может, и пощадил бы несчастного, но ныне копившаяся досада требовала выхода. Не дожидаясь конца экзекуции, ушел к себе в каюту.

В душе он давно понял, что десанта в Шонию, ближнюю к Дании провинцию Швеции, дабы принудить Карла к капитуляции или к миру, этим летом не будет. И хотя решено еще собрать по десанту сему генеральский консилиум, но там, видать, окончательно и решится, что десанта не будет... Лежит уже готовое к отправлению письмо генерал-адмиралу Апраксину, в коем не выдержал, пожаловался: "Бог ведает! Какое мучение с ними. Сущее надобное время пропускают и будто чужое дело делают..."

А как все ладно начиналось.

Еще по весне, в мае месяце, согласился он с датским королем Фредериком IV о высадке десанта в Швецию, король должен был приготовить войско для десанта. А он сам плавал к неприятельским берегам и на виду у шведов, под обстрелом неприятельских батарей, измерял глубины в шхерах, выискивая удобные для высадки десанта места.

Главное, что Англия и Голландия, защищая торговые пути с Россией от разбойных шведских каперов, прислали свои эскадры и даже поставили его, Петра, главнокомандующим над союзным флотом, в коем восемьдесят четыре военных корабля, в том числе двадцать один русский вымпел. Конечно, приятно командовать сей армадой! Такой чести повелевать флотами чужестранных народов и своим вместе едва ли кто на свете удостоивался! Да вот только дело стоит. А уж первая неделя августа минула. Шведы в открытое море носа не кажут, а с десантом Фредерик тянет...

Коли не выйдет сие дело, придется через дипломатов принуждать шведов к миру. Решил, коли так выйдет, ехать в Голландию в те же места, где двадцать лет тому довелось бывать. Через Амстердам, вызвав туда Толстого, Шафировва и Остермана, к Версалю пути искать. Дабы Франция свою союзницу Швецию, от полной конфузии спасая, склонила бы к миру...

Доложили, что с берега на лодке прибыл русский курьер. Петр велел немедля позвать его.

- Кто таков? - спросил он вошедшего прапорщика, жадно пожиравшего его глазами.

- Прапорщик Микулин, ваше величество! Прибыл от крепости у Ямышева озера от подполковника Бухолца с его письмом к вашему величеству.

Камердинер Абрам Ганнибал взял у Микулина письмо Бухолца. сорвал печать и подал Петру.

Петр, читая, спросил Микулина:

- Каким путем добирался?

- Через Митаву, Кенецберх, Гданьск, Щетин и Росток, ваше величество! - отчеканил Микулин.

- Первый раз в чужих краях?

- Так точно, ваше величество!

- Прогонные получал?

- Получил по талеру за милю токмо для здешнего проезда, дома же свои тратил из жалования.

- Ладно, подашь бумагу, Сенат учинит определение, получишь потраченное... По нраву ли тебе иноземные города?

- Диковинок много, ваше величество, а дома лучше!

- Чем же дома лучше? - усмехнулся Петр.

- Не ведаю, однако лучше.

- Ладно... Как разумеешь, где сейчас подполковник Бухолт обретается?

- По весне хотел идти вверх по Иртышу. Поди, дошел до Зайсан-озера. А вот далее как пойдет - не ведаю, ибо водного пути до Еркетья нет, да и сухого пути ведомцев при нем не было... Чаю, крепость у Зайсан-озера ставить надобно...

- Так... Отвезешь письмо губернатору Гагарину, а подполковнику передай, чтоб делал все по данной ему инструкции, - сказал Петр, взял лист орляной бумаги и написал: "Господин губернатор.

Писал нам подполковник Бухолт, что он имеет опасность от контайшинных войск, и понеже как ему, будучи там поступать, о том о всем сперва при отпуске его, Бухолтове, дан вам полный указ, также и после при отъезде нашем из Питербурха, довольно вам приказывали не толко что по тем указам исполнить, но и самому тебе велели определить, о чем паки вам подтверждаем, дабы вы, конечно, по тем указам исполнили, в чем можете ответ дать, ежели не исполнили по указу.

Петр. С корабля Ингермоланд от Копенгагена".

Он протянул лист Абраму и сказал:

- Отправь с прапорщиком заодно и мое письмо Апраксину... Погоди, дай-ка сей лист. Взял письмо обратно и дописал:

"P.S. Он же Бухолт пишет, что много солдат у него ушло и всегда бегут, понеже в сибирских городах их принимают, что зело противно указу сие чинитца, и ежели ему с того вред учинитца, то взыщется все на вас".

- Как подашь сей указ губернатору, - обратился Петр к прапорщику Микулину, - поезжай к подполковнику Бухолту и по прибытии твоём пусть подполковник о делах своих немедля мне пишет с места, где будет...

- Слушаюсь, ваше величество!

Глава 57

К Ильину дню на когда-то пустынным левом берегу Оми у самого устья почти можно было разглядеть основу крепости. Был поставлен уже стеновой острог - ошкуренные, заостренные кверху бревна, вкопанные так, что ножа между ними не просунешь, - уже и орудия устанавливали на болверках по углам острожного пятиугольника, достраивали командирский двор, гауптвахты, начали рыть пороховые погреба...

Конечно, если бы не помощь губернатора быстрая, сих построек явно бы не было. Всего ж в трех партиях пришло тысяча триста человек - сила немалая.

Болезнь от солдат отступила, и дела, вроде бы, шли нормально. Одно лишь озадачило Бухолца, что прибывший с первой еще партией подполковник Федор Матигоров сказал ему, чтоб он по построении крепости готовился идти вверх по Иртышу ставить города и исполнять царский указ о золоте...

Эх, выпала ж ему сия напасть. За хребтом, куда ни пошлют, по здешним меркам все, кажется, рядом было, и то: без семьи более трех месяцев не бывал, а тут уж более года без нее... Да вновь идти неведомо куда... Ужель иной участи он недостоин?..

Но сколько ни печалуйся дело делать надобно. Вспомнилось, что не успел он дать ответа на сенатский запрос о том, что с ним отправлено, и августа 4 дня послал с нарочным курьером отписку и ведение.

А на другой день нежданно все время бывший с ним в крепости подполковник Матигоров показал ему указ, в коем указано было, чтоб он, Матигоров, забрал половину из новонабранных людей и шел бы к Ямышевской крепости и по возможности вновь ее поставил. Бухолц спросил Матигорова: - Чего для посылает губернатор тебя? Я большим числом людей не прошел, и тебе может быть урон велик...

- Я указ должен исполнить... Да и водной коммуникации калмыки перенять не смогут. Коли ушли от крепости, возобновлю и вернусь с людьми сюда...

- Коли с ихней стороны война, то удержать таковым числом невозможно, тем паче к Эркети идти... Иль моим словам веры нет? Матигоров немного смешался, но потом сказал доверительно: - Я твоим словам верю. Однако губернатор верит, что с калмыками можно миром ладить, а то лишь Черен-Дондук без ведома контайши противность в строении крепости учинил... Хотел Матвей Петрович посланцев послать к контайше с жалобой на Черен-Дондука.

- Чаю, сия война со мной была с ведома контайши, и тебе ж, подполковник, противность учинена будет, будь готов к сему.

- На то Божья воля! - развел руками Матигоров. - Мне ж идти надо к Ямышеву, чтоб до морозов вернуться можно было.

От этого разговора закралась в душу Бухолца обида на Гагарина. И сомнение: не хочет ли губернатор объяснить неудачу сего дела его, Бухолцевым, нерадением и неумением? Горько о том было даже и помышлять.

А тут еще вернулся из Тобольска посланный им в Санкт-Петербург курьер и доложил, что губернатор Гагарин его в Тобольске задержал и отправил обратно с подполковничьими отпиской и ведением, сказав, что они-де не нужны и о тех расходах из большой канцелярии ведение-де подано...

Но ведь тогда выходит, что он, Бухолц, не исполнит указания Сената. Поразмыслив, Иван Дмитриевич решил отправить отписку о расходах с письмом самому государю.

Он писал, что "по вышеписанному твоему великого государя указу о приеме на дачу в жалование на войско денег и всяких полковых припасов в правительствующий Сенат послал я, раб твой, ведение за своей рукою, с сею ж отпискою, так же и расход денгам коликое число из приему в расходе и за расходом налицо...

Артиллерия, ружье и амуниция и всякие полковые припасы в болшую канцелярию куплены или нет, о том несведом. Для того, что дача мне всему была из болшей канцелярии без цены. А сию отписку и ведение послал я в царствующий Санкт-Питербурх в правительствующий сиятельный сенат из новопостроенной крепости с усть Оми-реки через почту октября в 12 день 716 году... Да наперед сего, августа 4 числа оное ведение из полков с усть Оми-реки послано с нарочным курьером губернатору Сибири князю Матвею Петровичу Гагарину. Оного посланного из Тобольска отправить не изволил и прислал назат ко мне в полки на усть Оми-реки".

Глава 58

Из дневника поручика Каландера:

22 октября 1716

Сегодня по случаю дня Казанской Божией Матери подле недостроенной покуда церкви отец Василий спустил торжественный молебен. Церковь сию заложили в честь святого Сергия Радонежского 25 сентября.

Строение крепости, кое поручил мне подполковник, почти завершено. Главные, наитрудные работы исполнены с Божией помощью. И несколько оную крепость опишу.

Размеры ее таковы, что через крепость от Спасских ворот, что в сторону Иртыша, до Знаменских ворот, что со стороны Барабы, длины 120 сажень. Подле Знаменских ворот построены в степи казармы числом четыре. От упомянутой церкви, у Знаменских же ворот, артиллерный погреб с выходом, в котором имеется зелейная пороховая казна.

У Спасских ворот ставлена гауптвахта с перерубом, крыта на четыре стороны тесом, рядом магазины. Кроме помянутых ворот, ставлены ворота, поименованные Сергиевские, с башней, что в сторону Железинки, и Никольские со стороны Оми-реки.

Вокруг крепости ставлен стеновой палисад мерою 432 сажени и выкопан ров глубиной три четверти сажени. Також рогатки и надолбы поставлены вокруг того палисада.

Подполковник по уменьшении забот делается все более озабоченным и мрачным. Мнится мне, что за золотым песком он идти не желает, ибо не верит, что оный есть вообще, и опасаясь противности калмыцкой, от которой мы столько претерпели. Я тоже думаю, что таким числом в полуденные страны идти небезопасно.

Губернатор же, кажется, не верит подполковнику и послал к Ямышеву подполковника Матигорова, который допытывался у меня, можно ли было ту крепость удержать, чтобы он разоренную нами крепость вновь построил. Матигоров крепость возобновил и оставил там небольшой гарнизон.

Подполковник Бухолц сим недоверием весьма обижен и идти за золотом второй раз не намерен, и о том писал он Гагарину. Чует мое сердце, что сие дело добром не кончится

Весьма печалюсь о Настеньке и хочу ее видеть К стыду своему стал забывать ее лицо.

Глава 59

После отправления подполковника Матигорова к устью Оми в помощь Бухолцу Матвей Петрович Гагарин приготовил письмо к контайше, в котором жаловался на Черен-Дондука, нарушившего мир государя с контайшой, и предлагал, как и прежде, жить в мире, и просил вернуть всех русских пленных и воинскую казну, взятую у Корякова Яра...

Кроме того, Матвей Петрович послал письмо государю, в котором просил его написать контайше о Бухолцевом походе, что поход сей по его, государеву, указу только для поисков руд совершается, и

предложить ему, контайше, быть, подобно калмыцкому хану Аюке, с государем в мире и строению крепостей не противиться.

В контайшины улусы с письмом послал губернатор тобольского сына боярского Алексея Маремьянинова. Но лето минуло уже, зима на носу, однако известий от Маремьянинова не поступило. Не задержал ли его подобно Василию Чередову контайша?

Между тем крепость в устье Оми была готова, да и Ямышеву крепость подполковник Матигоров возобновил, о чем и поведал, когда вернулся в конце ноября в Тобольск.

Долго говорил с ним Матвей Петрович не только о крепостях, но и о подполковнике Бухолце: не погрешил ли в чем подполковник, оставя крепость, отчего от калмыков учинилась противность. В вопросах сих мало что просветил Федор Матигоров, но одним известием весьма огорчил Гагарина. Известие состояло в том, что подполковник Бухолц идти в полуденную сторону не намерен, отговариваясь, что-де таким малым числом до Эркеть-городка дойти невозможно.

Озабоченный таковым известием, Гагарин за неделю до Рождества послал курьера с указом, чтобы подполковник Бухолц ехал в Тобольск.

Иван Дмитриевич добрался до столицы Сибирской губернии 31 декабря в самый канун нового 717 года. Из крепости же на устье Оми выехал он декабря 22 дня, оставив гарнизон под командой майора Вельяминова-Зернова.

Город встретил его предпраздничной суетой. Полтора года минуло, и Бухолц с удивлением отмечал перемены, глядя в оконце возка. Весь сгоревший нижний город был отстроен заново и лоснился наледью на еще светлых бревнах домов. Изменился и кремлевский город. Рентерея была достроена в полной мере. Поблескивали позолотой купола церкви Вознесения.

Иван Дмитриевич едва подъехал к дому коменданта Траурнихта, как тесть сбежал с крыльца и заключил его в объятия.

- Рад, рад, зятек, видеть тебя в добром здравии. Ко времени приехал! Давай сейчас баньку сделаем, а ввечеру пойдем на машкерад новогодний к Матвею Петровичу. Бухолц нахмурился и сказал:

- Погоди, Дорофей Афанасьевич... О моем прибытии губернатору передай и скажи, что за болезнью после дороги на машкераде быть не могу. Да узнай, когда примет для доклада.

- Ладно, узнаю, - пристально посмотрел на него Траурнихт и стал расспрашивать о походе, что как было.

Вечером, оставшись один, после бани Иван Дмитриевич поднялся в опочивальню и, сев в кресло, почувствовал внезапно, как дрогнуло сердце, и показалось на миг, что вот сейчас качнется тень на стене и с горящей свечой войдет жена Марья Дорофеевна и обнимет, как бывало. Чувство это было таким сильным, что он невольно вскочил и откинул завесь, отделявшую кровать.

Это движение вдруг рассеяло нахлынувшую марь ожидания. И следом его пронзила вдруг такая тоска одиночества, что он скрипнул зубами, сбежал вниз, залпом выпил стакан водки и замер за столом, обхватив голову руками. И в душе его зрело решение стоять до конца в нежелании идти за этим призрачным золотом.

Вывел его из оцепенения громкий треск ружейной пальбы и разрывов гранат. Он вскочил, но, вернувшись в явь, покачал головой, выпил еще полстакана водки и вышел, не надевая кафтана, на крыльцо.

Со стороны губернаторского двора слышались веселые крики, треск фейерверка. Разноцветные хлопья и брызги огня летели в черное небо, высвечивая макушку наряженной ели. Наступил новый 1717 год. Что он принесет? Куда направит?

Разговор с губернатором состоялся через три дня в канцелярии с глазу на глаз. Гагарин расспрашивал Бухолца дотошно обо всем. Иван Дмитриевич отвечал спокойно, пока Гагарин не спросил:

- Отчего ж ты, подполковник, с калмыками мир нарушил?

Иван Дмитриевич вскочил.

- Как сие понимать? Они напали, я оборонялся!

- До осады какое озлобление среди них вызвал? Контайшины посланцы счастливы были со мной в мире быть.

- Ваше сиятельство, - сухо сказал Иван Дмитриевич, - выполняя волю государя нашего Петра Алексеевича и желая в мире дойти до места, никакого озлобления калмыкам и бухарцам, видит бог, не чинил. Напротив, послал с ними поручика Трубникова с охраной и дал лошадей... С их стороны

противность была! Я ж Черен-Дондуку отвечал, что выполняю волю государя и впредь выполнять намерен...

- Намерен, говоришь? - вперился в него Гагарин. - Пошто же тогда не хочешь выполнить указ о песошном золоте? Пошто не хочешь идти к Эркети?..

- Потому что идти таковые числом небезопасно, ежели противник нападать будет. До Зайсан-озера водой дойти, может, и можно, а далее через горы ни одного ведомца о пути нет... Дабы противник не прервал коммуникации, как у Ямышева, по Иртышу надобно несколько крепостей в расстоянии не более как от устья Оми до Тары, о том же и в инструкции писано было. .

- Крепости ставить надо, - согласился Гагарин. - Вон Матигоров тобой ставленную крепость возобновил, а по весне пошлю ставить крепости у Железинки и у Семи Палат. А ты, пойдя к Эркети, заложишь город у Зайсан-озера, оттуда рукой подать до Эркети.

- С таковым малым войском идти невозможно.

- Что ты заладил невозможно, невозможно! Сам зришь, негде великое войско взять, посему малыми партиями к полуденным землям продвигаться надобно, ставя городки и с контайшой будучи в мире.

- Но контайша с нами в войне! - воскликнул Бухолц.

- Не может он быть в войне с нами, быть такого не может! Ибо он в войне с Китаем и с казачьей ордой... Цеван-Рабдан не дурак, с Российским государством ему воевать не след, коли худа себе не желает!.. То же из того следует, что калмыки из-под Ямышева ушли, и Матигоров смог малым числом людей поставить вновь крепость. Так что готовь войско, по весне пойдешь.

- С таким числом войска не пойду! - упрямо повторил Бухолц.

- А коли не пойдешь, то ответишь перед государем, пошто оставил Ямышеву крепость! - вскипел Гагарин.

- И отвечу! За сей поход отвечу! А вновь пойду лишь по новому указу государя. Ибо не желаю, чтоб утратился интерес его величества и государства Российского, кое едва не случилось.

- Стало быть, мнение царя знать желаешь?.. Ладно, быть посему. Послал я государю письмо, в коем просил, чтоб он указал контайше жить с нами в мире, да и о делах твоих поведал. Поглядим, что он ответит. Чаю, все одно тебе идти придется.

Через месяц с небольшим Гагарин с торжеством подал ему лист бумаги:

- Вот, письмо от государя пришло, писано в его походе в Амстердаме декабря в 18 день прошедшего году, читай! Бухолц взял письмо и побежал по нему глазами. "Божиею милостию от пресветлейшаго, державнейшаго... многих государств и земель восточных, и западных, и северных отчича и дедича... калмыцко владельцу контайше милостивое слово... В прошлом 1715 году повелели мы... в вершинах иртышских сыскать серебряные, и медные, и золотые руды, и для того в тех местах построить городы... того ради желаем, дабы вы в строении тех городов никакой помешки не чинили. И с посланными от него, боярина и губернатора нашего, людьми ссор своим людям иметь не велели...Ежели вы будете пребывать смирно и никакова препятствия в строении городов и поискам руд, и в прочем чинить не будете, то б отнюдь от тех земель вас не высылать, и как вам, контайше, тако ж и всем улусным людям, никакого разорения и обид не было б. Но наипаче б вам и от посторонних неприятелей оборонять и сохранять..."

Окончив чтение, Бухолц передал письмо князю Гагарину. Тот сказал:

- Как видишь, придется тебе, Иван Дмитрич, идти. После сего письма контайша будет с нами в мире!

- Не будет, чаю, коль скоро на меня напал, - возразил Бухолц. - Как прежде говорю: малым числом идти небезопасно, и о том государю буду говорить, прося аудиенции. И до разговора с государем не пойду.

- Нет, пойдешь! - хлопнул Гагарин по столу рукой. - Забыл, что тебе во всем по указу ведено поступать в сем деле по моему велению?

- Не забыл... Однако и помню, что за людей и артиллерию мне перед царем ответ держать! О наших делах государь несведом. Да, поди, и нет того золота песошного вовсе, понеже ведомца ты мне ни одного не дал!

- Сие не твоего ума дело! - раздраженно крикнул Гагарин. - Не побывавши на месте, не узнаешь... Гляжу - дела бежишь!

- Дела никакого не боюсь! Однако без разговора с его царским величеством идти к Зайсан-озеру не намерен. О том буду писать государю... Сие мое последнее слово. - Гляди, подполковник, как бы

пожалеть не пришлось! Выйдя от Гагарина и поостыв, Иван Дмитриевич понял, что дела его неважны. Губернатор прав: обязан он его слушать по царскому указу и идти к Зайсан-озеру, но сам ведал, что идти невозможно.

К царю обратиться - за границей пока найдут, сколько времени уйдет... В Сенат писать - затянут, без царя не решат... Разве светлейшему князю Александру Даниловичу поклониться?.. После Полтавы он самолично обласкал его, о следующем чине хлопотал, при встречах редких показывал, что помнит, бывал ласков и говаривал, ежели-де что надо, так проси... Вот, кажется, и пришло то самое время, когда ходатайство испросить надобно...

Придя в дом Траурнихта, он немедленно сел за письмо к князю Меншикову:

"Доношу вашей светлости: в прошлом, 714 году..." И далее обо всем: как был отправлен по именному его царского величества указу, о строительстве Ямышевской крепости, о нападении калмыков, об осаде, уходе и закладке крепости в устье Оми-реки, о том, что получил указ идти к Зайсан-озеру, а путь "вelmi трудный", а в конце главное, ради чего писалось письмо: "... ежели, государь, отправлюсь я до оных мест, ясно вашей высокой светлости доношу, что многой интерес его величества утратится, и могу я в калмыцкие руки впасть и с войском безвестно. Всепокорно и нижайше вашей высокой светлости рабски прошу о милосердном заступлении, дабы я, не отправляясь в такую дальность, мог прежде видеть его царское величество".

Пометив, что письмо писано февраля в 11 день, Иван Дмитриевич отправил его со своим верным денщиком, и теперь оставалось только ждать.

Глава 60

Матвей Петрович Гагарин был весьма огорчен размолвкой с подполковником Бухолцем, да и самолюбие было задето: не слушаться его указу, перед кем не только вся Сибирская губерния в послушании, но и правители полуденных стран желают быть в благодетельстве.

Однако он был уверен, что никуда подполковник не денется - пойдет к Зайсан-озеру. Тем паче, что, правоту свою доказывая, послал подполковника Ступина с небольшим числом солдат для строения крепости у Семи Палат и уже получил известие, что по пути Ступин укрепил Ямышевскую крепость, которую возобновил подполковник Матигоров. До крепости в устье Оми-реки со Ступиным ездил для проверки обер-комендант Карпов и доложил, вернувшись, что крепость заложили добрую, и хвалил поручика Каландера.

Людей, конечно, не хватало. Брали колодников из темниц, обещая не только прощение, но и награду по окончании дела.

Кроме того, послал Матвей Петрович сына боярского Ивана Калмыкова с сотней казаков по восточному берегу Иртыша к Зайсан-озеру, дабы разведать, можно ли на судах до сего озера дойти и по возможности место приискать, где город заложить можно.

Не забывал при этом губернатор о мире с контайшой. Еще одно письмо написал, спрашивая, отчего не возвращает он посланцев его, Алексея Маремьянинова и Василия Чередова. Но ответа из Джунгарии не было. Молчал контайша.

За многими делами и заботами Матвей Петрович временами забывал о подполковнике. И был весьма удивлен, когда перед Ильиным днем пришел вдруг указ сенатский прибыть Бухолцу в Санкт-Петербург. Скользкий оказался подполковник... Скользкий... Как бы не наговорил чего о нем царю понапрасну... Ну, да бог ему судья! А он, губернатор, не словами, но делами своими оправдается, пусть и нет золота, так землями, пустынными покуда, но весьма нужными Отечеству, прибыток добудет. Да и золото есть - продают ведь бухарцы!..

Едва уехал довольный вызовом Бухолц, как в Тобольск прибыл поручик Шамордин и объявил, что дело по недоплатам из Сибирской канцелярии передано по царскому указу в следственную комиссию бригадира и от лейб-гвардии майора Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова. Что сделано сие по фискальным доношениям самого Нестерова. Объявил поручик и засел в канцелярии за бумагами.

Потребовал приходные, расходные книги, сличал их, записывал, каковых нет... От приглашений в гости отказывался. Понял Матвей Петрович, что дело вокруг него затевается нешуточное. Знал, что за комиссия Дмитриева-Мамонова: самые важные дела государь ей отдает, дабы великородные, знатные люди друг друга в следствии не подкупали и не покрывали. А сии безродные поручики да майоры, будто псы, все наизнанку вывернут - из невиноватого виноватым сделают. Лишь бы перед царем выслужиться...

Кажется, самое время пришло еще большую благосклонность ее величества Екатерины Алексеевны поиметь, дабы при случае прибегнуть к ее заступничеству: самое время подать бы ей обещанные перстни. И Матвей Петрович послал письмо в Иркутск воеводе Лаврентию Ракитину, чтобы он, как прибудет из Китая караван купчины Гусятникова, взял у него алмазные перстни для государыни и скорою ездою доставил их в Тобольск губернатору.

Поручик Шамордин побыл с месяц и исчез так же внезапно, как и приехал, ничего не сказав губернатору о том, открыл ли какие недостатки или нет.

Но Матвею Петровичу о нем думать много было некогда. Из казачьей орды вернулся тобольский сын боярский Никита Белоусов, посланный им более года тому к Хаип-хану, и привез весьма радостные вести.

Сказал, что не только Хаип-хан, но и Абдулхаир-хан желает с государем в мире быть и хочет также воевать контайшу калмыцкого. Поручика Трубникова Хаип-хан отпустил, других полоняников, которые с ним были взяты, также обещался, разыскав, отпустить.

Воевать обещали контайшу числом не менее тридцати тысяч людей своих. Однако жаловались губернатору, что его, государя, люди, башкирцы, отогнали у казачьей орды тысячу пятьсот лошадей, и просили учинить в том деле розыск.

Вскоре после прибытия Белоусова Гагарин отправил письмо Хаип-хану, в котором писал:

"...И по указу нашего великого государя, люди его царского величества Сибирской губернии с людьми вашими ссоры иметь не будут и в миру жить будут.

Да и в письме твоём написано ко мне, что люди его царского величества башкирцы отогнали лошадей у казачьей орды. И о том писал я к губернатору казанскому, и о том по указу нашего великого государя розыск будет, и что по розыску явитца, писать буду.

А от людей царского величества Сибирской губернии, которые указом его великого государя вручены мне, от тех никогда обиды вашим людям не будет. Також и вашим людям был бы заказ, чтоб для воровства в сторону царского величества не подъезжали ж и ссор бы не чинили; и которые ваши люди и бухарцы с вашими людьми к нам с торгами будут, то торг велю дать по волной и безобидной, и пошлины с ваших людей с казачьей орды и бухарцев брать не велю. Сей лист послан, из Тоболска ноября 29 день, 717".

А через неделю пришел Гагарину сенатский указ прибыть немедленно в столицу. Однако, по какому делу, не говорилось.

"Ужель для ответа по недостатке, что Шамордин накопал?" - подумал Гагарин и вызвал к себе ландрихтера Чепелева.

- Готова ли ведомость о деньгах, потраченных на подполковника Бухолца, в зачет недоплат пятнадцатого и шестнадцатого годов?

- Вчерне готова, ваше сиятельство, - ответил Чепелев.

- Каковы же сии расходы?

- 115373 рубля 24 алтына 3 денги на всякие припасы, жалованье и провиант...

- Всего же сколько из Сибирской канцелярии должно выплатить? Чепелев заглянул в бумаги и ответил:

- 155618 рублей 28 алтын 3 денги.

- На какие расходы пошли сорок тысяч?

- О том доподлинно я не сведом. Надобно сличать по расходным книгам, однако оные не все имеются, да и не все расходы писались...

- Ладно, ведомость о Бухолцевых расходах дай переписать начисто и пошли в Сенат почтой, я ж завтра уезжаю в Санкт-Петербург.

Достаточно долгий путь из Сибири, чтобы радость от полученного вызова, оградившего жизнь от похода неведомо куда и неведомо за чем остыла и душу заполнила лишь озабоченность о том, как теперь отчитаться, почему не выполнен указ. И хотя был убежден в своей правоте Иван Дмитриевич, но избавиться от нахлынувшей тревоги так и не смог до самого Санкт-Петербурга.

Лишь будущая встреча с семьей, а более всего с женой Марьей Дорофеевной, согревала душу. Из Москвы он послал одного своего денщика в собственное имение, чтобы тот известил о его прибытии жену, и чтобы она ехала к нему в Санкт-Петербург.

Верст за сто до города кинули в каждую подводку по два-три камня, чтобы не искать возле города, где, говорят, все камни собирали. Согласно указу каждый, приезжающий в город, обязан был иметь при себе камни, пригодные для мощения улиц.

Сентября 2 дня прибыл он в столицу и, пробираясь по городу к своему дому, оставленному под надзором брата Аврама, отметил те благодатные изменения, которые свершились за три года его отсутствия. Город стал много краше и чище. Бросалось в глаза множество новых построек.

Весьма обрадовался, когда в доме своем застал матушку

Дарью Дементьевну. После объятий и слез радости она пояснила для чего тут. Брат-де его в доме почти не бывает, живет все у себя в Шлиссельбургской крепости, а дом надо содержать в порядке. Говорила, что дочки выросли и все стосковались по нему...

Иван Дмитриевич доложил о своем прибытии губернатору Санкт-Петербурга светлейшему князю Александру Даниловичу Меншикову, прося аудиенции. Был назначен прием ему, но не сразу а через две недели.

Имея свободное время, он уехал в Шлиссельбург к брату полковнику, коменданту крепости. И вся первая ночь и прошла за разговорами.

Конечно, поначалу более рассказывал Иван Дмитриевич, а брат слушал с интересом, изредка задавая вопросы. Когда же он кончил говорить, Аврам Дмитриевич, попыхивая трубкой, проговорил:

- Да, Иван, несладко те пришлось... Так что же, было золото песошное аль нет? Соврал что ль Гагарин?

- Настоящего ведомца о том не сыскал... Сам же разумею, коли и есть какое золото, однако ж не столько, чтобы о том печься царю, - сказал Бухолц и попросил: -- Теперь ты мне поведай. о ваших делах здешних...

- Э-э, не знаю с чего и начать, столько с того времени утекло, как ты отъехал... Ну, о Гангутской славной виктории ты слышан?

Иван Дмитриевич кивнул головой.

- Так вот, после сей виктории в войне свейской для нас благие ветры повеяли... Однако Карлвшка на все стремления государя к миру отвечал отказом. Все петушится... Посему в прошлом 716 году государь отправился в Копенгаген, дабы, согласившись с союзниками, собрать совместных флот и высадить десант в полуденной Швеции...

- С том я сведом, - прервал брата Иван Дмитриевич. - Прапорщик Микулин ездил от меня к государю в Копенгаген и по возвращении своем о том рассказывал. Токмо не говорил, был ли десант.

- Десанта не было. Союзная эскадра дошла до острова Борнхольма и вскоре повернула обратно, ибо швецкие корабли укрылись по гаваням, да к тому ж меж государем и королями англицким и датским объявились разногласия, десант государь отправить так и не смог. . .

- Какое ж несогласие меж государем и королями стало?

- Короли боятся, что утратится интерес их в северной Германии. Однако государь обещал те земли отдать Ганноверу, себе оставить возвращенные и вновь обретенные земли: Литовскую, Лифляндскую и Эстляндскую...

- Где ныне государь?

- Из Дании поехал он в Голландию, а ныне где и когда сюда будет, не ведаю... Может статья, Александр Данилович ведает, поспрашивай его. Однако ж многого о государе не спрашивай. О царевиче Алексее, прошу, вовсе не поминай!

- Что так? - встревожился Иван Дмитриевич. - Мыслил, коли светлейший милость не окажет, к нему обратиться...

- Упаси Бог! - замахал руками Аврам Дмитриевич.

Выбрось из головы: царевич ныне съехал, будто в Копенгаген по вызову к отцу, однако ж по

дороге пропал. ...И ныне

неведомо где...

- Как пропал?

- Так... И государыня, и его величество весьма о том беспокожны... Чаю, царевич от отца бежал, - понизил голос Аврам Бухолц.

- Да подлинно ли так, отчего ему бежать?

- Визу, Иван, поотстал ты в своей глухомани сибирской, - сказал Аврам, наливая брату вина. - Знаешь, чай, как царевич к делам отцовским хладен был. Не токмо ратных, но и мирских всяческих дел сторонился, за что не раз вызывал неудовольствие батюшки своего.

Помнишь, поди, как в 713 году, убоясь, что отец чертежи его заставит смотреть, стрелял из пистолета себе в руку, однако лишь порохом опалил... Никакого дела знать не хочет, лишь пить зело мастак. И жену свою Шарлотту не влюбил, говорит-де навязали чертовку... Токмо, гляди, светлейшему, о чем тебе говорю, не сказывай! Кое-что он мне тут поведал, кое-что из других уст узнал...

Ну так вот. В 715 году Шарлотта родила сына. Внука государева нарекли Петром, а Шарлотта вскорости после родов октября 22 дня умерла... Царствие ей небесное» - перекрестился Аврам. - А тут вскоре и царица Катерина Алексеевна разрешилась сыном, его тож Петром нарекли. Петр Петрович, стало быть, есть наследник тако ж.

Царевич же, узнав о рождении брата, был весьма печален. А после написал отцу письмо, что-де кади изволишь меня за мою непотребность лишить наследия престола, лишай, ибо, мол, я силами телесными и умственными ослабел и к правлению неспособен, а ныне-де брат у меня есть, слава Богу, и я-де претендовать на престол никогда не буду...

О письме том поведал мне Василий Долгорукий, он то письмо отвозил к царю и говорил: я-де царевича с плахи снял...

Царь месяц не отвечал на то письмо, говорил-де тому верить невозможно. А после пира у Апраксина так опасно заболел, что приобщался Святых Тайн. Однако к Рождеству, Слава Вышнему, поправился и написал письмо царевичу. В оном письме писал, что-де как того желаешь остаться ни рыбой ни мясом невозможно, и просил нелицемерно удостоить себя наследником или стать монахом.

И получил государь на другой же день ответ от царевича что-де хочу монашеского чину. После того царевич заболел, а Петр Алексеевич направился за границу и никакой резолюции не учинил. Да и царевича уговаривал: "Одумайся, не спеши, да я напиши мне потом..."

По отъезде ж из Копенгагена письмо послал в августе прошлого году, чтобы царевич решился либо к нему ехать, либо в монастырь... Царевич со своей метреской Фроськой будто к нему год тому выехал и пропал. Слухи, будто он в Вене у цесаря австрийского, а где доподлинно, Бог весть. Знаю, что посланы его искать в те места граф Петр Андреич Толстой да от гвардии капитан Румянцев. Вот такие дела...

- Да-а, гневен, поди, государь на царевича?..

- К тому и говорю, дабы осторожность имел со светлейшим, да и государю не лезь на глаза, покуда сам не потребует, время не то... От себя беду отведи, вали на губернатора, он выкрутится, повыше тебя стоит...

- Валить на него особо нечего...

- Как нечего! Сам говорил: ведомцев не дал, аптеку не приготовил, из того и от мора не убереглись... О том и светлейшему скажи, глядишь, пригодится...

У губернатора Санкт-Петербурга светлейшего князя Меншикова во дворце его разговор вышел долгим. Поначалу рассказывал о походе своем Бухолц, а светлейший лишь слушал, постукивая о подлокотник кресла пальцами, унизанными дорогими перстнями.

После рассказа о своем походе Бухолц осторожно спросил:

- Ваша светлость, скоро ли виктория со шведами полная будет?

- О том мы с государем весьма печемся, и близок тот день, когда мир нашу викторию закрепит навеки. И тогда взоры наши обратятся на полуденные страны. Печалуюсь весьма, что ты вернулся ни с чем.

- Я старался, ваша светлость, и прошу заступничества вашего перед государем. Таким числом, верно говорю, дойти до Эркети невозможно.

- Ладно, подполковник, губернатора сибирского мы вызвали, истинную причину неудачи сыщем... Чаю, опасаться тебе особо нечего. Почитай, повезло, что живот сохранил и провиант противнику и амуницию не отдал...

А вот на днях получил я известие, о коем Петр Алексеич не ведает. В прошлом 716 году послали мы по его царскому указу князя Бековича-Черкасского в Хиву, а оттоль ведено было идти ему в Бухару, дабы проведать про город Эркеть, сколь далеко оной от Каспийского моря, а также сыскать водный путь из Каспийского моря в Индию. Осенью Черкасский отправился из устья Волги и пристал к урочищу Тюк-Караган, где велел строить город... Однако место там было худое, без воды, и он пошел далее к урочищу Красные Воды, где велел строить другую крепость. Вскоре Аюка-хан писал нам, что-де бухарцы, кайсаки, каракалпаки и хивинцы хотят на служилых людей идти боем. Мы о том писали Черкасскому.

Однако он пошел летом сухим путем, с отрядом, как и у тебя, около трех тысяч человек, до Хивы, и вот на днях получили мы верное известие, что князь Бекович-Черкасский убит, а его люди побиты и пленены...

- Как то случилось? - в волнении спросил Бухолц.

- Калмык один, бывший в отряде Черкасского, рассказал астраханскому губернатору Артемию Волынскому, как то было. Князь пришел в верховье Дарьи-реки и поставил крепость, обрылись землею и ров с трех сторон сделали, с четвертой -озеро... Утром явилось хивинское войско и стало бить из ружей и пущать стрелы. Черкасский отбивался из пушек и ружей. И столь успешно, что хан и его знатные люди стали искать мира и целовали Коран, что не сделают зла российскому войску...

Князь поверил и войско свое в пяти городах хивинских расставил. Хан говорил, что-де нельзя все войско в одном месте прокормить. Таким обманом взяты были казаки, бывшие с князем, а самому князю отсекли голову, кожу сняли, набили травой и выставили у ворот...

Бухолц невольно перекрестился, а Меншиков гневно закончил:

- Однако сей челвекоядец, хивинский хан, поплатится за свое злоковарство! - Осмелюсь заметить, ваша светлость, что и сей печальный случай говорит, что с малым войском в полуденные страны не попасть. Ибо в миру не все правители с нами быть хотят... А со шведами скоро ли мир будет?

- Франция обещала протекцию и помощь в подписании мира со Швецией, Карлушке французским двором в преставлении казны отказано. А без денег много не навоюешь. О том и старается Петр Алексеич во Франции...

- Когда он прибудет сюда, известно ли?

- Чаю, недели через две-три будет здесь. После Парижа он был на водах в Спа, ныне опять в Париже, изучает науки и художества и весьма сожалеет, что домашние обстоятельства вынуждают его покинуть Париж.

Бухолц догадался, о каких домашних обстоятельствах идет речь, но не стал расспрашивать, вспомнив совет брата. Откланиваясь, он сказал:

- Надеюсь на вашу всегдашнюю ко мне милость, ваша светлость, и защиту от гнева его царского величества...

- Ладно, подполковник, бог милостив! Авось обойдется.

Глава 62

Государь Петр Алексеевич встал, как всегда, в пятом часу утра, полчаса походил по комнате, приводя разум и тело в полное бодрствование, выслушал доклад кабинет-секретаря Макарова и после того завтракал: жареное мясо с солеными огурцами, студень да пшенная каша.

В шесть утра уединился в своем кабинете, чтобы поработать до свету и затем отправиться осматривать строительные работы, все ли выполнено, что пред тем было указано, посетить Сенат и Адмиралтейство.

Однако ж в этот раз ко множеству бумаг на столе не притронулся. Все кабинетные заботы были оттеснены одной мыслью, которая язвила последние дни, - о сыне.

Чего угодно он ждал от него, но чтобы пред всей Европой опозорить, не ждал. Сбежать от отца! Тайно скрыться от отца родного, яко от врага злейшего! И цесарь австрийский хорош гусь: сделал вид, будто не ведает о пребывании цесаревича в своих владениях. А сам из Вены перепрыгнул его в крепость Эренберг, а оттуда в Неаполь скрыл. Однако ж от гвардии капитан Александр Румянцев отыскал цесаревича в крепости. из виду беглеца не выпустил. В помощь ему срочно послан был искусный

дипломат, голова-умница, Петр Андреич Толстой с посланиями от него к "любезному другу и брату" цесарю Карлу VI, в которых высказал удивление, что его сын в крепости содержится, а ныне переведен в Неаполь, и просил «и письменно. и изустно волю нашу и отеческое увещевание оному объявить» и чтоб сын был немедленно к нему отпущен.

Царевичу же гневно написал: "Того ради посылаю ныне сие послание к тебе, дабы ты по воле моей учинил, о чем тебе господин Толстой и Румянцев будут говорить и предлагать. Буде же побоишься меня, то я тебя обнадеживаю и обещаюсь Богом и судом его, что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу тебе, ежели воли моей послушаешь и возвратишься. Буде же сего не учинишь, то яко отец, данною мне от Бога властью, проклиная вечно. А яко государь твой, за изменника объявлю и не оставлю всех способов тебе, яко изменнику и ругателю отцову, учинить, в чем Бог мне поможет в моей истине."

Эх, зоон, зоон!..* То гнев, то жалость - своя ж кровинка -сменяются в груди Петра так, что устала, изморила душа. Но кто в тех его мучениях утешитель? Даже милая Катеринушка, ласковыми своими руками и речью в иных делах облегчительница, в сем деле бессильна...

Остальным же и знать о его муках не надлежит!.. В какой уже раз перечитывает он письмо, на кое ему надлежит сейчас дать ответ, а губы вновь судорожно заплесали, как пиявки, связанные по концам.

"Письмо твое, государь, милостивейшее чрез господ Толстого и Румянцева получил, из которого, также изустного от них милостивое, от тебя, государя, мне всякие милости, недостойному в сем моем своевольном отъезде, будет, буде я возвращуся, прощение. И надеяся на милостивое обещание ваше, полагаю себя в вашу волю и. Присланными от тебя, государя, поеду из Неаполя на^и»днях к тебе, государю, в С. - Петербурх.

Всенижайший и непотребный раб и недостойный назватися сыном Алексей".

Молодец, однако, Петр Андреич... Ведь еще недавно извещал, что царевич без принуждения ехать не согласился. Однако сумел обуздать беглеца.

Чрез секретаря, как писал, графа Дауна, будто нечаянно просил известить царевича, что цесарь, войны боясь, протекцию ему не даст. а чрез вице-короля передал, будто цесарь разлучит его с девкой Евфросиньей, коли он не уедет, да пригрозил Петр Андреич, что отец вот-вот в Неаполь появится, и в деле весьма преуспел. Теперь бы токмо не переменял решение. Для сего и уединился, чтобы написать еще раз, обнадежить...

Петр Алексеевич пододвинул свой чернильный прибор, выбрал новое перо из перницы, обмакнул его в чернила и размашисто написал на чистом листе: "Мой сын! Письмо твое, в четвертый день октября писанное, я здесь получил, на которое ответственю, что просишь прощения, которое уже пред сим чрез господ Толстого и Румянцева письменно и словесно обещано, что и ныне паки подтверждаю, в чем будь весьма надежен. Также о некоторых твоих желаниях писал к нам господин Толстой, которые также здесь вам позволяют, о чем он вам объявит".

Сии некоторые желания сыновьи и писать невозможно, бумага хоть и стерпит, а душа нет: удумать жениться на крепостной девке! Достоин ли такой сын престола российского? Нет, нет и нет! Пусть приедет сам и отречется пред всем миром!..

Хотя дело не в девке... Проглядел его за делами многими. Всегда помощником своим зреть хотел, а он отцова дела бежал, одни попойки на уме. Когда ж он свернул с отцовой дороги?.. Не тогда ли, когда 300 рекрут прислал в Преображенский полк по его указу не токмо в гвардию не годных, но и в простые полки. Нет, раньше, раньше проглядел он его. От матери все, от ее корня зло сие вышло! Надо будет послать в Суздаль, проверить сию монахиню: нет ли меж ними сговору, нет ли писем по сему делу...

За думами не заметил, что давно пропустил рассвет, и решил до обеда никуда не ездить. Вызвал Макарова, велел ему отправить письмо. Тот взял письмо и доложил, что с час добивается приема обер-фискал Нестеров.

- По какому делу?

- Говорит, по делу особой важности, желает доложить вашему величеству лично.

- Пусть идет.

Когда Нестеров вошел и поклонился, Петр спросил:

- Чего у тебя?

- Прими, государь, доношение мое на сибирского губернатора Гагарина.

- По каким делам доношение?

- По третьему пункту, ваше величество, расхищение-государевой казны великое, определенное моими великими трудами и призыванием чрез разговоры. Объявлено мне о многих всяких в сибирских и китайских торгах великие дурости Показываю не токмо на князя Гагарина, но и на племянников его, князя Василия и князя Богдана. Истину вашему величеству говорю, а не лжу: ужас, как там в Сибирском приказе делано. не боясь Бога и забыв присягу!..

- Сколь расхищено?

- Из Сибирского приказа недоплат за два прошлых года более ста пятидесяти тысяч рублей...

- Чего для ранее о том знать не давал?

- Доносил о хищении в Сибирском приказе в Сенат в прошлые годы, однако ж в Сенате дела остановили и по купцам Евреиновым, и по князю Гагарину.

Доподлинно ведаю, что князь Долгорукий во время розыску получал презенты с разных персон. Так, от князя Богдана Гагарина 500 червонцев, да князь Матвей Гагарин прислал к нему меха на 600 рублей, которые он уступил светлейшему князю, да с него ж, князя Матвея, да Евреиновых 1000 червонных, чтоб от розыску быть свободну. Да у него ж, Матвея, с светлейшим князем, и с фельдмаршалом Шереметевым и господами Апраксиным и Кикиным между собою были подарки лошадьми с конскими уборами, что за взятки прилагаю ж...

- Ни одного верного человека вокруг! - скрипнул зубами Петр. - Всех переведу! Ворье...

- Власть сибирского губернатора так велика есть, что любого из сенаторов он купить может... Чаю, надобно сие дело передать верным от гвардии офицерам...

- Ладно, ступай! Передам дело в комиссию Мамонова... Гагарина вызову-для следствия...

Глава 63

Из дневника поручика Каландера :

26 декабря 1717

Неделю тому приехал в Тобольск в надежде встретить Рождество Христово вместе с Настенькой. Но, увы, движимая любовью она отправилась, дабы быть ближе ко мне в Ямышеве и была, видимо, взята в плен у Корякова Яра с друзьями моими. И ныне сведения у обер-коменданта имеются, что мои друзья-соотечественники Ренот и поручик Дебиш в улусах контайши. Молю Бога, чтобы и Настенька была с ними.

В крепости в устье Оми-реки все дела мои окончены, и я намеревался просить губернатора о переводе моем в Тобольск Однако князь Гагарин отбыл в столицу, и я просил отправить меня в экспедицию с подполковником Ступиным далее Ямышевской крепости, дабы иметь дело, и надежду отыскать, милую сердцу Настеньку. Обер-комендант с радостью разрешил, ибо в строении крепостей опыт получил я немалый.

15 апреля 1718

Стараниями моими и подполковника Ступина (оной подполковник однофамилец капитану, бывшему о нами в Ямышевской крепости два года тому) за последний, месяц Ямышевская крепость весьма укреплена. Ныне она имеет форму четырехугольную и окружена глубоким рвом. Шея подобную крепость с Бухолцем, обороняться было бы много легче. На днях должны прибыть дощаники из крепости в устье Оми-реки с крупами и мукой. После того отправимся с подполковником Ступиным к Семи Палатам вверх по Иртышу, где надлежит заложить крепость.

15 июля 1718

Почти месяц ставили крепость у Семи Палат. Сегодня прибежал от калмыков из плену казак Степан, взятый в плен у Корякова Яра. Хозяином его был тайша Цагадук. Степан в разговоре сказал, что видел, как Настенька утопилась в проруби. На вопрос, доподлинно ли это была Настенька, ответил, что так ее называли, и ехала она со шведскими офицерами.

Я потерял всякий интерес к делам и едва отпросился у подполковника Ступина в Тобольск, сказав, что по важному делу к губернатору. Буду проситься из Сибири.

Подполковник Ступин послал со мной сержанта Островского и десять солдат на дощанике, чтобы они привезли из Ямышевской крепости провиант.

Глава 64

Подходили к тальниковому острову, надвое разделившему Иртыш, неподалеку от Ямышевской крепости, как внезапно ветер сделался шквальным. С запада по всему окоему накатывали пепельно-черные тучи. Клонившееся к закату солнце скрылось за ними и на судно опустилась мгла. Но еще некоторое время крутой берег справа по борту ярко виделся своими разноглинистыми слоями, обрамленными сверху тонкой зеленой лентой травы. А когда и он погрузился во мглу, ветер так рванул парус, что лопнул нижний крепеж и гигантским вымпелом затрепетал на ветру.

Дощаник закидало на высоких волнах так, что поручик Каландер изумился, что на реке может быть такой шторм.

- Правь к берегу! - крикнул он.

Однако дощаник плохо слушался руля и их понесло к острову. Пушка, установленная на носу, сошла с места и билась о борт.

- Держать орудие! - крикнул Каландер, побежал на нос судна и, накинув веревку на ствол пушки с помощью двух солдат, стал крепить ее к борту.

А дощаник между тем понесло бортом на песчаную косу острова. "Перевернет!" - подумал Каландер и крикнул: -Бросай якорь!

Над головой сверкнуло и оглушительно грохнуло. Дощаник стал на якорь, но от нового шквала парус был сорван вместе с реем, который падая, ударил концом стоявшего у пушки Каландера по голове, и тот упал за борт. Полотнище паруса почти наполовину покрыло дощаник, и солдаты не сразу заметили пропажу Каландера.

Тело его не нашли.

Солдаты отсалютовали из фузей, а сержант Островский, направляя о сем несчастном случае в Тобольск доношение, описал, где находится остров, указал длину, поименовав его, - Каландеров остров..

Глава 65

Уже полгода как покинул Тобольск Матвей Петрович Гагарин, а делами своими почти и не занимался: следствие по царевичу Алексею заслонило все другое. И с делом сим разверзлась для многих бездна. А от его, Гагарина, дел отмахнулись даже и родичи его, канцлер Головкин и вице-канцлер Шафиров: пусть-де поначалу дело царевича завершится, тогда и о твоих делах можно будет печься. Опасаться же было чего: кого оговорит еще царевич на пытках, ежели на простых допросах сообщников всех своих выдал. А со зла, кого хошь, за собой потянет.

Уже колесован жестоко, некогда любимец царский, главный сообщник царевича, Александр Васильевич Кикин. Дабы мучения продлить, ноги и руки рубили ему порознь с большим временем, а уж потом голову отрубили и водрузили на кол.

Лишился головы и брат царицы Евдокии Аврам Лопухин. Дохнуло смертью, но пронесло, над генерал-лейтенантом Василием Владимировичем Долгоруким. Да и то по слезаем и мольбам к царю старика Якова Долгорукого...

На колу кончил жизнь полубовник инокини Елены - царицы Евдокии Федоровны - Степан Глебов так, что кол через голову вышел. Колесован суздальский епископ Досифей -потатчик последним двоим.

Покажет ли на кого еще колодник Трубецкого раската Петропавловской крепости?..

В сем деле за себя Матвей Петрович был спокоен. В последние годы, слава Богу, дел с ним никаких не имел почти. Лишь десять годов тому, когда было опасение, что шведы пойдут на Москву, царевичу отец указал ведать укреплением города. Однако тогда, видя в этом деле его нерадение и неумение, Матвей Петрович как комендант московский взял все работы под свое наблюдение - дело сделал... Уже тогда видно было, что сын не в отца, но государь все чаял об исправлении сына, и вот дождался полной измены делу своему.

Как сие Петру .Алексеевичу в тягость, подан он еще февраля 3 дня, когда с другими высшими лицами был в Москве свидетелем отречения царевича от престола.

При встрече с отцом беглый сын упал на колени и молил о прощении и даровании ему жизни. Царь обещал жизнь, однако сказал, что он, Алексей, потерял право наследовать престолом и должен отречься торжественным актом за своей подписью. Царевич согласился.

Затем царь спросил: "Зачем не внял ты моим предостережениям, и кто советовал тебе бежать?"

Царевич выдал своих сообщников и тут же подписал заранее подготовленный манифест об отречении от престола...

Да, нелегко принять отцу сыновнюю измену. Злобится на всех... Перед тем днем встретился с ним на ужине у Шафирова. Холодно говорил о нем Петр Алексеевич, а потом вдруг спросил: "О золоте Эркецком говорил ложно? Чтобы способнее воровать было!.." И, не слушая оправданий, прервал: "Ладно, вот окончу домашнее дело и за тебя и за Данилыча возьмусь... Воровство ваше терпеть более невозможно!"

Нутром понял Матвей Петрович, что это не простая угроза. Хотел было поддержкой у царицы заручиться, да вспомнил, что обещанные алмазные перстни так и не прислал Ракитин, или Гусятников не дал ему. Послал Ракитину указ писать немедленно по этому делу.

А между тем в следствии открылись от царевича такие мерзости и диковинки, что все друзья царя диву дивовались.

Девка царевича Евфросинья много важного показала. Что-де он австрийскому цесарю многожды жалобы на отца писал, и наследства весьма желал и постричься не хотел...

Другие свидетели то же показали, и сам царевич признал, что хотел достать трон, хотя бы и иностранными штыками, что-де весь народ с ним, любит его, Алексея, и он, сев бы на престол, флот весь бы сломал и жил бы тихо в Москве да Ярославле ...

Открыв такую полную измену, государь решился передать дело царевича "верноподданным господам министрам, сенату и стану воинскому и гражданскому", ибо боялся погрешить, потому что "люди в своих делах меньше видят, нежели другие в них", да и к тому же обещался он клятвенно пред Богом сохранить сыну жизнь.

Духовные лица ответствовали: "Сердце царево в руке Божией есть." Отдали на волю царя.

Отец после того передал дело сына в Верховный суд. И вот завтра, июня в 24 день, последнее его заседание»

В аудиенц-зале Сената было многолюдно: 127 человек от самых знатных сенаторов и министров до прапорщиков.

Государь сел в простое кресло, как истец против ответчика, сына своего, которого привезли из крепости под караулом четырех офицеров со шпагами наголо. В зале разом стало тихо, когда царевича ввели. Только платки мелькали - от духоты потели, хотя окна в зале были намеренно все открыты, дабы суд имел вид всенародный. Сам же народ, однако, был отсечен от здания Сената рогатками и гвардейцами.

Светлейший князь Меншиков открыл заседание и вице-канцлер Шафиров огласил приговор:

- "Мы, нижеподписавшиеся, министры, сенаторы, и воинского и гражданского стану чины, по здравому рассуждению и по христианской совести, по заповедям Божиим Ветхого и Нового заветов, по священным писаниям святого Евангелия и Апостол канонов и правил соборов святых отец и церковных учителей, по статьям римских и греческих цесарей и прочих государей христианских, також по правам всероссийским, единогласно и без всякого прекословия, согласились и приговорили, что он, царевич Алексей, за умысел бунтовный против отца и государя своего и намеренный из давних лет подыск и произыскивание к престолу отеческому, при животе государя отца своего не токмо через бунтовщиков, но и чрез чужестранную цесарскую помощь и войска иноземные с разорением всего государства, - достоин смерти..."

Гагарин при этих словах впился взглядом в отца и сына. Царевич стоял, понутив голову, с ввалившимися, землистого цвета щеками и глядел в зал мутными от страха глазами. Он казался безумным. Ежели на предыдущем заседании он спорил с отцом, обозвал антихристом, ныне воля оставила его... Вид отца был не лучше: одна щека дергалась, а выпуклые глаза бегали по залу, сверлили присутствующих. Матвей Петрович невольно, благодаря своему малому росту, укрылся за спиной предстоящего.

Он решил не лезть в таком деле царю на глаза, ибо его дела с Бухолцем, которого он тоже видел тут в зале, были впереди... Шафиров между тем, огласив вины царевича, прочитал, заканчивая:

- "...Хотя сей приговор мы яко раби и подданные с сокрушением сердца и слез изливанием изрекаем, в рассуждении, что нам и, яко выше объявлено, яко самодержавной власти подданным, в такой высокий суд входить, а особливо на сына самодержавного всемилостивейшаго царя и государя своего о том изрекать не достойно было. Но, однако же, по воле его, то сим свое истинное мнение и осуждение объявляем; с такою чистотою и христианскою совестью, как уповаем непостыдни в том

предстать пред страшным праведным и нелицеприятным судом Всемогущего Бога. Подвергая в протчем сей наш приговор и осуждение в самодержавную власть, волю и милосердное рассмотрение его царского величества, всемилостивейшаго нашего монарха".

Дочитав приговор, Шафиров подал листы Меншикову, тот подписал и объявил, чтобы подходили остальные.

Следом за Меншиковым подписались генерал-адмирал Апраксин, канцлер граф Головкин, Яков Долгорукий, Мусин-Пушкин...

Матвей Петрович подумал, что, пожалуй, надо бы и ему быть среди первых, но нарочно замешкался и оказался в конце второго десятка за генерал-лейтенантом Петром Голицыным и боярином Алексеем Салтыковым, за ними и подписался: "Губернатор Сибири князь Матвей Гагарин".

А подписывающиеся все подходили, сами собой выстраиваясь по чину. Скоро уже пошли гвардейские офицеры, и среди них подписался под приговором в середине восьмого десятка и подполковник Бухолц.

Глава 66

Через неделю после торжества по случаю тезоименитства государя Гагарин зазвал в свой дом Александра Даниловича Меншикова. Благо, что и дворы их тут на Петербургском острове по соседству. Кроме здешнего, похожего на церковь двора, есть у светлейшего князя большой дворец на Васильевском острове, подаренный ему государем...

А. позвал он к себе Данилыча, ища помощи. На торжестве именинник ни разу не подошел к Матвею Петровичу и лишь однажды так злобно на него зыркнул, что Матвей Петрович понял: плохи его дела. И хотя далее царь веселился, как всегда, будто и не лишился день тому сына, тревога не оставила Матвея Петровича.

После обеда он уединился с Меншиковым в своем кабинете и сразу заговорил о деле:

- Александр Данилыч, помоги по дружбе! Ныне одному не отбиться. Чаю, враги наши общие: из тех, кто красно баять умеет пред царем, от дела ж бегут... А дом вести, не языком трясти... В вину мне ставят недоплату из окладных доходов, а того не разумеют, что собрать одного Бухолца - во что обошлось! Да на устройство крепостей сколько потратил... Вот взгляни, Данилыч!

Гагарин разложил на столе карту Сибири и ткнул пальцем:

- Тут Бийский острог, Кузнецкий... По Иртылу в устье Оми крепость, у Железинки - крепость, у Ямышева - крепость, у Семи палат - крепость и далее до Зайсан-озера надобно крепости ставить, хоть тут вот в устье Убы... Без траты казны можно ли сие было сделать? Вот о том хочу, чтоб ты поведал Петру Алексеичу.

- Нужны ли сии крепости в пустых степях?

- Как, Данилыч?! Гляди-ка, казачья орда отсечена крепостями будет от Барабы до Алтая... Велики убытки казне от набегов казачьей орды, уведат в полон великое число государевых крестьян, подьясашных: барабинских татар... А ныне, едва крепости поставил, уже Хаип-хан мира запросил, и с контайшой, правителем джунгарским, легче полюбовный разговор вести будет. То, что напал он на Бухолца, то с его стороны озлобление было... Я с контайшой в мире крепком был... Покуда ж: они с казачьей ордой воюют, можно от степи отгородиться, от Иртыша поперек линией крепости ставя. Вот, к примеру, от крепости в устье Оми на Коркину слободу я далее до Шадринска... А после на полдень сию линию можно будет перенести. И будет нашему мужику покойнее, и не надо будет в Сибирь хлеб возить, сама себя прокормит...

- Я гляжу, ты так один земельного прибытку добудешь более, нежели мы все, со шведом воюя, - усмехнулся Меншиков.

- С том и говорю! Земли пустые... А до Зайсана укрепясь, легче добыть будет Еркецкое золото. А там и в Индию путь откроется!... Потолккуй, Данилыч, о том с Петром Алексеичем. Говаривал я ему о том когда-то, да боюсь, за делами забыл. Да наветов наслушавшись, гневается на меня. За себя не боюсь, дела жалко. Чаю, на восток нам обратиться пора... Так потолкуешь?

- На кого он ноне не гневается? - потупил взор Меншиков. - Что ты, что я - для него все едино... Потолковать-то можно, да боюсь на себя лишнего гневу накликасть. Сам ведаешь, как враги мои против меня стараются...

- Эх, ладно! Для себя берег, но по такому случаю для тебя, Данилыч, не пожалею сию драгоценность!

Матвей Петрович подошел к шкафчику, достал резной ларец слоновой кости, извлек из него крупный рубин и, держа двумя пальцами подошел к окну. Рубин заискрился в закатных лучах солнца, и Меншиков, не выдержав, вскочил.

- Дивный камень! Где добыл, Матвея Петрович?

- В Китае купил для меня купчина Борис Карамышев...Хорош?

- До-обрый, добрый!..

- Бери! Для друга и сего камня не жаль; -протянул Гагарин гостю рубин.

- Вот спасибо, удружил, так удружил - забормотал Меншиков, разглядывая камень. - Вечный я твой должник, Матвей.Петрович!О деле порадею, сколько могу, в том моя порука!

- Ну вот и ладно!

Грохнула в третий. раз за день пушка в Петропавловской крепости, .Меншиков простился и ушел.

Оставшись один, Матвей Петрович, у открытого окна, глядя на снующие по Неве разнородные суда.Увидев двухмачтовую галеру "Святая Наталия" отошел вглубь комнаты: не хотелось, чтоб царь видел его. Но тут же и подосадовал на себя - Петра на галере могло в сей раз и не быть.

Вошел слуга, доложил, что приехал сын Алексей. Матвей Петрович обрадовался и велел немедля звать к нему. Почти за трехлетнюю размолвку они с друг другом не говаривали. Правда, и в Москве сам Матвей Петрович, бывал весьма редко. А когда приезжал, сын внука присылал ,сам же носа не казал. И не понять было: то ли дуется по-прежнему, то ли боится... Что-то сейчас скажет?..

Едва сын вошел, сразу отметил, что он отрастил пышные усы и лишился того девичье-бабьего выражения лица, которое всегда раздражало Матвея Петровича.

- Здравствуй, отец?

- Здравствуй... Зачем пожаловал?

Алексей опустил голову и глухо сказал:

- Прости меня, отец., виноват пред тобою... - Бес попутал... Чаю, не надлежит отцу с сыном в ссоре быть... Ради того нарочно из Москвы приехал...

- Верно, не надлежит... А кто сей ссоре начало положил? - сурово спросил отец.

Алексей вдруг лодбежал к креслу, упал на колени, обхватил ноги отца сквозь всхлипы забормотал:

- Прости, отец... Тесть от дому отказывает, говорит-де расходы велики...Прости... Дай денег свой дом поставить, Христом Богом молю...

" Ну вот, по моим словам вышло, блудный сын у ног моих," - подумал Матвей Петрович. Но ни тени торжества не было в душе его. К горлу вдруг подкатил комок, он вскочил на ноги и подхватил сына под мышки, подымая.

- Зачем ты... Вставай, вставай.... Давно зла на тебя нет...Давно пришел бы... А дом зачем строить, живите в моих домах, помру все вам останется... Внук-от где?

Вытирая кружевным платком глаза, Алексей радостно проговорил:

- Матвейко с матерью остался... Все со мной к деду рвался.

- Ну вот и ладно...Ладно, - ласково похлопал сына по плечу Матвей Петрович, - пойдем вниз к столу...

Глава 67

В канцелярии бригадира Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова государь слушал дело сибирского губернатора Матвея Петровича Гагарина в присутствии обер-фискала Нестерова и проводивших следствие майора Лихарева, поручиков Шаховского и Бахметева. Расспрашивал Гагарина сам государь.

- Отчего из Сибирской канцелярии явились великие недоплаты за прошлые 15 и 16 годы в нашу казну?

- Все, что положено, всегда выплачивалось. О каких ваше величество говорит недоплатах, не ведаю... Ежели о недоплатах в военную канцелярию, то я подавал ведение, что как и прежде выплачивать невозможно из-за расходов на Бухолцево дело и просил зачесть сии расходы в уплату...

- У тебя Иван Ильич выявил недоплат более ста пятидесяти тысяч рублей, а сколько на Бухолца пошло в расход?

- О том подано ведение от ландрихтера Чепелева. Расход по сему ведению более ста пятнадцати тысяч...

- Так ли? - обратился Петр к Дмитриеву-Мамонову.

- Сие верно, - кивнул Иван Ильич.

- А сорок тысяч украл, вор?
Матвей Петрович нахмурился, поджал губы.
- Сии деньги пошли на городское строение, особливо в Тобольске после пожара и на прочие дела...
- Какие прочие дела! - хлопнул рукой по столу Петр. - Где о тех расходах записи в книгах? Книги нарочно пожег, чтобы свое воровство скрыть! Я те говорил, чтобы не плутовал!
- С моей стороны плутовства нет! Денег казенных не брал! А то, что книг не сыскалось, виноват, за всем уследить невозможно...
- Может скажешь, что и хлеб на Вятке не утаивал, кой за границу отправить надлежало? - ехидно спросил Нестеров.
- Хлеб оставил, однако же не для себя, а для скорейшего отправления Бухолца, дабы не было ему задержки.
- Не отпирайся! - злился царь. - О прочих твоих дуростях Иван Ильич и обер-фискал проведали. Купчина Евреинов на тебя показал, что ты с караваном для китайского торгу своих людей ставил, брал с них великие взятки...
- Людей ставил, ибо то по службе надлежало... А деньги брал в казну.
- А сверх казенных сборов сколько брал?
- Нисколько не брал!
- Не ври, вор! - свирепел Петр. - Даже из комнаты государыни, якобы для покупки перстней деньги взял, ныне ж ни перстней, ни денег!..
- Да по твоим же письмам иркутский воевода Ракитин отобрал все перстни и бриллианты у купчины Гусятникова, -вставил обер-фискал.
- Ракитину писал, лишь взять алмазные перстни, кои куплены были для государыни. А что Ракитин по своей воле учинил, в том я несведом, и его самого надо спросить!
- Яко ангел небесный чист! - саркастически ухмыльнулся Петр. - Однако воровству твоему пришел конец... Поведай еще, чего для о золоте Эркецком говорил мне ложно?
- Отчего ложно? - вскочил Матвей Петрович. - Или ваше величество запамятовал, как оное золото в руках держал!...
- Вот и расскажи, где ты сие золото взял?
- В прошлые годы, как приехал я в Тобольск и увидел в продаже песошное золото. И зовется оно Эркецкое, и сказали мне о нем, что то самородное золото, и промышляют его под секретом в реке Амун-Дарье. Для свидетельства о том призвал я эркецкого боярина, который от убивства от калмык ушел, и тот боярин мне сказывал, что золото перенимают в реке под Эркетем и коврами, и сукнами, когда бывает в воде муть и прибыль. И те речи его переводил мне татарский мурза Сабанак Азбакеев и при том был обер-комендант Карпов. И тот иноземец по отъезде был жив, и Сабанак Азбакеев жив, и Карпов, их о том можно спросить...
- Отчего же подполковник Бухолц говорит, что не нашел ни одного ведомца о золоте? Отчего экспедиция его бесславно свершилась, и крепость Ямышевская оставлена была?
- О том самого подполковника Бухолца спросить надобно. Я ж чаю, коли с миром бы шел и озлобления у калмыков не вызывал, то нашел бы золото...
- Послушаем и его... Иван Ильич, - приказал он Дмитриеву-Мамонову, - после обеда призови сюда и подполковника для расспросу...

Войдя в кабинет, Бухолц невольно впился глазами в лицо государя, будто пытаясь прочесть на нем свою судьбу. Уже полгода не видел он государя, со дня его тезоименитства июня 29 дня. Странными и странными были те дни. Через два дня после оглашения приговора скончался в Петропавловской крепости царевич Алексей, ослабев после пыток. Брат Аврам, правда, сказал, что, скорее, царевичу помогли умереть, будто пред самой смертью приходили к нему Румянцев и Толстой, и ходят слухи, что удушили его подушкой.

Поразило Ивана Дмитриевича то, что на другой день после смерти сына, царь как ни в чем не бывало веселился, отмечая девятую годовщину Полтавской виктории, а следом и свое тезоименитство торжественно отметил. А уж потом лишь похоронил сына.

Иван Дмитриевич после тех дней с неделю ходил сам не свой, испытывая пред царем восхищение и страх. Да, впервые испытал страх: уж коли сына не пощадил, то его, простого смертного, за дело несвершенное отчего не казнить...

Однако ничего нельзя было разглядеть на лице государя: ни злобы, ни приветливости.

- Скажи, подполковник, отчего учинилось несчастье твоей экспедиции? - спросил Петр. - Говори, ничего не утая и не боясь, по чести.

- От противности великой от калмыков и от малого числа людей, бывших со мной, - сдерживая волнение, ответил Бухолц.

- Ты с пушками и ружьями, сидючи в крепости, от дикого противника, у коего луки да копья, для чего крепость не удержал?

- У калмыков не токмо луки, но и ружья есть во многом числе... Крепость бы не оставил, да и все штурмы и атаки отбивал, покуда не накинута моровая язва, по три десятка в день человек умирало... Оставаться в ней было невозможно.

- Отчего не лечил солдат?

- Лекарей и аптеки мне при отправлении губернатором дано не было...

"И этот туда же," - с горечью подумал Гагарин и, защищаясь, воскликнул:

- В Тобольске аптеки и лекарей нет! Однако аптека была послана в Ямышево и взята калмыками у Корякова Яра с караваном, в том моей вины нет, а вина, чаю, самого подполковника, ибо дело сие можно было миром учинить. А с его стороны пустили голос, что воевать хотят калмыков, да, поручика Трубникова послав, сказал, будто у него, Бухолца, есть особый указ, кой он распечатает в Эркети и что в нем, не ведает... То, что миром можно было решить дело, явно из того, что после отступа подполковника я малым числом солдат и казаков в пяти местах по Иртышу крепости до Нор-Зайсана ставил, и противности от калмыков никакой не было...

- Что скажешь на сие, подполковник? - спросил Петр.

- С моей стороны никакого озлобления калмыкам не было. Поручику Трубникову, будто именной указ есть запечатанный, не говорил и отправил его с калмыцкими посланцами, желая быть с ними в мире. Однако поручик был взят в плен казачьей ордой, и в том моей вины нет... Петр помолчал и затем спокойно спросил Бухолца:

- Золото песошное было ли, как о том полагаешь?

- Доподлинных ведомцев не нашел о том золоте ни единого...

- Плохо искал! - вскричал Гагарин. - Хоть Федора Трушникова спросил бы, он о золоте ведает!

- Молчи, вор! - вскричал Петр. - Врал о золоте, чтоб на экспедиции сей руки греть.

- Осмелюсь доложить, ваше величество, иные люди слышали, что золото промышляют, однако в расстоянии дней десять пути от Эркетя, - вставил Бухолц.

- Ладно, подполковник, ступай и жди особого указа.

Когда Бухолц вышел, Петр зло процедил Гагарину:

- А ты, вор и плут, с сего дня лишаешься губернаторства и будешь взят за караул! Иван Ильич, исполни!

Брызнула в глазах Нестерова радость, стронула уголки губ в мстительной полуулыбке.

Дмитриев-Мамонов подошел к побледневшему Гагарину, забрал у него шпагу, вызвал двух офицеров, которые увели бывшего сибирского губернатора.

Петр раскурил трубку, задумался и через некоторое время сказал, обращаясь к майору Лихареву:

- Господин майор, поедешь в Сибирь для следствия о худых поступках Гагарина, объявишь в городах, что он ныне не губернатор... Проведай также, для чего была крепость оставлена, и есть ли в том вина Бухолтова. После дойдешь до Зайсан-озера и буде возможно будет поставишь на берегу крепость и о пути к Эркети проведаешь... О прочем будет тебе написано в указе. Получив оной указ и инструкцию, немедля отправляйся в Сибирь....

- Будет исполнено, ваше величество!

Подписав указ 17 января об отправлении Лихарева, царь на другой день отправился на Марциальные воды поправить здоровье.

Бухолца и Гагарина слушали в Сенате о походе за песочным золотом порознь, но ничего нового не дознались и отложили определение до возвращения майора Лихарева.

Глава 68

Прибыв еще зимним путем в Тобольск, майор Лихарев летом 1719 года так и не смог отправиться к Зайсан-озеру, хотя в данном ему инструкции ведено было брать солдат из гарнизонов городов и крепостей любых, пушки взять Бухолцевы... Хотя в офицерах, как у Бухолца недостатку не было: кроме

гвардейцев капитан-поручика Алексея Шаховского и поручика Сверчкова, были присланы к нему из военной коллегии майор Тютчев, капитан Приклонский и три поручика.

Однако отправиться в детсад так и не удалось по той же причине, что когда-то и Бухолц не мог отправиться: не хватало провианта, амуниции оружия и людей. Писал о том в Сенат, однако ж зимовать все равно пришлось, в Тобольске. И то, что он должен был сделать - "освидетельствовать по сказкам бывшего губернатора князя Гагарина и подполковника Бухолца о золоте Эркецком и построить у Зайсана-озера крепость, а построив, проведать о пути от озера к Эркети" - смог выполнить лишь отчасти.

Он искал людей, которые знали о Эркецком золоте, имея на руках копии показаний в сенате Бухолца и Гагарина. Допрашивал, как указанных в них людей, так и искал: новых. Большинство из тех, кого он расспрашивал, говорили ему, что о том же их спрашивал подполковник Бухолц.

С особым тщанием расспрашивал он Федора Трушникова. Тот рассказал о том, как хаживал в полуденные земли, бывал и в Урге у контайши. Но сказал, что губернатор Гагарин, будто он ему продал Эркецкое золото, показал ложно, золото он сие купил у бухарцев...

За два дня до прихода Лихарева побывал у Трушникова комендант Траурнихт, узнавший от самого майора, зачем он приехал. И в заботе о зяте своем упросил Трушникова сказать, что золота он Гагарину не продавал. И зная купчину, - за грош с колокольни соскочит - просьбу свою - подкрепил мешочком золотого песку, который когда-то и купил у самого Трушникова. Федор, поразмыслив, что и бородавка телу прибавка, взял песочек, а Лихареву показал, что ни о каком золоте не ведает и Гагарину не продавал.

Кроме поисков ведомцев о золоте и хлопот по отправлению Лихареву пришлось заняться и необычным расследованием.

Однажды пополудни, когда он, выйдя из Приказных Палат, шел по Софийскому двору, к нему подбежал бородатый мужик в нагольном полушубке и бухнулся перед ним на колени.

- Господин офицер, прими челобитье об убийстве! Наслышаны мы, что послан ты государем всемилостивейшим для установления правды и справедливости... Выслушай за ради Христа!

- Встань! Кто таков? О чем челобитье?

- Из Нарыма мы... Посацкий Никифор Павлов. Челобитье об убийстве брата моего Ивана Павлова земским судьей Ларионом Семеновым...

- Для чего не подавал сию челобитную в надворный суд для рассмотрения по закону?..

- Подавали, господин офицер, подавали... Токмо закон, что паутина: шмель проскочит, муха завязнет! Мы ж люди маленькие и ходу тому делу больше году нет... А того Лариона десятью перстами в ступе не уловишь, токмо смеется да с женой брата мово живет, и убил брата из-за бабы сей...

Расследуй, ваше сиятельство!

- Я не сиятельство, а высокоблагородие.

- Виноват, мы люди темные! Расследуй, смилуйся дело сие по справедливости пред Богом нашим.

- Ладно, во славу милосердия государя нашего, разберу, - беря бумагу, сказал Лихарев. - Ступай с Богом!

- Премного благодарим, - поклонился Никифор.

По делу сему послал Лихарев в Нарым поручика Сверчкова с тремя солдатами, чтобы он провел расследование.

Через месяц Сверчков вернулся с арестантом и сказал, что вина его в убийстве явная, однако он в том не признается. Какое наказание ему учинить, как быть далее, он не ведает, посему привез Лариона Семенова сюда. Арестант был дородного вида, высокий, с одутловатым лицом и маленькими наглыми глазами. Держался спесиво, шутил, что-де не пристало солдатам солдата пытаться. Он ведь тоже служил государю еще в потешном полку, хаживал с ним под Азов, и по ранению от службы отпущен. От убийства отказывался и намекал Лихареву на взятку, говоря, что коли он его отпустит то обоим им то во благо будет.

Однако мейор Лихарев не долго думая, велел растянуть его на козлы и бить кнутом. На двадцатом ударе Ларион взмолился и просил снять его.

- Признаешься в убийстве Павлова?

- О том желаю, господин майор, говорить с тобой наедине.

Лихарев велел выйти заплечных-дел мастеру Яковлеву, двум солдатам и писарю, бывшему ларечному Гагарина Степану, который, узнав об опале хозяина, подался в писари.

- Признавайся!

- Грешен, господин майор, в драке, обороняясь, убил безо всякого умысла. Однако не изволь мне

наказание чинить, ибо я сведом о великом слове на государя нашего...

- Объявляешь слово и дело и дело? - насторожился Лихарев.

- Слова и дела не объявляю, но доношу, что дело сие касается бывшего губернатора и его царского величества...

- Что за дело? Говори!

- Поначалу дай слово шляхетское верное, что отпустишь меня, не найдя вины...

- Я те щас на дыбу вздерну, живо все расскажешь! -ухмыльнулся Лихарев.

- Виска дело серьезное ...Потому и слово и дело не объявляю, дабы в Преображенский приказ не угодить. Однако, коли подынешь. Юристом Богом клянусь: запрусь до смерти и ничего ты, господин майор не узнаешь... А коли весть мою царю передашь, то и тебе по службе может быть повышение. Павлова же, упокой Господи душу его, не вернешь. Сам виноват: жена его ко мне прислонилась по любви, а он в том поперек встал...

Глядя в его поблескивающие злые глаза, Лихарев подумал:: "Такой, и верно, запрется, дьявол! А любопытно знать, что ему ведомо..."

- Как же и тебя отпущу, коли за тобой вина явная?

- Я умру тут от пыток и болезней, ты ж отпустишь меня другого...

- Говоря яснее!

- Ларион Семенов умрет, выйдет же человек с другой фамилией

- Кто же тебя перепишет и куда ты денешься?

- То моя забота. Токмо выпусти...

-Говоря, что знаешь, - миролюбиво сказал Лихарев.

- Слышал я от бывшего обер-коменданта Биоякова в прошлые годы, будто при нем и офицере, мне неведомом, говорил князь Гагарин тому офицеру: " Я тут тебе государь!"Для того, что Бибиков ныне покойный, и свидетелей тому нету, слова и дела не объявляю...

Лихарев вскочил и взволнованно заходил по пытошной избе.

- Сие дело весьма важное, ты должен сии слова показать перед самим государем!

- Смилуйся, господин майор, ты ж слово давал!

- Ничего я те те давал! Посидишь покуда за караулом, после походу к Зайсану на обратном пути заберу с собой.

Ларион злобно глянул на Лихарева и скрежетнул зубами.

-Не зыркай, не зыркай! - прикрикнул Лихарев и приказал отвести колодника в тюрбму

Выходя, Селенов качнулся к Степану, будто споткнулся, и успел шепнуть:

- Помогай иль донесу о наших делах!..

Сунув рубль начальному караула тюрмы, Степан пршел на свидание с Ларионом Семеновым.

- Как мыслишь,я те могу помочь? - спросил он его. - Не гонялся б за бабами,не попал бы сюда!..

- Не твое дело! Старайся чрез коменданта Траурнихта... Выправь мне паспорт и запиши по фамилии Верещагиным - то брат мой покойный двоюродный... А комендант пусть похлопочет в надворном суде, чтоб меня направили куды-нито земским судьей...

- Да как же мне заставить коменданта за тебя хлопотать? - удивился Степан. - А каким образом отсюда выйдешь?

- Комендан и выведет... Подскажи лишь: будто я помру, а заместо меня пускай инога колодника схоронят, лежит тут один без имени при смерти... Припугни коменданта, что покажешь на него о делах их воровских с Бибиковым, что лес казенный брали на амбарное строение... Да еще скажи, что есть у ты солдаты, бывшие в походе с зятем его, Бухолцем, кои покажут, что неудача в деле была от подполковника, что-де он неприятеля убоясь, ушел назад,, что слова те ты; готов до государя самого донести... К коменданту иди сразу после отъезда майора Лихарева...

- Коли не согласится комендант?

- Согласится, согласится!.. - твердо сказан, Ларион.

Дело же по отправке Лихарева двинулось более споро, когда за него взялся новый губернатор Сибири князь Алексей михайлович Черкасский. Да к тому понуждение было - указ именной от 9 февраля 1720 года: «Господину губернатору князю Черкасскому. Понеже маэор Лихарев пишет, что он к Зайса-озеру не пошел за неотправлением к нему из Тоболской канцелярии рекрут, также за неимением пороху, шпаг и протчя амуниции, также я за умалением провианту; того для, приехав вам в Тоболск, вышепомянутым всем, чего он требует, и нынешнея наступающей весне его снабдить, дабы он ничем не

отговаривался. Петр. "

Губернатор, однако, не приехал и по-прежнему многого было не додано. Главное к пороху пушечного по мая 2 число вовсе не было. А когда прислали 1000 пудов из Москвы, так Лихареву отдали лишь 750 пудов, да и муки не доставало 4630 четвертей...

Однако, чтобы не терять удобного времени 8 мая 1720 года Лихарев на трех легких судах пошел вверх по Иртышу и было с ним 189 человек, остальных намеревался набрать в крепостях по Иртышу.

А для отправления того, что не додано, Лихарев оставил поручика Сверчкова и велел ему отплыть 9 июня, ежели все недостающее в Тобольской канцелярии получит, в противном случае писать ему, Лихареву.

Глава 69

Старший сын джунгарского контайши Цеван-Рабдана Галдан-Церен приобщился к высшей буддийский добродетели : вручил гэгэну большой мандал в 50 лан серебра, тем самым отдал в его покровительство всю вселенную. Гэгэн посредством луна «Йёрель Богдо Гэгэн» вступил с ним в духовную связь и сказал:

- К востоку от твоих кочевий ночью показывается белый свет, это свет рая Шамбалы...

Благославляя, он вручил Галдан-Церену рилу и повязад ему на шею священный шнурок...

Прошедший год желтоватой свиньи был для их страны трудным и малорадостным, и потому так необходимо покровительство Неба. Тем более, когда идешь воевать такую страну, как Тибет. Он, Галдан-Церен, должен вести туда десять тысяч всадников в помощь Церен-Дондобу, которого стал теснить четырнадцатый сын китайского императора Канси, назначенный великим цзянь-цзюнем - "успокаивающим отдаленные страны."

Поначалу все свершалось благополучно. Три года тому, когда Церен-Дондоб прогнал русских от Ямышева, и был обласкан контайшой, он отправился в Тибет, взял столицу Лхасу и убил правителя Тибета Лабдзан-хана, отдав страну в добычу своим воинам.

Лишь монастырь Дорчижи-пагмо (алмазной свиньи) - воплощение богини Ваджравахари не трогали. Гонца Церен-Дондоба рассказывали, когда он узнал, что настоятельница монастыря Самдинга имеет свиную голову, то пожелал видеть ее и сурово приказал предстать перед ним. Однако Дорчижи-пагмо не показала и просила оставить монастырь. Церен-Дондоб разрушил стены Самдинга и, когда вошел с воинами в храм, увидел восемьдесят хрюкающих свиней, которые на его глазах стали вдруг превращаться в степенных монахов.

В изумлении Церен-Дондоб приказал не только прекратить разорение монастыря, но обогатил его большими приношениями. Но китайцы не захотели терпеть джунгар в Тибете. Дважды разбили Церен-Дондоба, при реке Ночи и у горы Шамала, выбили из Лхасы и теперь пришли в земли отца Эрдени Жырукту.

Поэтому должен завтра идти туда Галдан-Церен. Уже все готово к походу. Он лично проверил вкус сушеного мяса белого бычка, приготовленного в дорогу для него, и отправился проститься с отцом, с любимой матерью Кюнтю, с мачехой Седерган и ее приплодом: тремя сводными братьями и тремя сестрами. Отца он застал в страшном волнении. Он метался по юрте, будто раненый барс.

- Сын, дурные вести! Русские оговорились с манчжурами и китайцами!.. Этот хитрый сибирский лис Гагарин обманывал , говоря о мире! Я не противился, когда он строил свои крепости ...Все их надо было сжечь, сжечь! Напрасно я отпустил посланника Вильянова, в надежде быть с русским царем в мире... Но Чередов умрет здесь!.. Я знал, что этим кончится ...Мало им, что брали ясак с моих людей, строили города в моих землях, теперь совокупно с китайцами хотят уничтожить меня!..

Галдан-Церен молчал. Ведь он всегда уговаривал отца быть с русскими в мире, и теперь слышал в словах отца упрек. А тот сетовал, что эти бездельники шведы, взятые у Корякова Яра, пьют араку, вместо того, чтобы искать железную руду...

Если бы Ренот сделал ему пушки!.. Пока же пользы больше от жены второго шведа Дебиша Кристины, она научила вышивать Седерган золотом...

Долго ругался отец, а в конце сказал:

- Сын мой! Пойди к Зайсан-озеру, возьми хоть двадцать тысяч воинов, останови русских! Брат мой Церен-Дондоб подождет... Помоги тебе Небо!

Майор Лихарев пришел на дощаниках к Зайсан-озеру в конце июля, имея 440 человек.

Намеревался взять людей в Ямышевской и Семипалатинской крепостях больше, но не было дощаников, да и людей обученных мало. Старался брать с собой тех, кто был в походе с Бухолцем. Одно хорошо, что недостатка в офицерах и пушках не было.

Пройдя берегом озера, нигде подходящего места для крепости не нашли: берега все поросли тростником И двинулись Верхним Иртышом. Августа 1 дня их неожиданно обстреляли из ружей я луков. Лихарев приказал опуститься чуть вниз по реке и высадился на берегу на излучке, где Иртыл делал почти петлю и добраться к ним можно было только с одной стороны.

Оттуда и хлынула на них конная лавина калмыков. Ее встретили дружными залпами успевшие построиться солдаты под командой капитана Семенова и поручика Шаховского. Заговорили все тринадцать пушек, и конная лавина сбилась с ходу.

Храпели, вздыбливаясь, кони, разметывались огнем в разные стороны. Разрывы в груди тел мешали кровь животных и людей...

И скоро вал из трупов препятствует нападавшим идти вперед, и они поворачивают от уничтожающих залпов фузей и пушек, чтобы перестроиться, прийти в себя и начать новую атаку.

Так было до самого вечера.

Утром пришел к Лихареву посланец от Галдан-Церена.

- Отчего русский царь пошел на контайшу войной? Контайша прежде с царем жили в мире и пословались! - спросил посланец Лихарева.

- Сии ваши слова нас весьма удивляют, - ответил Иван Михайлович, - ибо первыми нападение вы учинили, мы ж принуждены были держать оборону. А нам никогда и на ум не приходило с вами войну или неприятельские действия открывать.

- Для чего ж вы пришли в наши земли?

- Мы ищем руды и рудокопные места и хотим, коли контайша дозволит, дойти до Эркетъ-городка в поисках оных руд...

- Эрдени-Жырукту-Батыр-контайша не может ныне дозволить тебе идти в его земли, ибо у него большая война с: китайцами и мунгальцами, и лучше тебе уйти... Войско у тебя небольшое, и мы будем противиться твоим делам.

- Нужды в том нет, мы готовы уйти, коли контайша укажет.

- Меня послал старший сын Эрдени-Жырукту Галдан-Церен и велел говорить твердо, дабы вы уходили, и желает, чтобы с русским царем как и прежде в мире жить...

- Мы тоже желаем с вами жить в мире, однако нам доподлинно надобно проведать, есть ли в Эркети самородное и песошное золото.

- В Эркети? Я много бывал там и говорю доподлинно, что золота там нет!

- Ни для намерения, чтобы ушли, говоришь так, доподлинно ли в тех местах золота нету?

- Клянусь Небом! В Эркети золота нет, ближее место в десяти днях пути у реки Чикма... Там золото, знаю, моют помалу.

Лихарев, еще не оставлявший надежд поставить на озере крепость, попробовал схитрить:

- На обратный путь провианту нет, вот наловим рыбы и уйдем... Однако посланец сказал:

- Еды вам дадим, сколько возьмешь: сыр, сушеное мясо, арака...

Поразмыслив» Лихарев ответил:

- Ладно, через три дня отплываем...,

Контайша всплеснул руками от радости, когда узнал от сына о мире с русскими. Одарил Галдан-Церена десятью ланами золота, и решил отпустить Василия Чередова, бывшего у него уже пять лет, оказав ему, что-де хочет жить с Россией в дружбе и торговать, и препятствия в поисках руд чинить не будет.

Василий Чередов также не скрывал радости.

- Весьма счастливы мы слышать от контайши такие известия, ибо и его царское величество всегда в мире желал быть с вами...

- Однако мы желаем, чтобы царь оборонял бы нас от китайцев и мунгальцев, и я бы жил тогда, как Аюка-хан. Да отобрал бы у китайцев наши земли и вернул нам... Я ж дозволяю ему иметь ясак с ясашных людей, по которым спор был... Беглых же моих людей, чтоб не принимал и мне отдавал.

- Сии пункты не в моей воле решать, - почтительно сказал Чередов.

- Знаю, потому посылаю послов своих к самому царю, под началом Бурокоргана. Поезжай и

известии о нашем посольстве в Тобольске.

- Весьма благодарны, известим... - склонил голову Чередов,

А майор Лихарев после переговоров у озера отплыл вниз по Иртышу, провожаемый радостными калмыками.

Заложив Усть-Каменогорскую крепость отправился в Тобольск, куда прибыл ноября 13 дня 1720 года.

Собравшись уже ехать из Тобольска, он вспомнил об арестанте Ларионе Семенове, которого намеревался взять с собой. Однако в тюрьме ему сказали, что арестант Семенов умер, а тело его передано жене для захоронения.

Доискивался правды было некогда. В столице его ждал с докладом государь.

Он не знал, что в Таре объявился земский судья Ларион Верецагин - бывший Семенов.

Комендант Траурнихт легко согласился выволить Лариона. И в надворном суде все уладил.

Глава 70

Два часа непрерывно докладывал Лихарев царю о своем расследовании. Выслушав его, Петр спросил:

- Так было ли золото?

- По расспросам моим и моему разумению, у Эркетя золота нету, а ежели и есть, то не в таком числе, чтоб за ним посылать экспедицию. Главные свидетели о том же показали. К примеру, Федор Трушников объявил, что он эркецкого золота Гагарину не продавал... Да приходивший ко мне у Зайсана посланец говорил, что доподлинно ведает, что у Эркетя золота нету...

- Стало быть, вор... - сказал Петр и в задумчивости сжал кулаки.

Ему представилась во всей ясности хитрость замысла губернатора: прикрываясь расходами на экспедицию за золотом, озолотиться самому. Однако что-то в этой мысли смущало царя. Как-никак, а крепости ставил, экспедиция была более удачной, нежели в Хиву, да и нехватка по спискам Сената за годы с 713 по 718 всего двадцать тысяч рублей. Да и те Гагарин отказывается признать. Приходных и расходных книг нету, истину не узрешь. Взятки за винную и пивную торговлю брал? Брал... Хотя и эти деньги, врет, на Бухолца потратил... По его ж письмам у купчины Гусятникова иркутский воевода Лаврентий Ракитин отобрал 15 коробочек золота, и каменьев, и алмазов, среди коих три алмазных перстня и алмаз в гнезде для государыни... Гагарин же говорит, что перстни сии и алмаз в гнезде велел взять для скорейшего приноса государыне...

Пора, пора искоренять воровство в России!.. Однако с Гагариным непросто: умен, как Толстой и Шереметев, сделал немало доброго для Отечества... А тут еще ходатаи осаждают, просят освободить Гагарина из Адмиралтейской темницы. Главная из них Катеринушка, тут же и Данилыч, правда, чуя свое рыло в пуху, через тайного кабинет-секретаря больше просит. И сродственники Гагарина канцлер Головкин и вице-канцлер Шафиров... Просят, а дрожат, упаси бог, чтоб он не подумал, что они с Матвеем Петровичем в сговоре. Может, и правда отпустить его с миром?... Даже китайцы и те за Гагарина заступились, думая, что он взят за то, что задерживал их письма царю. Написали: "Понеже все старое из подлаго и купеческого народа ради прибыли своей чинено, того ради мы такие дела ни во что почитаем, Гагарин чрез многие минувшие годы никакого озлобления или затруднения около наших рубежей не чинил, и письма с обеих сторон никогда удерживаемы им не были".

Очнувшись от задумчивости, Петр пососал погасшую трубку и спросил:

- Так что с Бухолцем делать?

- За подполковником, чаю, вины нет. Удивления достойно еще то, что сумел он собрать войско и пойти, ибо мне сколько пришлось трудностей претерпеть, одному Богу известно, собирая куда меньшее число рекрут. Коли и мне калмыки противность учинили, то и ему могли учинить безо всякого с его стороны озлобления.

- Мог ли он Ямышевскую крепость не сдавать?

- Говорил я со многими солдатами и офицерами, что с ним были, наипаче с майором Вельяминовым-Зерновым, все говорили, что ушед, единственно правильно сделал, ибо моровое поветрие могло всех унести... За Бухолцем вины не вижу.

- Ладно... Все доложил?

Лихарев замялся, но затем, глядя Петру в глаза, твердо отчеканил:

- Ваше величество, по сему известию не имею ни бумаг, ни свидетелей, однако совесть и честь офицерская нудят о том говорить...

Петр насторожился и подтолкнул остановившегося Лихарева:

- Говори!

- Из Нарья в бытность мою в Тобольске перед отъездом самым к Зайсан-озеру вел я следствие по убийству посадского человека. Сей убийца, некий Семенов, говорил мне в черном расспросе, будто Гагарин кричал какому-то офицеру при обер-коменданте Бибикове: "Я тут государь!" Якобы Семенову покойный Бибиков о том говорил. Понеже сие касается вашего величества, хотел я по возвращении из походу взять арестанта Семенова с собой, однако оной Семенов, будучи в тюрьме, умер...

По мере того, как Лихарев говорил, Петр бледнел, а с последними словами левая щека его задергалась, и он скрипнул зубами:

- Кому говорил сие Гагарин?

- Неведомо, ваше величество, - робея, проговорил Лихарев. Глянув на него налитыми кровью глазами, Петр прохрипел:

- Приведи-ка немедля плута Гагарина сюда!

Когда Лихарев был уже в двери, дико вскричал:

- Стой! Сам к нему поеду! - и ощерился ядовитой усмешкой: - Он ведь государь!..

Почти подбежав к двери, за которой сидел Матвей Петрович Гагарин, Петр сделал знак Лихареву и начальнику Адмиралтейской темницы остаться в коридоре и, дрожа от нетерпения, едва дверь открылась, ворвался внутрь.

Подлетел к вставшему со скамьи Гагарину и рубанул его ладонью по щеке сверху вниз наотмашь. Матвей Петрович качнулся от удара, Петр схватил его левой рукой за волосы, притянул к себе, а правой вцепился в горло.

- Государем себя мнишь!.. На мое место метишь!..

- Смилуйся, Петр Алексеич, что ты говоришь! - прохрипел Гагарин, отдирая от горла руку. - За что гневен?..

- Не знаешь!.. Говорил, покойному обер-коменданту Бибикову, что-де я тут тебе государь? О престоле мечтание возымел!..

- Помилуй, и в мыслях того не было... Кто оболгал меня, опять обер-фискал? Разве своими делами я не доказал тебе преданность и верность?..

- Молчи, плут!.. Ты и в бумагах писал, яко государь: губерна-атор всея-я Сибири... Аль рюриковичем почитая, Сибирью отделиться захотел?..

- Сия несправедливость так ужасна, что не нахожу слов, язык мой немеет...

- Ничего, я те его развяжу! Говорил Бибикову те слова? Отвечай!

- Не говорил!

- За свое воровство и плутовство жизнью заплатишься! На виске заговоришь!

Глава 71

За последние два года, которые Марья Дорофеевна была с мужем в Санкт-Петербурге, немало ей пришлось поболеть душою. Покуда шло следствие, заметила, как поприбавилось седины у мужа, иные серебристые волоски и в усы пробились.

Бездейство угнетало Ивана Дмитриевича, и, чтоб вовсе оно не съело его, Марья Дорофеевна исхитрилась уговорить мужа ставить новый дом.хлопоты по его строительству как-нито отвлекли Ивана Дмитриевича от дум, чем кончится для него поход в полуденные земли.

Дом, хоть и небольшой, но теплый, был поставлен в конце концов недалеко от Невы, подле самой пристани почти, а Иван Дмитриевич по окончании работ вновь захандрил. Несколько раз вызывали в Сенат, в комиссию Дмитриева-Мамонова, но добавить ему было нечего, и все ожидали возвращения майора Лихарева. Все чаще видела Марья Дорофеевна мужа за водкою, пыталась увещевать, но Иван Дмитриевич хмурился и напивался сильней. Даже годовалый сын, казалось, уже не радовал его. И Марья Дорофеевна тоже стала с нетерпением ждать возвращения Лихарева.

И вот наконец три дня тому пришла весть, что Лихарев вернулся, а сегодня Иван Дмитриевич был вызван к царю.

Извещенный денщиком, приехал брат Аврам.

Марья Дорофеевна кинулась к нему:

- Аврам Дмитрич, что же будет?

- Ничего, ничего, Марья Дорофеевна, бог даст, обойдется... Хотя времена нынче худые. После смерти младенца Петра, наследника последнего, царь вовсе посуровел. Даже светлейший князь Александр Данилович и тот в опале и принужден держать ответ по Почепскому делу.

- Что за дело? - рассеянно спросила Марья Дорофеевна.

- От казаков и от гетмана Скоропадского стали поступать жалобы на светлейшего, что он земли вокруг Почепа, данного ему за Полтавскую викторию, стал прирезать и прибирать себе. Секретарь гетмана Волкевич подал государю пакет, и ныне послан межевщик в Почеп полковник Скорняков-Писарев, брат обер-секретаря Сената...

Марья Дорофеевна, кивая в задумчивости головой, прервала Аврама Дмитриевича:

- Что же будет?.. Недавно опять кого-то казнили... Говорят, голову топором отрубили...

- То иркуцкий воевода Лаврентий Ракитин казнен за воровство. По письмам губернатора Гагарина, он отнял у купчины Гусятникова пятнадцать коробочек золота и разных камней. А из города уезжал с великою славою и в народе разметал много денег... Тут воровство явное, а за братом моим вины нет...

- Ох, боюсь, боюсь... - в волнении заходила Марья Дорофеевна по комнате. Ее волнение передалось и Авраму Дмитриевичу, и он выкуривал трубку за трубкой, поглядывая в окно.

Наконец в три часа пополудни открылась дверь, вошел Иван Дмитриевич и, бледный, остановился у порога, глядя на брата и жену.

- Ну что, Ванечка? Что? - с дрожью в голосе, не выдержав молчания, спросила Марья Дорофеевна.

- В Нарву... Комендантом... - виновато улыбнулся Иван Дмитриевич.

Марья Дорофеевна кинулась ему на шею, измочила щеки и усы слезами и тут же убежала к себе в комнату, где перед иконой Божьей Матери горели свечи, пала на колени и благодарила в горячих молитвах заступницу... Аврам тоже обнял брата.

- Обошлось, стало быть, слава богу! Рассказывай, рассказывай!

Слово в слово поведал Иван Дмитриевич свой разговор с государем, который сказал, что за ним вины не найдено и что он может служить, как и прежде, на пользу Отечеству.

Об одном только умолчал Иван Дмитриевич, не сказал брату о том, как уже, сообщив о назначении в Нарву, Петр вдруг спросил, пылливо глядя в глаза: "Скажи, подполковник, не говорил ли тебе Гагарин, что-де я тут тебе государь?"

От вопроса того будто полуденным зноем опалило Ивана Дмитриевича. Сразу вспомнил стычку с Гагариным при Бибикове. Но сказать - убить Гагарина... Бибикова уже нет в живых... Хватило сил не отвести глаз и твердо сказать: "При мне таких слов губернатор не говорил..."

- С Гагариным что будет?

- Матвей Петрович оставлен под следствием.

Глава 72

Не чаял митрополит Филофей, что последним годом его управления епархией будет еще один - семьсот двадцать первый год. По всему надлежало быть таковым прошедшему году. Августа 3 дня после не одного прошения на покой уволить, назначена была ему, наконец, пенсия из доходов епархии в 200 рублей и по 50 четвертей хлебом на год. Казалось, вот и исполнится его желание уединиться до скончания дней земных в монастыре, уж и выбрано в каком - в Тюменском, что сам строил, - однако воспреемника на архиерейский престол не было подыскано до сей поры. А январь месяц нового года на исходе.

Новый год встретили с новым губернатором. За три дня до Рождества прибыл князь Алексей Михайлович Черкасский в столицу Сибири, и он, Филофей, был на торжественной встрече его, а после в честь сего и молебен отслужил в соборе.

Князь Черкасский на его вопрос о воспреемнике ответил, что-де таковой подыскивается, и будто бы Стефан Яворский сказывал, что более других подходящ к сему месту митрополит Антоний. А куда не пробудет, управлять епархией придется ему, Филофею.

Да он и сам знал, что ему. Кому же?

О Гагарине новый губернатор говорил неохотно и только сказал, что по приезде майора Лихарева, дела у бывшего сибирского губернатора весьма худые.

Сие весьма огорчило владыку. Не представлял без Гагарина, свыкся. Даже и в делах церкви без него мало что обходилось. Вот и в девятнадцатом году апреля 4 дня, послал ему последнее письмо из

Селенгинской крепости (ездил более года по епархии для обозрения ея и распространения христианства), не ведая, что Матвей Петрович уже не губернатор: "И впредь есть надежда, аще Ваше Сиятельство, примите по Бозе ревность и с Преосвященным Стефаном посоветовав, доложите Его Царскому Величеству и, избрав добраго и мудраго человека, туда, в Царство Китайское пошлете не замедля. А еще хотя бы и чином Архиерейским, Архиепископом почтите, и клиру с ним человек пятнадцать послати; понеже то они, китайцы разумеют, что Его Царское Величество для укрепления вечнаго мира таких людей пришлет".

Беспокоился тогда, дабы Русская Духовная миссия в Пекине не пресеклась по смерти главы ея архимандрита Илариона Лежайского. Сколь трудов им, Филофеем, и губернатором Гагариным на ее открытые было положено! А без Духовной мести было, что многие русские пленники женились на китайках и отпадали в иную веру, так, что в одиннадцатом году пришлось писать Филофею обличительную грамоту, дабы удержать полонянников в Христовой вере. И в тринадцатом году по наставлению его купчина Осколков испросил у китайцев дозволения присылать в Пекин русских священников.

Уж неведомо, приложил ли Матвей Петрович руку к сему делу(ежели приложил, было оно для него по губернии последним), но токмо первый русский Архиерей был без задержки в Китай отправлен, правда, без клиру почти. Клиру-то и в Сибири нехватка. Сие успел заметить даже новый губернатор, едучи в Тобольск, и в разговоре с ним, Филофеем, неделю тому с неудовольствием выговорил о том. Он же ему отвечал, что то не из его какого нерадения, что многие церкви без священников, а монастыри без настоятелей пребывают, а от безлюдства... Матвей Петрович, прежде чем кому-то выговаривать, узнавал, что к чему... Да уж ладно теперь! Новому губернатору новый митрополит будет. Они с Матвеем Петровичем свое дело, кажется, сделали. Самим государем труд его, Филофея, отмечен в присланной по осени похвальной грамоте:"... Богомольцу нашему Преосв. Митрополиту Тобольскому и Сибирскому. Известно Нам, Великому Государю учинилось чрез доношение Ваше, что Вы в бытность свою в Сибири собственными своими трудами взыскали и окрестили в Православную веру ясаших инородцев более тридцати тысяч человек, и построили у них святые перкви... И мы, Великий Государь, за то Богомольца нашего жалуем, милостиво похваляем..."

А Матвей Петрович за труды свои в Сибири токмо ли хулы достоин! Уж и поход сей за золотом в вину ему, ходят слухи, поставлен... А ясно видно: в заслугу надо ставить! Губерния на полдень не мало продвинулась. Рубежами гагаринскими стоят они по Иртышу... Конечно, забот прибавили... И ему, Филофею... Клиру-то нехватка. Вот и сейчас должен он собраться в собор для рукоположения в сан священников отставного казака и .двух посадских мужей для вновь поставленных городов. Ничего, что люди мирские; грамотные, служебные книги читать могут, а благодать от Бога дается...

Слуга, доложил, что в дом просится некий крещеный остяк. Филофей велел впустить.

Увидев вошедшего, ласково улыбнулся. Князец Сатыга, держа связку соболей в левой руке, перекрестился, пал на колени, и коснулся лбом паркета у ног владыки.

- Встань, Иосиф Григорьевич, встань,- назвал его христианским однем Филофей. - По какому делу прешел?..

В последние годы из всех инородцев-новокрещенов Сатыга и самый примерный христианин. Пять лет тому племянник Сатыги молитвами Филофея остался жить. И не покинул православную веру Сатыга. А еще через год родила жена Сатыге двойню, что почел он справедливо за чудо. Окрестил сыновей их нарек их Петром и Матвеем в честь государя губернатора... С той поры часто наезжает в Тобольск, всегда с подарками, и подолгу молится в храме.

- Прими поначалу, владыко батка, малый дар от семьи моей, - протянул Сатыга связку соболей..

- Благодарствую, Иосиф Григорьевич, сие пойдет в казну епархии... Как здоровье сыновей?

- Слава Богу нашему Иисусу Христу, сыновья мои здоровы,-перекрестился Сатыга. - Я же предел, владыко батка, просить благословения от тебя... Хочу на свои деньги церковь в нашем селении поставить... Люди мои того же хотят.

- Не токмо благославляю, - просиял Филофей, - но коли жив, всенепременно проеду освятить сию церковь, и священника пришлю обязательно, хоть и нехватка их великая. Тебя же милостью своею Господь не оставит и дарует жизнь вечную...

- Еще, владыко батка, хочу спросить, замялся Сатыга.

- Говори, говори, - подбодрил Фгглофей, одеваясь с помощью слуги.

- Был в нас человек из Верхотурья, плохой человек... Обольщал моих людей вином и говорил,

князь губернатор Матвей Петрович царя прогневил, что не давал ясашных людей продавать русским... А ныне-де указ будет, чтоб продавать можно... Так ли, батка?

- Сие ложь! - нахмурился Филофей. - Холопей в Сибири не будет николи!.. Вам же кроме того от государя нашего послабление вышло, из подушного оклада инородцы исключены, а платить будут, как и прежде, оклад ясашный... Да и в том намерение есть обольготить... А чтоб разорения и разврата не было, излишними сборами со стороны купчин и промышленников, будут в селения ваши посланы особые люди за тем смотреть...

- Спасибо, батка, - упал в ноги Сатыга. - Всю жизнь я и мои люди будем молиться за тебя!..

- Встань, встань!.. Даже тем, кто в идолопоклонстве остается никаких утеснений не будет, и насильно, передай, никто их обращать в христианскую веру не будет... Так что поезжай, любезный мой, и начинай свое богоугодное дело...

После ухода Сатыги владыка Филофей с благостной теплотою в душе подумал о том, что не напрасно было все, что делалось им столько лет. И радостно было предугадать, что не усидеть ему, как мечталось, в покойном уединении в монастырской келье, что будет еще много дел у него на ниве апостольства и просвещения инородцев, дабы крепла единством земля сибирская.

Глава 73

По приезде майора Лихарева следствие по делу князя Гагарина, шедшее до того ни шатко ни валко, покатилося, как снежный ком. И просидевшего в темнице уже год Матвея Петровича допрашивали у Мамонова часто, подолгу, но ничего нового он не прибавил к своим показаниям. И 11 марта 1721 года в присутствии царя был подвергнут черному расспросу.

А пункты расспросные главные все те же. Только отвечать на них приходилось, вися на дыбе.

Когда заплечных дел мастер, сунув руки его за спиной в хомут, потянул веревку, перекинутую через блок, боль петель перехватила грудь, ноги повисли в воздухе, и лицо его оказалось на одном уровне с лицом царя. Мелькнула неподходящая вовсе мысль: "Как, однако, он высок...", но тут же боль вытеснила все мысли, со лба покатился едкий пот, и через туманную пелену пробился голос царя:

- Признавайся, сколько взял себе казенных денег?

- Каюсь в том, что иной раз брал, что в почесть давали... Кто не брал в почесть из знатных людей?.. То у нас в обыкновение...

При этих словах светлейший князь Меншиков, приглашенный на расспрос самим царем, склонил голову. Месяц тому приходил к Гагарину в темницу, жаловался на притеснения по Почепскому делу, обещал помочь ему, Гагарину, и как бы между делом спросил, не говорил ли в расспросах, что на строение дворца его, Меншикова, брались деньги из казны Сибирской канцелярии. "Эх, Данилыч, - с горечью подумалось тогда, - не обо мне ты печешься, о себе лишь..."

- Что ты в почесть называешь, имя есть взятка! А хоромы и дворы в Москве и тут, и в Тобольске ставил на казенные деньги!

- На свои ставил!.. Из сибирской казны давал токмо на строительство двора светлейшему...

Петр воззрился на Меншикова, тот открыл рот, чтобы оправдаться, но царь, как прихлопнул:

- После разберем! И к Гагарину:

- Для чего ранее о том не объявлял?

- Не спрашивали...

- Об эркецком золоте говорил ложно, дабы воровство свое покрыть?

- Золото есть... Дойти надо было...

- Врешь все! Лихарев 85 человек допросил, ни одного ведомца не нашел! Меня обманул, вор!

- Золото есть!.. - упрямо повторил Гагарин.

Петр дал знак, и палач стал бить Матвея Петровича кнутом по спине. И скоро все поплыло перед его глазами, и прежде чем лишиться памяти, он увидел блаженно-мстительную улыбку обер-фискала Нестерова.

Очнулся он на полу. Царь сидел за столом и что-то писал. Затем снова подошел к узнику и спросил:

- Кому говорил, я-де тут тебе государь? Матвей Петрович с тоской понял, что для царя это главное и, что бы он ни говорил, судьба его решена.

- Не говорил подобных слов...

- А мог и говорить! - вступил обер-фискал. - Не ты ли говорил, будучи в Москве во дворце своем: чем-де не царский дворец, что-де орла лишь золотого не хватает?..

- Ты при моих словах был? - презрительно усмехнулся Гагарин.

- Отвечай, когда спрашивают, - ударил его Петр по щеке.

- Орла, может, и поминал, не упомяну... Ежели и говорил, то пьяным обычаем, хвастовства ради... Петр Алексеич, - взмолился он, - да куда твой светлый ум подевался, оглянись. Всегда тебе среди первых помощник был, даже и в мыслях посягать на престол не смел... Кого слушаешь, таких, как Нестеров, кои хотят на чужих костях в рай въехать...

- Не тебе меня учить! - вспыхнул Петр и направился к выходу, сунув на ходу Меншикову лист бумаги. На нем значилось: " Указ Сенату. Дела плута Гагарина надлежит вам слушать, которые важные (понеже всех не одна тысяча есть), а особливо которые он делал уже после опубликованных указов за лихоимство, и по оным приговор учиня по правде, прислать ко мне. Петр".

Все вышли следом за царем, а Меншиков задержался.

- За собой меня утянуть хошь! - зло бросил он. - Не выйдет! Знаешь ведь, не раз его просил за тебя...

Недолго разбирал Сенат его дела, уже через три дня Гагарин стоял в том же зале, где судили царевича Алексея. И судьи те же, да только он не в зале среди знатнейших вельмож, а подсудимый. Как и тогда заседание велось под началом Меншикова, а приговор зачитывал вице-канцлер Шафиров. Тело после пыток было разбито, и боль отвлекала то и дело от того, что читал Шафиров.

"1721 марта в 14 день по вышеписанному его императорского величества именному указу правительствующий Сенат, слушав вышеписанных выписок, которые внесены от гвардии маэорами Дмитриевым-Мамоновым, Лихаревым, за их руками по розыске о князе Матвее Гагарине, в которых вины его написаны: в-первой, 716 года, что он на Вятке покупной хлеб утаил... во-второй... казенные деньги на свои товары и расходы... в-третьей, 716 года о взятках за отдачу на откуп винной и пивной продажи... в-четвертой, в 1717 году... к купчине Гусятникову писме, по воровской им самим составленной цыдуле о присылке к нему... в-пятой... в-шестой, за взятые у Якова Федоровича Долгорукого в китайском торге, не оценив, товаров..."

Два последних пункта не слышал, будучи в полубеспамятстве. Когда очнулся, Шафиров дочитывал:

- "...За вышеписанные многие воровства ево, князя Матвея Гагарина, приговорили согласно казнить смертью..."

Далее Шафиров прочитал о строении двора Меншикова, об отсылке того дела в канцелярию для следования.

Подписанный сенаторами приговор подали Петру, и он написал под ним: "Учинить по сенатскому приговору".

Вечером в темницу к Гагарину пришел вице-канцлер Шафиров, принес чернила, бумагу, перо.

- Матвей Петрович, подай государю прошение о помиловании, просись в монастырь. Я подам ему твое прошение, как-никак - родня ведь мы...

- Не помилует он... Сына не пожалел... А после смерти Петра Петровича совсем озверел...

- Сравнил! Там измена, а за тобой какие вины - тьфу! Данилыч то ли творит!..

- Моя вина в приговоре не оглашена... Он мнит, что я на его место метил... А того он простить не может.

- Матвей Петрович, попробуй! Попытка - не пытка. Дети твои просят, и жена Евдокия Степановна была у меня. Напиши, я обожду. Покаянную голову меч не сечет.

Матвей Петрович с трудом положил вывернутые на дыбе руки на стол, поморщился и с частыми остановками написал:

"Припадая к ногам вашего величества, прошу милосердия и помилования ко мне, погибающему: розыскивают много и взыскивают на мне управления во время ведения моего Сибирской губернией и покупки алмазных вещей и алмазов, что я чинил не по приказному обыкновению. И я, раб ваш, приношу вину свою пред вашим величеством, яко пред самим Богом, что правил Сибирскую губернию и делал многие дела просто, непорядочно и неприказным поведением, також многие подносы и подарки в почесть и от дел принимал и раздачи иные чинил, что и не надлежало, и в том погрешил пред вашим величеством, и никакого ни в чем оправдания кроме виновности своей принести вашему величеству не могу, но со слезами прошу у вашего величества помилования для милости Всевышнего к вашему

величеству: сотвори надо мной, многобедным, милосердие, чтоб я отпущен был в монастырь для пропитания, где б мог окончить живот свой, а за преступление мое на движимом и недвижимом моем имении да будет воля вашего величества".

Глава 74

- Получил твое прошение, - сказал Петр, пришедший к Гагарину на другой день после визита Шафирову. - Коли признаешься в винах своих, прощу, и пойдешь в монастырь...

- Во всех винах в прощении моем повинился...

- Я не о тех винах тебя спрашиваю. О золоте эркецком для чего врал?

- Золото было, в том пред Богом чист... И дело сие не напрасно делалось, крепости мои стоят по Иртышу и людьми полнятся.

- Я разорю твои крепости! Из-за них с контайшой свара лишь!

- Не разоришь, коли Отечеству своему добра желаешь... А контайша к тебе скоро сам с миром придет, попомни мое слово!..

- Ладно, разговор сей бестолковый, - прервал Гагарина Петр. - В одном прошу покаяться: говорил ли, что я тут тебе государь? Слово даю - признаешься, отпущу в монастырь!..

- Ты меня, яко неверную метреску уговариваешь, чтоб в грехах своих покаялась. Да чтоб с чистой совестью разойтись с нею! - вспыхнул Матвей Петрович. - Порешил казнить ведь меня, что признаюсь, что нет. Ежели признаюсь, то с чистой совестью сделаешь... Но я тебе такой радости и облегчения не дам: не говорил!.. Окстись, Петр Алексеич, с кем останешься! Первейших своих знатных помощников сам себя лишаешь. Шереметев, многие победы тебе добывший, едва ли не страха ради помер. убоясь, что ты его заодно с царевичем считаешь... Меня казнишь... За Данилыча принялся... Где нам дармовое доставалось, то все одно к Отечеству прибавок... А придут другие, растащат по клочкам все, что ты воевал и строил...

- Слова сии в оправдание воровства своего говоришь, не в попечение о благе Отечества!

- Будто глухой стал! Для Отечества, может, себя отцом почитаешь, а людям отец ли? Сам ведаешь!.. Меня казнишь, хоть сына моего оставь, сын за отца не ответчик... Данилыча тоже не трогал бы... С одними Нестеровыми да иноземцами много не сделаешь...

- По мне лучше честный иноземец, нежели свой вор! Покайся, в чем прошу!

- Я пред тобой на письме во всем покаялся, более не в чем. Да и о том покаении сожалею...

- Что ж, коли так, молись. Завтра будешь повешен!

- Бог тебе судья, Петр Алексеич.

В тот же день в канцелярии Дмитриева-Мамонова Петр указал "по именному своему великого государя указу бывшего сибирского губернатора князя Матвея Гагарина за многое его воровство движимое и недвижимое его имение, поместья и вотчины с людьми, со крестьянами, и со всеми в нем надлежащими угодьями, и дворы Санктпетербургские и Московские, и всякие его, Гагарина, пожитки и хлеб, и лошадей, и прочее все без остатку отписать на себя, великого государя..."

Себе, однако ж, взял лишь два ружья в серебряной оправе работы мастера Пиленко и приказал вызвать того мастера из Тобольска. Имущество же поделил между близкими и верными людьми, однако Нестерова среди них не было.

Марта 21 дня 1721 года князь Матвей Петрович Гагарин был приведен под окна Юстиц-коллегии, где подле сооруженного по случаю казни эшафота стояла толпа народа, отделенная от вельмож и государя солдатами. Здесь же были все родственники Гагарина. Жена Евдокия Степановна, поддерживаемая плачущими дочерьми, то и дело роняла с рыданием голову им на плечи.

Бледный, с плотно сжатыми губами, стоял сын Гагарина Алексей, разжалованный Петром в матросы.

Матвей Петрович в коричневом камзоле и такого же цвета штанах взошел на эшафот в сопровождении двух офицеров с обнаженными шпагами, поклонился Петру, затем родственникам, народу, перекрестился на церковь, дал перекрестить себя священнику и подошел к виселице. Встал на скамью, поцеловал палача и позволил накинуть петлю на шею...

В назидание и устрашение другим, труп его был перевезен вскоре на большую виселицу возле Новой Биржи, где на шестах торчали головы казненных еще по делу царевича Алексея. Казалось, знатные вельможи расселись в кружок вокруг головы Аврама Лопухина и беседуют.

Бренное тело Матвея Петровича должно было сгнить на веревке.

Летом, опасаясь морового поветрия в городе, губернатор Санкт-Петербурга светлейший князь Александр Данилович Меншиков обратился к государю с просьбой убрать повешенного. Будучи в опале, обратился не лично, а через тайного кабинет-секретаря Макарова. Но разрешения снять труп не получил.

И лишь когда веревка перегнила, "1721 ноября 25-го дня в канцелярии ведения бригадиров и лейб-гвардии майоров Дмитриева-Мамонова и Лихарева и с протчими офицеры Его Императорского величества денщик Василий Петров сын Поспелов объявил словесно Его Императорского Величества указ, что Его Императорское величество указал, князя Матвея Гагарина с виселицы ис петли сняв и зделав железную цепь, подцепить на той цепи на той же виселице, где он был. И сей Его Императорского величества указ лейб-гвардии майор Дмитриев-Мамонов приказал в канцелярии ведомства своего .записать в книгу".

Эпилог

1

Три с небольшим года прошли для Ивана Дмитриевича Бухолца в Нарве спокойно, хотя комендантом крепости быть дело само по себе хлопотное. Да пришел конец войне со шведами, и славный Ништадский мир утвердил Россию в прибалтийских землях. И он уже стал подумывать, что прослужит до отставки тихо рядом со столицей, однако не вышло.

В октябре 1723 года был вызван он на заседание Сената, где слушалось дело по пограничным спорам с Китаем. После смерти императора Канси новый обладатель Поднебесной, победами над войсками контайши Цеван-Рабдана осмеленный, стал поглядывать и на полуночные земли...

И получил он, подполковник Бухолц, указ следовать в Селенгинск для принятия под свое начало всего сибирского регулярного войска. Вместе с Лоренцем Лангом и геодезистом Кушелевым, посланными для развода в споре о границах и для работ по межеванию, он готов был отправиться в путь, да брат Аврам уговорил задержаться на дня два: будет-де казнь весьма знатной персоны, и он командует при том караулом.

Когда же брат на его вопрос поведал, что это за знатная персона, Иван Дмитриевич в изумлении воскликнул:

- Обер-фискал Нестеров? Слышал, что он под следствием... За что же казнят?

- За те ж грехи, что в других обличал: за взятки! Приговорен к колесованию...

- За взятки?! Государю, верно, то в обиду, ибо за честного человека его почитал и обер-фискалом поставил.

- То-то обидно... По его, государя, указу и генерал-прокурора Ягужинского следствие началось... Сам велел черные расспросы вести... Но и под пытками Нестеров ни в чем не повинился.

- Каким образом открылось злоупотребление?

- Некий посацкий человек из Ярославля Иван Сутягин подал челобитную в Сенат с жалобой на провинциал-фискала Попцова на то, что он творит бесчинства великие, а обер-фискал его за мзду покрывает... Сей Попцов лез во все дела, куда ему лезть не следовало: держал колодников, штрафы брал, вымогал взятки, откупы брал под фальшивым именем, и все с рук сходило,

ибо Нестеров в чужом глазу соринку зрел, а в своем бревна не чуял... Столь многим он из знатных людей досадил, что следствие за год всего провели! И вот января двадцать четвертого дня будет казнь учинена...

Когда ранним морозным утром Бухолц к девяти часам пришел на место казни, все уже было готово. Под высокой виселицей устроен был эшафот. Брат, подойдя ненадолго, сказал, что государь наблюдает за казнью из окон Ревизион-коллегии и что на этой самой виселице был повешен князь Гагарин...

Казнь начали с Попцова. После оглашения приговора ему просто отрубили голову. Затем отрубили головы еще двум каким-то колодникам, и дошла очередь до Нестерова. Бухолц впился взглядом в главного виновника гибели князя Гагарина, да и его чуть не погубившего. Сильно поседевший, но видный и дородный, Нестеров молча выслушал приговор, обратился лицом к церкви Петропавловской крепости, перекрестился, повернулся к императору и поклонился ему.

Помощники палача привязали его к колесу, и палач раздробил ему правую руку и правую ногу, через некоторое время другую руку и ногу.

Священник, осеняя его крестом, просил покаяться в вине, но Нестеров, хоть и не потерял сознания, молчал.

Подошел Дмитриев-Мамонов и сказал, что император велел передать, коли в вине покается, ему окажут милость и немедля отрубят голову. Иван Дмитриевич расслышал, как Нестеров внятно сказал:

- Все, что знал, я уже высказал...

И замолчал.

Через четверть часа его, еще живого, сняли с колеса, повлекли к эшафоту, положили лицом в чужую кровь и обезглавили.

Головы казненных были водружены за эшафотом на заранее приготовленные высокие шесты с острыми концами, обитыми на пол-аршина железом.

2

В доме селенгинского коменданта бригадира Ивана Дмитриевича Бухолца который день гостит молодой профессор истории Герард Фридрих Миллер из экспедиции Петербургской академии наук. И все свободное от службы время Иван Дмитриевич, поседевший и располневший, проводил с Федором Ивановичем, как представился ему Миллер. Профессор поразил Бухолца своей любознательностью, дотошностью и знаниями о Сибири.

Уже третий день Иван Дмитриевич рассказывал ученому немцу со всеми подробностями о походе за песошным золотом, а Миллер записывал все следом на родном языке, прерываясь изредка, чтобы задать вопрос.

Наконец, рассказав о закладке Омской крепости, Иван Дмитриевич сказал:

- На том дело сие и завершилось, и после следствия Лихарева направлен я был государем в Нарву комендантом...

- Когда же, Иван Дмитриевич, ты опять в Сибирь был послан, и по какому случаю?

- Давно уж, тому скоро двенадцать лет будет... Тогда я как раз чин полковника получил. А дело было такое. Китайцы запретили проезд наших торговых караванов, требуя землю межевать. И вот было повелено мне ехать на границу для управления военного. Регулярное войско, однако, невелико было, и пришлось набирать рекрут в Тобольске, как в бытность перед походом.

Приехал я сюда, в Селенгинск, в двадцать четвертом году, и было тут казаков всего двести тридцать. А крепость строена была на ни к чему не годном месте и ко всяким набегам весьма опасна была... Пришлось мне новую крепость поставить и гарнизон укрепить, что весьма кстати было, ибо в межевании с китайцами были споры, покуда в 27 году Савва Лукич Рагузинский не заключил Буринский договор. В двадцать восьмом году на реке Кяхтинке капитан Княгинкин ставил Кяхтинскую торговую слободу, а в четырех верстах от слободы заложили в Троицын день по приказу Саввы Лукича крепость, прозванную потому Троицесавской... И с той поры пошла в гостином дворе Кяхты торговля и по ею пору идет...

- Иван Дмитрич, из Селенгинска не выезжал куда?

- В 1731 году принимал я у капитан-поручика Измайлова город Иркутск, однако в том же году был послан в чине бригадира обратно в Селенгинск, ибо у маньчжур с калмыками вновь война учинилась. Теперь, видать, мне до отставки или до смерти моей здесь быть предстоит... Подавал прошение за болезнями многими отпустить меня, однако отпущен не был. Нынче ноги вовсе плохо носят...

- Верно ли, что здесь бывал царский Арап?

- Аннибал? Верно, был с двадцать седьмого по тридцать первый год, помогал строить Селенгинскую крепость. Однако более в столицу мечтал вернуться, к работе был непривычен, хотя в инженерстве знания имел, ибо в Париже обучался. И едва Анна Иоанновна взошла на престол, как он отсюда отпросился...

- Так было золото в Эркете или нет?

- Кто ж его знает... Ежели и схитрил Гагарин о том золоте, то не собственной выгоды ради. Ведь крепости, что по Иртышу ныне стоят, его рук дело, а началось все с похода за золотом. Ныне те крепости закрыли и Барабу, и Алтай от набегов казачьей орды и калмыков. Все то, полагаю, Гагарин понимал. Не зря уж после казни его калмыки просили мира и хотели отдаться в российское подданство. По сему делу был послан к контайше от артиллерии капитан Иван Унковский.

Я Унковского видел в Тобольске, когда он вернулся из Урги. В бытность его у контайши умер китайский император Канси, и калмыки в подданство не отдались, надеясь быть в мире не только с Россией, но и с китайцами. Однако ныне у них опять война. С Унковским вернулось некоторое число

пленных из моего отряда. Один из них, солдат Лычагин, пошел со мной в Селенгинск, да был убит три года тому в пограничном дозоре... Добрый был солдат.

- Правда ли, что император Петр хотел разорить крепости, поставленные Гагариным?

- Не слыхал такого. Петр Алексеич, хоть и горяч был, но дело разумел и выгоду сих крепостей, конечно, видел. И зря он казнил Гагарина, мог он еще много пользы Отечеству принести. Хотя и спорил я с губернатором, бывало, но слава богу, совесть моя пред ним чиста...

- Поход сей за золотом имел ли влияние на судьбу князя Гагарина?

- Чаю, имел, и немалое. Государь почитал, что расходами на экспедицию Гагарин воровство свое покрыть хочет... Обер-фискал Нестеров в том его уверял и весьма усердствовал... Однако сам не намного пережил Гагарина, тоже от царя живота лишился. Перед самым отъездом сюда был я на его колесовании... Сказать надо, держал себя Нестеров при казни достойно: ни слова не промолвил. Так голову и отрубили. И то удивительно, что казнь сия была под той самой виселицей, на коей князь Гагарин повешен был. Судьба, стало быть!

Бухолц помолчал, потом тяжело поднялся с кресла, положил руку на плечо Миллера и сказал:

- Пожалуй, хватит на сегодня, Федор Иванович, пора ужинать.

1988 -1991 гг.

Словарик старинных слов и выражений

Алтын – 3 копейки.

Аршин – мера длины = 4 вершка = 71,12 см.

Дощаник – большая плоскодонная лодка с парусом

Кружало – кабак.

Мортира – короткоствольное орудие для стрельбы навесным способом, обычно по крепостям.

Понеже – потому что.

Экзерциция – упражнение, учение.

Уклад – низкокачественная высокоуглеродистая сталь

Фузея – кремневое ружье со штыком

Фунт – мера веса, равная 409,512

Генварь – январь.

Рентерея – хранилище казны.

Стольник – на Руси до XVII века придворный чин, степенью ниже боярина.

Ведение – официальное извещение, ведомость.

Деньга – полкопейки, 2 полушки.

Камка – шелковая ткань с разводами китайского происхождения.

Нагалище – чехол.

Лядунка – зарядница.

Сажень – мера длины = 3 аршинам = 7 футам = 213,36 см

Сие – это.

Зело – очень.

Четь – то же, что четверть = 8 пудам

Архимандрит – высшее звание иеромонаха, обычно настоятеля мужского монастыря.

Бечевник – тропа на берегу, которой идут тянущие бечевой судно.

Вогулы – манси.

Самоеды – ненцы.

Остяки – ханты.

Четверток – четверг

Аки – как

Вершок – мера длины, равная 4,44 см. Аршин = 16 вершкам.

Контайша – правитель Джунгарии.

Аманаты – заложники.

Гобвахта – гауптвахта.

Полон – плен.

Сырная неделя – последняя неделя перед Великим постом.

Аки – как

Вершок – мера длины, равная 4,44 см. Аршин = 16 вершкам.

Контайша – правитель Джунгарии

Болверк – бастион.

Палисад – плотная изгородь из бревен с заостренным верхом.

Секурс – помощь, резерв.